

Historia
Russica

А.В. Голубев
В.А. Невежин

Формирование образа Советской России в окружающем мире средствами культурной дипломатии

1920-е – первая половина 1940-х гг.

**Институт российской истории
Российской академии наук**

**А.В. Голубев
В.А. Невежин**

**Формирование образа
Советской России
в окружающем мире
средствами
культурной дипломатии
1920-е – первая половина 1940-х гг.**

Центр гуманитарных
инициатив

Москва — Санкт-Петербург
2016

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)251
Г60

Серия «Historia Russica» основана в 2015 г.

Редакционная коллегия серии:

Ю.А. Петров (председатель), С.В. Журавлёв, В.Н. Захаров,
В.А. Кучкин, Д.Б. Павлов, Н.М. Рогожин, В.В. Трепавлов,
В.В. Шелохаев, В.А. Шестаков, А.В. Юрасов

Серийное оформление: Ю.В. Балабанов

*Утверждено к печати Ученым советом Института российской истории
Российской академии наук*

Рецензенты:

доктор исторических наук И.В. Быстрова,
доктор исторических наук И.А. Хормач

Голубев, А.В., Невежин, В.А.

Г60 Формирование образа Советской России в окружающем мире средствами культурной дипломатии, 1920-е — первая половина 1940-х гг. [Текст] / А.В. Голубев, В.А. Невежин ; Институт российской истории Российской академии наук. — М. : Институт российской истории РАН: Центр гуманитарных инициатив, 2016. — 238 с. — (Historia Russica).

ISBN 978—5-8055-0296-6

В монографии, основанной на опубликованных источниках и материалах центральных, ведомственных и региональных архивов, рассматривается специфика советской культурной дипломатии 1920-х — середины 1940-х гг. Особое внимание уделено проблеме формирования образа Советской России (СССР) в межвоенный период (1922—1939 гг.), а также в рамках антигитлеровской коалиции (1941—1945 гг.), когда осуществлялись активные культурные связи с главными союзниками Советского Союза — Великобританией и США. Выявлена роль в этом процессе государственных учреждений, общественных организаций СССР и зарубежных стран, их руководства, видных деятелей науки и культуры. Внимание авторов сосредоточено на показе не только достижений, но и трудностей, возникавших при создании позитивного имиджа Советского государства средствами культурной дипломатии и связанных с наличием глубоких политических и идеологических противоречий с Западом.

ISBN 978-5-8055-0296-6

© Голубев А.В., 2016
© Невежин В.А., 2016
© Институт российской истории РАН, 2016
® Центр гуманитарных инициатив, 2016

Оглавление

От авторов	7
Глава 1. Исторический контекст возникновения советской культурной дипломатии	11
§ 1. Специфика советской модернизации в рамках тоталитарного политического режима	11
§ 2. О «закрытости» советского общества межвоенного периода	22
Глава 2. Специфика советской культурной дипломатии межвоенного периода	57
§ 1. Эпоха становления (1917—1929 гг.)	57
§ 2. «Звездный час» советской культурной дипломатии	86
Глава 3. Культурная дипломатия в начальный период Второй мировой войны (1939—1941 гг.)	127
§ 1. В тени пакта Риббентропа — Молотова	127
§ 2. На фоне ухудшения взаимоотношений с Западом	153
Глава 4. Межсоюзнические отношения и советская культурная дипломатия (1941—1945 гг.)	173
§ 1. Перестройка органов культурной пропаганды в военных условиях	173
§ 2. Активизация культурных связей СССР с главными союзниками по антигитлеровской коалиции	182
§ 3. Механизм формирования позитивного имиджа СССР	198
Заключение	215
Список использованных источников и литературы	220
Указатель имен	232

Международные культурные связи СССР представлены в обобщающих трудах по истории внешней политики и советской культуры, в специальных статьях и монографиях, насыщенных фактическим материалом. Их авторы ввели в научный оборот большое количество новых источников, в том числе архивных документов¹. Своеобразным итогом исследований по данной проблематике стали главы двухтомника, посвященного культурной революции в СССР².

Эта историографическая традиция была продолжена с выходом в свет основанной на документах монографии В.И. Фокина³. Он уделил особое внимание теории культурного обмена как такового, роли интеллектуального сотрудничества в истории XX в., борьбе европейской интеллигенции против фашизма и войны. Однако проблема использования культурного обмена и интеллектуального сотрудничества *в политических целях* в монографии так и не была освещена.

Вместе с тем в историографии последних лет, благодаря избавлению от существующих стереотипов и расширению источниковой базы исследований, возник сюжет о ярко выраженной пропагандистской направленности культурных связей СССР. Такой

---

¹ *Иоффе А.Е.* Интернациональные научные и культурные связи Советского Союза. 1928—1932. М., 1969; *Он же.* Международные связи советской науки, техники и культуры. М., 1975; *Кузьмин М.С.* Деятельность партии и Советского государства по развитию международных научных и культурных связей СССР. Л., 1971; *Куманёв В.А.* Деятели культуры против войны и фашизма. Исторический опыт 20—30-х годов. М., 1987; *Романовский С.К.* Международные культурные и научные связи СССР. М., 1966; *Сааков Р.Р.* Международное движение общественности за дружбу и культурные связи СССР. М., 1975; и др.

² Великая Октябрьская социалистическая революция и становление советской культуры, 1917—1927. М., 1985; Советская культура в реконструктивный период. 1928—1941. М., 1988.

³ *Фокин В.И.* Международный культурный обмен и СССР в 20—30-е годы. СПб., 1999.

подход отражен в ряде научных публикаций⁴, в том числе документальных⁵.

В то же время остается мало изученным вопрос об использовании подобных связей для решения не только пропагандистских задач, но и для достижения политических и дипломатических целей, т.е. всего комплекса форм и методов организации и осуществления «культурного обмена», который в исследовательской литературе получил наименование *культурной дипломатии*, или *культурной внешней политики*.

Теперь уже не приходится доказывать, что изучение всего комплекса культурных и общественных связей, существовавших между Советской Россией и Западом в 1920-е — первой половине 1940-х гг., возможно лишь при условии понимания их как определенной политики, причем скоординированной и проводившейся в жизнь с достаточной целенаправленностью, в соответствии с теми

---

⁴ Голубев А.В. «Взгляд на землю обетованную»: из истории советской культурной дипломатии. М., 2004; Голубев А.В. Интеллигенция Великобритании и «новая цивилизация» (из истории советской культурной дипломатии 1930-х гг.) // Россия и внешний мир: диалог культур. М., 1997. С. 258—272; Голубев А.В. Интеллигенция Запада и советская культурная дипломатия в межвоенный период // Россия XXI. 1997. № 1—2. С. 112—132; Голубев А.В. «Звездный час» советской культурной дипломатии: 1929—1939 годы // Россия и современный мир. 1999. № 2. 224—244; Голубев А.В. Советская культурная дипломатия 1920—30-х гг. // Россия и мировая цивилизация. М., 2000. С. 339—354; Голубев А.В. «Строительство дома цензуры» (к вопросу о закрытости советского общества) // Россия и современный мир. 2000. № 3. С. 73—87; Голубев А.В. Инфраструктура советской «культурной дипломатии» межвоенного периода (из исторического опыта информационной политики) // Российская государственность. Уровни власти: историческая динамика. Ижевск, 2001. С. 282—287; Дэвид-Фокс М. Витрины великого эксперимента. Культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости, 1921—1941 годы. М., 2015; Куликова Г.Б. Новый мир глазами старого. Советская Россия 1920—1930-х годов глазами западных интеллектуалов: очерки документированной истории. М., 2013; Невежин В.А. Советская политика и культурные связи с Германией (1939—1941 гг.) // Отечественная история. 1993. № 1. С. 18—34; Невежин В.А. Культура Третьего рейха через призму советской пропаганды // Россия и Европа в XIX—XX веках. Проблемы взаимосприятия народов, социумов, культур. М., 1996. С. 129—142; Поздеева Л.В. Лондон — Москва. Британское общественное мнение и СССР. 1939—1945. М., 1999; и др.

⁵ Голубев А.В., Невежин В.А. ВОКС в 1930—1940-е годы // Минувшее: Исторический альманах. Т. 14. М.; СПб., 1993. С. 313—366; «Основная цель его приезда...». Отчеты сотрудников ВОКСа о пребывании в СССР деятелей науки и культуры Великобритании. 1934—1936 гг. // Исторический архив. 1996. № 3. С. 134—150; Фрезинский Б. Великая иллюзия — Париж, 1935 (Материалы к истории Международного конгресса писателей в защиту культуры) // Минувшее. Исторический альманах. Т. 24. СПб., 1998. С. 166—239; и др.

или иными целями. Такую последовательность в развитии культурных связей не стоит, впрочем, преувеличивать; речь идет не столько о каком-то едином и многолетнем плане, сколько об общих подходах, которыми руководствовались все советские учреждения и большинство граждан в процессе культурного обмена. И подходы эти менялись, как изменялись цели и методы культурной дипломатии СССР.

Именно понимания этой координации, независимо от мотивов, часто недоставало многим западным участникам культурного обмена, для которых, по крайней мере, в межвоенный период, эти контакты были делом спонтанным и, как правило, находившимся вне политики.

В данной монографии предпринята попытка проследить динамику развития советской культурной дипломатии в 1917—1945 гг., в первую очередь направленной на Запад, выяснить, как менялись ее цели и методы, какие люди и структуры участвовали в ее проведении.

Термин «культурная дипломатия» ввел в оборот американский исследователь Ф. Баргхорн, который понимал под этим «манипуляцию культурными материалами и кадрами в пропагандистских целях». По его мнению, культурные контакты всегда использовались СССР в качестве орудия внешней политики⁶. Как представляется, понятие культурной дипломатии несколько шире. Его можно определить как *использование государством для достижения политических, дипломатических, пропагандистских целей существующих или специально установленных культурных, общественных и научных связей.*

Наш интерес к данной теме в значительной мере сформировался благодаря участию в многолетней работе всероссийского научного семинара, посвященного проблемам взаимовосприятия культур. Проблема культурной дипломатии, так или иначе, затрагивалась практически на каждом ежегодном заседании «круглого стола»⁷ и в серии сборников статей⁸.

---

⁶ *Barghoorn F.C. The Soviet Cultural Offensive. The Role of Cultural Diplomacy in Soviet Foreign Policy. Princeton, 1960. P. 10, 11.*

⁷ О работе «круглого стола» см.: *Голубев А.В. Россия и мир глазами друг друга: из опыта изучения проблемы // Труды Института российской истории. Вып. 7. М., 2008. С. 400—410.*

⁸ На основе материалов первых «круглых столов» вышли два сборника научных трудов (Россия и Европа в XIX—XX веках: проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур. М., 1996; Россия и внешний мир: Диалог культур. М., 1997), а также коллективная монография, получившая высокую оценку

При написании монографии в качестве одного из источников использовались материалы документальной интернет-публикации «СССР и союзники. Документы Архива МИД России о внешней политике и дипломатии ведущих держав антигитлеровской коалиции»⁹.

В случаях цитирования не публиковавшихся ранее архивных документов сохранялись орфография и пунктуация оригинала.

Предлагаемая монография представлена в авторской редакции. Именной указатель, а также список использованных источников и литературы составлены Е.С. Сапрыкиной и М.С. Сапрыкиной.

научной общественности (Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века. М., 1998). Материалы научного семинара см.: Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 1—6. М., 2000—2012.

⁹ См.: URL: agk.mid.ru.

Исторический контекст возникновения советской культурной дипломатии

§ 1. Специфика советской модернизации в рамках тоталитарного политического режима

Разговор о культурной модернизации и советской культурной дипломатии трудно вести, оставив без объяснения такое ключевое понятие, как «тоталитаризм», а также не рассмотрев скрывающееся за ним историческое явление, его особенности, причины возникновения и специфику его российского варианта.

Многие истоки того, что произошло в России в первой трети XX в., — в особенностях российской модернизации. Имеется в виду в первую очередь ее не совсем органичный, «верхушечный» характер. Осуществляла модернизацию власть, одновременно утверждая при этом свои прерогативы и влияние — за счет социума.

Социальная структура российского общества оставалась архаичной по сравнению с другими индустриальными странами. Сохранялись черты сословности, существовал огромный социально-культурный разрыв «верхов» и «низов», который усугубился к концу XIX — началу XX в. и имел далеко идущие последствия. В той или иной степени подобный разрыв был свойственен многим культурам на стадии перехода к индустриальному обществу, однако именно в России он проявился с особой остротой.

Можно привести множество примеров, которые свидетельствуют о том, что процесс модернизации происходил все возрастающими темпами, охватывая новые и новые слои российского общества. Однако он был еще далек от завершения, причем не только в деревне, которую он лишь затронул, но и в городах¹.

---

¹ Подробнее см.: *Вишневский А.Г.* Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М., 1998; *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: В 2 т. СПб., 1999. Названные авторы, впрочем, далеко не во всем согласны между собой. См.: *Миронов Б.Н.* История СССР с социологической точки зрения: о книге А.Г. Вишневского «Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР» // Социальная история. Ежегодник. 2000. М., 2000. С. 327—342.

Вследствие различных причин (в их числе репрессивная политика монархии и отсутствие правовой базы) к началу XX в. процесс формирования российского гражданского общества был далек от завершения. Монархия упорно отталкивала от себя именно те слои, которые являлись естественными сторонниками капиталистической модернизации, не допуская их к реальной власти (законодательной — по крайней мере, до первой русской революции — и тем более исполнительной).

Процесс модернизации осложнялся также полиэтничным характером российского общества. Одни этносы были уже подготовлены к вступлению в индустриальное общество, другие заметно отставали, третьи же оставались глубинно архаичными, что не только тормозило процесс модернизации, но и порождало дополнительные противоречия.

Тем не менее модернизация в России осуществлялась достаточно высокими темпами. Это, в свою очередь, вело к росту социальной мобильности (вертикальной и горизонтальной) и маргинализации значительной части населения.

В результате росло революционное движение, порожденное противоречиями уже индустриальной эпохи, и одновременно наблюдалось пассивное сопротивление процессу реформ со стороны традиционного общества, которое так и не оформилось политически. Действительно, в российской жизни не было партий, течений, групп *традиционалистского* толка, противоречивших модернизации в целом, в том числе в экономической и культурной областях (серьезное противодействие вызывали лишь попытки политических реформ).

Практически все либеральные и левые партии (и большевистская) выступали не *против* модернизации, а *за ее более высокие темпы и эффективность*, распространение на политическую и социальную области. И все же Великая русская революция 1917 г. в значительной степени представляла собой *реакцию традиционного общества на форсированную модернизацию*.

Меру успеха модернизации нельзя измерять только уровнем экономического развития, степенью урбанизации или количеством грамотных, хотя все это считается чрезвычайно важным. Впрочем, здесь недопустимы преувеличения, касающиеся уровня развития России: к 1914 г. она по социально-экономическим показателям в 4—6 раз отставала от США, Англии, Германии, Франции и в 2—3 раза — от Австро-Венгрии и Италии. Модернизация предполагает, что культура данного общества сумеет «подстроить» ее

под себя, соотносить со своими глубинными особенностями и ценностями и одновременно сама «подстроиться» под новые требования. В России подобная трансформация культуры оказалась недостаточной и незавершенной, что и привело к кризису российского варианта модернизации, в значительной мере предопределившего Великую революцию 1917 г.

В результате этой революции в России утвердился политический режим, который реализовал форсированный вариант модернизации, не считавшийся ни с какими жертвами. Что же обеспечило его поддержку, молчаливое согласие или покорность, проявленные со стороны общества? Важную, но все же не определяющую роль сыграло прямое и косвенное насилие. Однако новый режим, в отличие от монархии в последнее десятилетие ее существования или Временного правительства, сумел найти опору в массовом сознании.

* * *

Н.А. Бердяев одним из первых отметил, что либеральные идеи являлись для России неосуществимыми, «большевизм же оказался наименее утопическим и наиболее реалистическим, наиболее соответствующим всей ситуации, как она сложилась в России в 1917 г., и наиболее верным некоторым исконным русским традициям, и русским исканиям универсальной социальной правды, понятой максималистски, и русским методам управления и властвования насилием»². Продолжая мысль философа, можно прийти к внешне парадоксальному выводу о том, что большевизм стал «наиболее реалистическим» именно в силу своей утопичности.

Как известно, человеческое сознание имеет мифологическое происхождение. Миф можно определить как особый вид мироощущения, специфическое, образное, чувственное, синкретическое представление о явлениях природы и общественной жизни, самую древнюю форму общественного сознания. Лишь постепенно, уже в античную эпоху — об этом писал К. Ясперс в знаменитой работе «Истоки истории и ее цель» (1949 г.) — возникло рациональное сознание.

Мифологическое сознание в своем развитии прошло несколько этапов — от классического, синкретического мифа через религиозно-догматические системы к современным идеологиям. И все же миф по-прежнему доминирует в общественном сознании.

---

² Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 93.

Одной из важнейших особенностей данного сознания является склонность к упрощенному и одновременно целостному восприятию мира. Как правило, мир видится в черно-белом цвете. Подобный дуализм прослеживается в большинстве древних религий и во многих современных идеологиях. Мифологизированное сознание конструирует свой мир, существующий и развивающийся по законам мифа и имеющий мало общего с миром реальным. При этом для него характерно непонимание разницы между «должным» и «наличным».

Этот тип сознания авторитарен: исключает сомнения и самостоятельный поиск истины, стремится опереться не на знания, а на веру, даже если при этом провозглашает себя научно обоснованным. В данном случае практика не является критерием истины, и никакие внешние воздействия не в состоянии серьезно повлиять на утвердившиеся в массовом сознании стереотипы. Последние не могут меняться, как это происходит, например, с развивающейся научной теорией; они могут лишь смениться новыми, столь же жесткими стереотипами, причем в некоторых случаях достаточно быстро.

Мифологизированное сознание при всей своей архаичности свойственно любым эпохам и социумам. Более того, нет людей, не подверженных такому влиянию — речь может идти лишь о сужении или расширении его сферы.

Исторический парадокс заключается в том, что модернизация вызвала к жизни архаический тип сознания (что, кстати, нашло свое отражение в языке эпохи, в том числе — большевизма). Но его влияние всегда в высокой степени усиливалось в кризисные эпохи. Именно на архаическое сознание, как на некую гарантию, намеренно или интуитивно ориентировались все массовые движения.

Большевизм сумел, вольно или невольно, опереться на особенности российского массового сознания, так же как позднее в Германии это сделал нацизм в отношении немецкого народа. Глубинные национально-культурные ценности, за неимением другого языка, выражали себя в формулах и стереотипах, предлагавшихся марксистской идеологией, тем самым невольно придавая ей особую силу и легитимность. При этом они не сводились к этой идеологии и не исчерпывались ею. Как подчеркивал У. Лакер, коммунизм, в отличие от нацизма, «находится в главном русле европейской цивилизации, возможно как ересь или утопия, но он соответствует неким глубоко укорененным традиционным устрем-

лениям»³. В силу разных причин именно в России эти традиционные представления оказались наиболее устойчивыми.

В ходе русской революции марксизм слился с архаической мифологией масс и превратился в своеобразную форму российской эсхатологии — учение, возвестившее конец старого и возникновение нового мира, только не на небе, а в реальной жизни, на земле.

Если мифологическое сознание как таковое выступало источником всех массовых движений и порожденных ими диктатур XX в., сами мифы могли различаться достаточно радикально. В частности, сталинский режим, в отличие от большинства подобных ему политических систем, не сделал своей опорой национализм. В Германии основными факторами, обусловившими приход к власти нацистов, стали поражение в Первой мировой войне, непонимание обществом его причин, а также карательная политика держав Антанты в отношении этой побежденной страны, закрепленная Версальским миром. В то же время российским массовым сознанием неудачная «империалистическая» война была практически забыта; наиболее важной и для официальной мифологии, и для общественной исторической памяти стала Гражданская война.

С одной стороны, интернационализм являлся важной составляющей идеологии, которую режим пытался (и не без успеха) навязать обществу, с другой — эта идеология не могла быть полностью проигнорирована при формулировании реальной политики. Известно, что в пропаганде второй половины 1930-х гг. революционные и интернационалистические мотивы в какой-то степени уступили место имперским. Конечно, одновременно идеологию интернационализма использовали и для маскировки имперских устремлений.

Однако это не имеет ничего общего с национализмом или шовинизмом: характерной чертой имперского сознания как раз является объединение всех подданных на основе общей идеологии независимо от их национальности. Значительная часть советского общества (в их числе многие представители старой интеллигенции) позитивно оценила подобное изменение приоритетов официальной идеологии. В годы Второй мировой войны этот переход к имперской идеологии продолжился.

Первая половина XX в. прошла под знаком острого кризиса европейской цивилизации, импульсом для которого явилось глобальное вооруженное столкновение 1914—1918 гг. Затем последо-

---

³ Лакер У. Россия и Германия. Наставники Гитлера. Вашингтон, 1991. С. 391.

вали тревожный период 1920—1930-х гг. с его экономическими и социальными потрясениями и, наконец, Вторая мировая война, еще более катастрофическая для человечества, чем предыдущая.

Различные общества по-разному отвечали на вызов времени, пытаясь выйти из критического положения: тут и «новый курс» Ф.Д. Рузвельта в США, и кейнсианская политика лейбористов в Великобритании (которую, впрочем, поддержали и консерваторы), приведшая к заметному возрастанию роли государства и формированию развернутой системы социального обеспечения. В большинстве государств Восточной Европы, Испании, Португалии установились авторитарные политические режимы. Наконец, в некоторых странах произошли революции, погубившие могущественные империи, и возникли политические режимы нового типа — тоталитарные.

Как представляется, термин «тоталитаризм» относится не столько к государству или ко всему обществу, сколько именно к *определенному типу политического режима*. Идеология, экономический и социальный строй фашистской Италии, нацистской Германии и советской России существенно различались между собой, однако механизмы и функции политической власти всех трех государств были разительно схожими. И вместе с тем надо понимать, что реальная жизнь государства и общества оказывалась гораздо разнообразнее и богаче, чем те явления и процессы, которые мы определяем как входящие в понятие «тоталитаризм». Поэтому многие историки, соглашаясь с таким определением политического режима, справедливо возражают против применения термина «тоталитарный» для обозначения общества или даже государства.

Появление тоталитарных режимов было связано с процессом модернизации, в ходе которого менялись не только политический или экономический строй, но и вся социальная структура общества, его культура, психология, образ жизни, мышления и даже сам человек. Перемены такого масштаба никогда не осуществлялись легко, и в тех обществах, где модернизация по разным причинам совершалась медленнее, она сопровождалась гигантскими потрясениями. Возникновение тоталитарного режима — один из вариантов ответа, который может дать общество на вызов, брошенный затянувшейся модернизацией.

Советский политический режим, установившийся к концу 1920-х гг., также порой именуют тоталитарным. Он был, с одной стороны, *результатом* кризиса первого этапа российской модернизации,

а с другой — *средством* реализации второго ее этапа — сталинской модернизации, определившей основное содержание межвоенного периода отечественной истории. Для него, как и для режимов, возникших в Италии и Германии, характерными стали две особенности.

Во-первых, тоталитарные режимы отличались объемом власти, стремлением контролировать не только действия, но даже эмоции и мысли людей как в политической, так и частной сферах. Конечно, в той или иной мере такое стремление оказывалось присуще многим политическим режимам; разница — лишь в *степени* этого стремления и *средствах*, применявшихся для его реализации.

Как показал исторический опыт, даже применение самых жестких средств, в частности массового террора, приводило к достижению лишь весьма условного контроля над обществом, и все же объем власти, которого реально достигали тоталитарные режимы, был заметно выше обычного.

Во-вторых, эти режимы возникали в результате массовых движений и были способны в течение определенного (иногда весьма длительного) срока создавать себе массовую поддержку, мобилизуя общество или значительную его часть во имя единой — *тотальной* — цели, имеющей общенациональное значение. Причем особую роль играла *идеология*, предоставлявшая программу построения нового общества (каким именно оно планировалось и, соответственно, какую идеологию привлекали в качестве программы — вопрос отдельный). В советской истории это было построение первого в мире, как считалось, справедливого, счастливого и богатого социалистического, а затем коммунистического общества — цель, может быть, и недостижимая, но привлекательная.

Вместе с тем, пытаясь достичь утопической цели, режим прилагал мощные усилия по созданию в СССР индустриального общества. Речь идет не только (и не столько) о создании тяжелой промышленности, что обычно ассоциируется со «сталинской модернизацией», но и об изменении всех сторон жизни общества, самых основ его культуры, мировосприятия, типа человека. По сути, это решение задач модернизации, которые оказались не под силу предыдущему, царскому, режиму.

Одной из важных составляющих советской модернизации было создание своеобразного варианта «государства благосостояния». Сейчас можно говорить о появлении такого рода всеобщей закономерности в процессе модернизации. Эту задачу с разным успехом решали и демократические режимы, и все массовые диктатуры

XX столетия. Однако в СССР возникновение «государства благосостояния» помимо общих закономерностей модернизации связывалось, во-первых, с господствующей марксистской идеологией, и, во-вторых, с особенностями происхождения советской системы. Она возникла в результате революции, получила массовую поддержку — это продемонстрировали ход и результаты Гражданской войны — и теперь должна была реализовать провозглашенные ею цели.

Именно социальная политика в значительной мере обусловила поддержку режима. Процесс модернизации, как известно, связан с появлением *массового* общества. В нем разрушена часть социальных связей, характерных для общества традиционного, на смену которым должны прийти новые, в совокупности образующие гражданское общество. Выше уже говорилось, что оно формировалось в России достаточно медленно. Одним из условий существования тоталитарного режима является разрушение гражданского общества (или, по крайней мере, его полная деформация и подчинение, как в нацистской Германии). В послереволюционной России этот процесс имел несколько этапов, которые в перспективе явились своеобразными «ступенями» на пути к тоталитаризму. На первых порах были ликвидированы свободная пресса, многопартийная система и крупная частная собственность. Однако в 1920-е гг. гражданское общество, хотя и в сильно «урезанном» виде, еще существовало. Действовали общественные организации, лояльные по отношению к режиму, но независимые от него; сохранялось многообразие форм собственности.

Все это подверглось уничтожению в ходе пресловутого «великого перелома» на рубеже 1920—1930-х гг. Необходимо отметить, что в ликвидации нэпа оказались заинтересованными и представители политического руководства, и часть общества. В городах это были недовольные ухудшением снабжения, массовой безработицей и возвращением социального расслоения рабочие, которые одновременно придерживались социалистической идеологии и декларированных целей революции, молодежь, стремившаяся повысить свой социальный статус и находившаяся под влиянием утопических идей, а также новый аппарат (достаточно многочисленный), постепенно становившийся главной социальной опорой режима. В деревне против нэпа выступили беднота, батраки, низовой слой «активистов» и функционеров, опять-таки молодежь; не случайно политика правительства в 1920-е гг. была нацелена на разрушение традиционного деревенского социума, на сознательное провоци-

рование классовой борьбы и организацию поддержки наименее удовлетворенных своим положением социальных групп⁴.

Сталинский «великий перелом», помимо прочего, означал огромный рост *социальной мобильности* как вертикальной, так и горизонтальной. Были возможны самые разнообразные варианты. С одной стороны, у крестьян, переезжавших в город (а тем более туда бежавших от опасностей коллективизации), на первых порах, как правило, понижался и социальный статус, и уровень жизни. С другой стороны, в перспективе их дети оказывались в заведомо выигрышном положении относительно их сверстников, оставшихся в деревне. Существовал расширенный, по сравнению с до-революционным временем, доступ к образованию для выходцев из низов. Наконец, большую роль играло «выдвиженчество», от которого выигрывали значительные слои населения. Таким образом, социальная база режима постоянно укреплялась.

В отличие от традиционных диктатур, тоталитарные режимы отнюдь не стремились держать массы «подальше от политики»; напротив, они прилагали значительные усилия для их политизации в соответствовавшем духе. Стремление оставаться вне политики («аполитичность») рассматривалось как проявление скрытой нелояльности.

При этом необходимо помнить, что как бы ни были идеологизированы и, следовательно, оторваны от реальности многие большевики, они все же в массе своей не успели до конца обособиться, потерять навыки организационно-массовой работы, являвшейся их сильной стороной, и утратить «обратную связь» с обществом. Более того, они с все возрастающим вниманием пытались «отслеживать» происходившие в социуме процессы. Система «обратной связи», старательно создававшаяся большевиками, была многоканальной.

Совершенствовалась и расширялась унаследованная от старого режима система перлюстрации. Причем полученные с ее помощью материалы регулярно представлялись высшему руководству страны. Подобную практику ввел еще В.И. Ленин.

Подготовкой материалов, отражавших общественные настроения, занимался созданный в 1921 г. Информационный отдел ОГПУ (в 1931 г. вошел в состав секретно-политического отдела).

Существовал весьма многочисленный аппарат осведомителей. Повсеместно из числа коммунистов создавались так называемые

---

⁴ Кудюкина М.М. Общее и особенное в настроениях крестьянства накануне коллективизации // Бахтинские чтения. Философские и методологические проблемы гуманитарного познания. Орел, 1994. С. 268—273.

бюро содействия ГПУ, члены которых должны были систематически собирать информацию о всякого рода явлениях антисоветского характера, периодически представлять органам безопасности сводки о политическом состоянии личного состава того или иного учреждения, предприятия и т.д.⁵

Помимо органов безопасности, вторым важнейшим каналом получения информации о настроении общества служили сводки и обзоры, подготовленные партийными органами.

В Центральном комитете большевистской партии существовал информационный отдел, который собирал сведения об отношении населения к советской власти. В апреле 1924 г. Секретариат ЦК утвердил временное положение об информационном отделе, главная задача которого была определена следующим образом: «вовремя подмечать и улавливать потребности и настроения партии, рабочего класса и крестьянства». Сюда поступали материалы обкомов и крупнейших горкомов в виде сводок об отношении коммунистов и населения в целом к тем или иным кампаниям, изменениям в политике и т.п.

Кроме того, обзоры и сводки о настроениях готовило Главное политическое управление РККА и ВМФ, а также органы ВЛКСМ, ВЦСПС, государственные органы, в частности, прокуратура и т.д. С конца 1938 г. аппарат Верховного Совета СССР, в том числе секретариат его председателя М.И. Калинина, составлял обзоры поступивших жалоб.

Важным, а главное, практически не искаженным, источником являлись письма, направленные в ЦК партии. Необходимо, однако, отметить, что такие письма (если речь не шла о конкретных жалобах) отправляла, как правило, наиболее социально и политически активная часть общества, причем настроенная достаточно лояльно. В меньшей степени все вышеперечисленные каналы информации позволяли проследить за настроениями «молчаливого большинства», тем не менее определенные возможности для этого существовали.

---

⁵ Количество подобных осведомителей неизвестно до сих пор; более того, есть тенденция даже упоминание об их существовании рассматривать как «раскрытие методов оперативной работы». Впрочем, некоторое представление о масштабах агентурной сети ОГПУ—НКВД могут дать материалы Н.А. Ломагина. По его свидетельству, в годы войны в действующей армии численность осведомителей особых отделов составляла примерно 3% личного состава (в частности, в войсках Ленинградского фронта это составляло около 15 тыс. человек). См.: *Ломагин Н.А. Неизвестная блокада: В 2 кн. Кн. 1. СПб.; М., 2002. С. 169.*

Советское политическое руководство имело в целом достаточно полную и адекватную картину *спектра настроений* в обществе, причем важнейшим условием достоверности информации являлся ее комплексный характер — перепроверка данных одних материалов другими. Они «сигнализировали» о проблемах, появление которых ранее не предвиделось и не осознавалось наверху. Контроль над общественным мнением позволял более эффективно влиять на него. Кроме того, система сбора информации способствовала также и контролю над всеми уровнями и разновидностями властных структур. Все это позволяло с относительной эффективностью (хотя часто с непредсказуемыми результатами) влиять на процессы, происходившие в обществе.

Именно информационные материалы, ставшие доступными в постсоветский период, активно изучаются в исследовательской литературе. На их основе создаются многочисленные труды, посвященные повседневной жизни, общественным настроениям, менталитету советского общества. Используя эти материалы, порой можно сделать выводы, которые никак не предполагались их составителями. Главным для историка недостатком почти всей подобной информации является отсутствие каких бы то ни было статистических данных (исключение представляют результаты перлюстрации). Если в США уже в 1935 г. (в Великобритании — в 1937 г., во Франции — в 1939 г.) начали работу институты Гэллага, проводя регулярные опросы общественного мнения, давая тем самым довольно объективную, а главное динамичную, картину, то в СССР ничего подобного не было.

Как правило, советские информационные материалы тех лет не позволяли представить удельный вес тех или иных настроений в обществе. Составители сводок обычно подчеркивали массовость или, напротив, единичность тех или иных настроений, однако такие оценки субъективны, ничем не подтверждены и в результате весьма сомнительны.

Представляется, что тоталитарный режим является альтернативой не столько демократии, личности или гуманизму, сколько гражданскому обществу как таковому. Любая, даже очевидно полезная, общественная деятельность, причем политически нейтральная, вызывала подозрения властей. Так, в обзоре политического состояния СССР по данным ОГПУ за январь 1925 г., в частности, отмечалось: «Наблюдается рост общественной и политической активности интеллигенции, стремящейся в Советы,

профсоюзы и другие общественные организации. В связи с международным положением Союза, пробуждение политической активности усиливается ожиданием политического НЭПа и выливается в форме различных общественных организаций и кружков, представляющих по существу замкнутые кастовые объединения. Внешне лояльные, такие общества являются попыткой самоорганизации в целях давления на соваппарат и профсоюзы»⁶.

Неудивительно поэтому, что одновременно с предпринимавшимися усилиями по созданию и укреплению собственной социальной базы режим проводил активную политику, направленную на ликвидацию самих основ гражданского общества, в первую очередь — негосударственных форм собственности. Не столь важно, что при этом явилось определяющим — чисто идеологические (утопические) соображения или же стремление к максимально полному контролю над обществом, исключавшему сохранение сколько-нибудь существенной негосударственной сферы экономики (представляется, что сначала преобладал первый мотив, а второй, связанный с повышением *степени управляемости общества*, приобретал особую значимость по мере формирования тоталитарного режима). Таким образом, большевистская идеология и практика вели к тоталитаризму скорее не *субъективно*, а *объективно*.

§ 2. О «закрытости» советского общества межвоенного периода

Говоря о культурном взаимодействии советского общества с внешним миром, необходимо прежде поставить и по возможности разрешить вопрос о так называемой закрытости советского общества.

Действительно, в публикациях последних лет оно часто определяется как «закрытое», особенно применительно к периоду 1930-х гг. Одни авторы формулировали это достаточно безапелляционно, как, например, И.В. Павлова: «Информационная блокада явилась частью общей блокады сферы духовной жизни народа <...> С начала 1930-х гг. можно говорить о полной информационной блокаде в СССР»⁷. Другие подчеркивали, что «административ-

⁶ «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922—1934 гг.) Т. 3. Ч. 1. 1925 г. М., 2002. С. 48.

⁷ См.: Павлова И.В. Становление советской системы информационной блокады // Культура и интеллигенция сибирской провинции в XX веке: теория, история, практика. Новосибирск, 2000. С. 40, 45.

но-чиновничья система особые старания прилагала для изоляции общества от событий и явлений, происходивших в зарубежном мире»⁸, третьи отмечали лишь создание предпосылок «закрытого общества»⁹. Но одновременно само применение данного термина вызывает у части исследователей советского общества явное отторжение. Нередко встречаются и упоминания о пролетарском интернационализме, об обостренном интересе к внешнему миру у молодежи, особенно в связи с ожиданиями мировой революции, о «всемирной отзывчивости» русской культуры и т.д.

Конечно, вряд ли можно точно измерить степень «закрытости» того или иного общества от внешнего мира. Тем не менее вопрос о том, какая именно тенденция — на «закрытость» или на «всемирность» — являлась в 1930-е гг. преобладающей, заслуживает специального рассмотрения.

Прежде всего необходимо развести два понятия: «государство» и «общество». Из истории известны действительно закрытые государства (классический пример — Япония эпохи сёгуната), однако СССР поддерживал в межвоенный период дипломатические, торговые и культурные отношения с рядом стран; его граждане выезжали за рубеж. Кроме того, в Советском Союзе была многочисленная иностранная колония. Более того, господствовавшая идеология претендовала на «всемирность», особенно в первые послереволюционные годы. Впрочем, и к концу 1930-х гг. в официальной пропаганде подчеркивалась перспектива превращения СССР в «мировую республику»¹⁰.

Во-первых, существовала развернутая инфраструктура, специально предназначенная для революционной деятельности и пропаганды: помимо Коммунистического (Третьего) интернационала существовали Коммунистический интернационал молодежи (КИМ), Красный интернационал профсоюзов (Профинтерн), Международный крестьянский совет (Крестинтерн), Красный спортивный интернационал (Спортинтерн), Интернационал инвалидов, Интернационал пролетарских свободомыслящих и т.п. Были и те, что служили для расширения официальных культурных, научных и общественных связей с заграницей¹¹. Нет особой необходимости до-

⁸ Куманёв В.А. 30-е годы в судьбах отечественной интеллигенции. М., 1991. С. 165.

⁹ См., например: Шишкин В.А. Россия в годы «великого перелома» в восприятии иностранного дипломата (1925—1931 гг.). СПб., 1999. С. 101.

¹⁰ Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов... С. 90.

¹¹ Об инфраструктуре, предназначенной для развития культурных и общественных связей см.: Голубев А.В. Советская культурная дипломатия 1920—1930-х годов. С. 339—354.

казывать, что эти структуры лишь формально могли считаться общественными, фактически они выполняли функции, возложенные на них государством, создавались и финансировались им.

Во-вторых, на Западе многие интеллектуалы левого толка воспринимали СССР именно как прообраз «новой цивилизации», который мог служить образцом для всего мира. Так, книга видных английских социологов С. и Б. Веббов, вышедшая впервые в 1935 г., называлась «Советский Союз — новая цивилизация?», причем вопросительный знак, содержащийся в заглавии, снимался всем содержанием книги¹². Подобные представления активно поддерживались советской пропагандой. Уже поэтому определение «закрытое» в отношении государства представляется преувеличением.

В отличие от государства «закрытым» может считаться общество, замкнутое по отношению к иным социумам, убежденное в превосходстве собственных культуры, религии и образа жизни; черты такого общества можно найти, скажем, в той же Японии или даже (в некоторой степени) в Московской Руси. Однако динамика развития внешнеполитических стереотипов советского общества была достаточно сложной.

В первой четверти XX в. произошли важные изменения в массовом сознании, связанные с восприятием внешнего мира. Помимо традиционных этнических стереотипов, представленных прежде всего в фольклоре и преимущественно отобразивших личные качества, свойственные той или иной нации, появились другие — с ярко выраженной политической окраской. Другими словами, зафиксированный, например, в фольклоре облик немца, англичанина, поляка в значительной степени сменился образом Германии, Великобритании, Польши как геополитической реальности.

Этому способствовала всеобщая политизация массового сознания, вызванная потрясениями начала века: проигранная Русско-японская война, заставившая даже тех, кто никогда не интересовался политическими вопросами, по-новому взглянуть на место России в мире, затем революция 1905 г. и последовавшие за ней изменения в политическом строе государства и жизни деревни. В еще большей степени на массовое сознание повлияла Первая мировая война, в ходе которой последовательно были зафиксированы невиданный всплеск антигерманских настроений, целенаправлен-

---

¹² Подробнее см.: *Голубев А. В.* Интеллигенция Великобритании и «новая цивилизация»... С. 258—272.

ное формирование «образа врага» в лице немцев и их союзников, а к концу ее — стихийные, но все же достаточно распространенные антисоюзнические и даже (хотя в гораздо меньшей степени) прогерманские настроения¹³.

Однако Первая мировая война, при всей своей масштабности, оказалась лишь прологом к гораздо более сильным социальным, политическим, культурным, и, разумеется, психологическим потрясениям: свержению монархии, возникновению Российской республики, началу большевистской революции и Гражданской войны¹⁴.

Победа революции привела к дальнейшей мифологизации массового сознания, особенно в эпоху существования тоталитарного политического режима. Тоталитарный режим (в отличие от авторитарного) не стремился держать массы в стороне от политики, напротив, происходила всеобщая, сознательно подталкиваемая политизация массового сознания. После Великой революции 1917 г. была создана невиданная в истории система учреждений и механизмов, преследовавших чисто пропагандистские цели. Определенная картина внешнего мира представляла собой неотъемлемую часть официальной мифологии. В полном соответствии с описанными выше механизмами мифологического сознания она представляла мир как арену великой борьбы между силами прогресса, олицетворившимися в первую очередь коммунистическим и рабочим движениями, и силами реакции, причем победа первых была неотвратима, как новое пришествие Христа в воображении верующих¹⁵.

В результате полученного российским обществом жизненного опыта и распространения системы официальной пропаганды — даже в отдаленных районах страны, сельской «глубинке» и на национальных окраинах — люди стали воспринимать внешний мир как некую реальность, имевшую отнюдь не абстрактное, а вполне практическое значение для повседневной жизни (как вести крестьянское хозяйство или поддерживать определенный уровень существования рабочей семьи и т.д.). Порой еще не до конца осознанное, почти инстинктивное, но уже очевидное понимание целостности окружающего мира, частью которого являлась Со-

---

¹³ Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов... С. 67.

¹⁴ Голубев А.В. Советская Россия и Запад: динамика восприятия // История в XXI веке: историко-антропологический подход в преподавании и изучении истории человечества. М., 2001. С. 118—125.

¹⁵ Подробнее см.: Голубев А.В. Мифологизированное сознание и внешний мир // Бахтинские чтения... С. 106—118.

ветская Россия, перестало быть прерогативой лишь образованных слоев населения. Мир выступал либо в качестве *источника* вполне реальной угрозы извне, в том числе военной, или, напротив, как *источник благоприятных изменений*, причем не только для противников советской власти (ждавших извне освобождения от большевиков), но и, в ряде случаев, для ее сторонников. Также он мог предоставить техническую или продовольственную помощь, выступить союзником в войне против общего врага или путем давления на советское правительство добиться некоторой корректировки политики (скажем, роспуска колхозов или снятия хотя бы части ограничений с деятельности православной церкви).

Одновременно проявилась и еще одна важная тенденция. Кажется бы, давно изжитые на высших этажах культуры стереотипы массового, насквозь мифологизированного сознания начали господствовать в обществе. Они в определенной мере проявлялись в сознании постреволюционной интеллектуальной элиты, в большей степени — политической, отражались в официальной пропаганде. Образ внешнего мира теперь описывался даже не в категории «иное», а скорее — «анти-». Возродилось представление о сакральном характере границы, что отразилось в столь привычном штампе — «священные рубежи нашей Родины». Образ «капиталистического окружения», постоянно угрожавшего СССР, воспроизводил стереотип внешнего мира как «темной зоны», враждебной человеку, и т.д. Очевидно, что эти архаические, по сути, представления нельзя отнести к классическому марксизму.

Позднее, в середине 1930-х гг., в массовом сознании постепенно утвердилось мало соответствовавшее реальности представление о том, что СССР являлся одним из основных мировых «центров притяжения». Одновременно создавался его образ как позитивной альтернативы Западу. При этом относительный (хотя и реальный) подъем жизненного уровня в середине 1930-х гг., по сравнению, например, с 1931 г., расценивался как абсолютный.

Преувеличивалась роль СССР в международной политике. На самом деле до конца 1930-х гг. даже в европейских делах западные страны предпочитали скорее игнорировать Советский Союз, чем видеть в нем основного соперника. Ситуация стала меняться по мере нарастания фашистской угрозы, но и тогда его потенциальные возможности как союзника политические элиты западных стран склонны были преуменьшать. Существовавшие в их политике антисоветские тенденции никогда не являлись определяю-

щими именно из-за невысокого мнения о реальном весе СССР. Однако советская пропаганда постоянно подчеркивала его решающее влияние на всю систему международных отношений, и этот стереотип начал утверждаться в массовом сознании.

Неадекватное представление о роли СССР в мире сопровождалось возникновением своеобразной иллюзии превосходства по поводу достижений советской культуры. Признавая определенную отсталость культуры материальной, официальная пропаганда стала делать основной упор на успехах в области культуры вообще и политической культуры в частности. Постепенно, особенно среди молодежи, сформировалось представление о том, что учиться у Запада уже нечему.

В таком контексте происходила коренная трансформация его образа в массовом сознании. Коммунистический переворот часто трактуется как возврат к изоляционизму, победа антизападной тенденции в развитии. Для подобного объяснения есть некоторые основания, но это лишь первый, поверхностный, уровень понимания. Если говорить об идеологии и осознании культуры, то изоляционизм и противостояние Западу, в конечном счете, побеждали. Но одновременно происходили и глубинные изменения противоположной направленности.

На первых порах большевики субъективно выступали как убежденные западники. Та же историческая логика, которая в условиях господства традиционного сознания вела к окончательной догматизации и мифологизации марксистского учения, способствовала и росту ксенофобии, ставшей на несколько десятилетий существенной характеристикой политической культуры в СССР. Антиизоляционистская доминанта главенствовала в самом начале становления советского общества.

Сама логика модернизации, осуществлявшейся сталинским режимом, вела к принятию, пусть неосознанному, многих основополагающих западных ценностей, хотя бы тех, что определяли экономический и социальный прогресс. Ранее модернизационные процессы ограничивались определенным сектором общества, и хотя сам он рос и расширялся, модернизация оставалась локальным явлением. Результатом революции 1917 г. было принятие этих ценностей всем обществом¹⁶.

---

¹⁶ См. об этом: *Голубев А. В., Яковенко И. Г.* Запад глазами русских (межвоенный период) // *Россия и современный мир.* 1997. № 1. С. 119—135.

Вместе с тем тенденция, направленная на «закрытость» если не государства (заинтересованного, в частности, в сохранении и расширении сферы политического и экономического влияния, получении из-за границы современного оборудования и новейших технологий), то, по крайней мере, общества в политике советского руководства межвоенных лет прослеживается вполне явственно. Это проявлялось в стремлении контролировать и ограничивать как получение достоверной информации о жизни за рубежом, так и всевозможные личные (т.е. существующие помимо официальных) контакты советских граждан с иностранцами.

* * *

Ученые отмечали, что советское общество 1930-х гг. «находилось в плену недавно пережитых войн и продолжало оставаться в состоянии “взведенного курка”, ошетилившегося на весь мир и на себя самое»¹⁷. В полной мере это относилось и к психологии политической элиты¹⁸. Характеризуя ее, трудно найти более удачную формулировку, чем та, что содержится в одном из неопубликованных выступлений М.И. Калинина в ноябре 1934 г.: «Вот, товарищи, зарубите себе на носу, что пролетарии Советского Союза находятся в осажденной крепости, а в соответствии с этим и режим Советского Союза должен соответствовать крепостному режиму»¹⁹.

В современном обществе появились (в основном уже в XX в.) различные технологии, связанные с ограничением доступа к несоизмеримо возросшему объему информации, с ее регулированием, дозированием и соответствующей обработкой, особенно при тоталитарных режимах. Не составляла исключения и информация о внешнем мире.

Представления о нем складывались на основе нескольких информационных блоков²⁰. Один из них — историософский — составляли сведения об истории и культуре того или иного государства. Здесь сохранялись возможности для самостоятельного

---

¹⁷ *Сенявская Е.С.* Человек на войне: опыт историко-психологической характеристики российского комбатанта // Отечественная история. 1995. № 3. С. 8.

¹⁸ Подробнее см.: *Голубев А.В.* Запад глазами советского руководства в 1930-е годы // Россия XXI. 1997. № 11—12. С. 114—132.

¹⁹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 78. Оп. 1. Д. 508. Л. 11.

²⁰ *Высочина Т.Е.* К проблеме диалога культур и роли искусства в этом процессе // Искусство и искусствознание на пути преодоления мифов и стереотипов. М., 1990. С. 96—97.

получения и освоения достаточно объективной информации. Классическая культура Запада не только не запрещалась, но и активно пропагандировалась (хотя и с существенными изъятиями); сохранялись музеи, библиотеки, использовалась литература, вышедшая до революции и в первые послереволюционные годы. Фрагментарность представлений об истории, политических традициях, миропонимании, свойственном иным культурам, в какой-то степени компенсировала художественная литература.

Второй важнейший блок — политико-информационный — составляла информация о политической, социальной, культурной *современной* жизни других стран. Именно эти сведения должны были играть определяющую роль в создании адекватной картины мира. Однако оба основных канала получения относившейся к данному блоку информации — система образования и средства массовой коммуникации — находились под жестким политико-идеологическим контролем.

В историографии иногда встречается утверждение о том, что информация о жизни зарубежных стран свободно поступала в Советский Союз. «Самоизоляция СССР всегда была весьма относительной. Благодаря книгам, фильмам заинтересованные советские граждане могли ознакомиться с бытом других народов», — отмечал российский исследователь А.В. Фатеев²¹. Однако книги или фильмы о жизни и быте других стран подвергались тщательному отбору, часто переводились или дублировались со значительными купюрами. Это относилось и к живописи. «Наше искусство искусственно и насильственно оторвано от развития искусства во всем мире. Мы не видели *современного* (курсив документа. — *Авт.*) искусства Европы и Америки вот уже сорок лет», — записал в дневнике в июне 1956 г. историк С.С. Дмитриев²².

Основным источником информации о внешнем мире служили советская пресса и радио. В материалах так называемого Гарвардского проекта²³ имеются данные о том, что газеты являлись таким источником для 59% служащих, 47% представителей интеллигенции, 30—35% — рабочих и 18% — колхозников. На втором месте

²¹ Фатеев А.В. Образ врага в советской пропаганде. 1945—1954 гг. М., 1999. С. 135.

²² Из дневников Сергея Сергеевича Дмитриева // Отечественная история. 2000. № 2. С. 144.

²³ В 1950—1951 гг. сотрудники Гарвардского университета опросили несколько тысяч «перемещенных лиц». Материалы этих опросов легли в основу многих социологических и политологических работ о сталинском обществе, изданных в США в 1950—1960-е гг.

стояла устная информация, проще говоря, слухи — источник сведений для 60% колхозников, 34% представителей интеллигенции, 43% — рабочих (квалифицированных — 26%). На третьем месте стояло радио (9—22% опрошенных)²⁴. Однако необходимо учитывать, что применительно к информации о внешнем мире слухи появлялись преимущественно на основании газетных публикаций²⁵.

Альтернативных каналов получения информации почти не существовало. Большинство советских граждан, как и подавляющее большинство представителей политической элиты 1930-х гг., не владело иностранными языками и, следовательно, не могло использовать заграничные прессу и радио.

В 1920-е гг., впрочем, иностранные источники в какой-то степени заменяла эмигрантская пресса, издававшаяся на русском языке. В апреле 1921 г. президиум ВЦИК принял постановление о выписке 20 экземпляров (экз.) каждой из ведущих эмигрантских газет. Их выписывали также ЦК и ЦКК РКП (б), крупнейшие обкомы (Ленинградский, Кубано-Черноморский)²⁶. Однако подобные издания предназначались лишь для относительно узкого круга, прежде всего для партийной элиты.

Как только по окончании Гражданской войны была восстановлена почтовая связь с заграницей, среди руководства оживились опасения, возникшие по поводу проникновения таким путем иностранной (в том числе эмигрантской) периодики. В январе 1922 г. нарком иностранных дел Г.В. Чичерин выразил озабоченность тем, что «по почте уже посылаются газеты частным лицам». «Допускать это значит восстановить возможность печатной агитации против нас. По Москве будут ходить какие-нибудь ярко агитационные номера белогвардейской печати», — рассуждал он. Признавая, однако, «что неудобно просто декретировать воспрещение ввоза газет из

²⁴ См.: *Кодин Е.В.* Гарвардский проект. М., 2003. С. 143.

²⁵ Примеры этому см.: *Голубев А.В.* Формирование образа внешнего мира в СССР. 30-е годы // *Российская ментальность: методы и проблемы изучения.* М., 1999. С. 178—208; *Голубев А.В.* «Весь мир против нас»: Запад глазами советского общества 1930-х годов // *Труды Института российской истории РАН.* 1997—1998. Вып. 2. М., 2000. С. 286—323; *Голубев А.В.* «В осажденной крепости» (к вопросу о предпосылках «холодной войны») // *Советское общество: будни холодной войны.* М.; Арзамас, 2000. С. 40—56; *Голубев А.В.* «Царь Китаю не верит...». Союзники в представлении российского общества 1914—1945 гг. // *Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия.* Вып. 1. М., 2000. С. 317—355; *Голубев А.В.* «Призраки войны» и реальность // *Знание — сила.* 2001. № 7. С. 12—22; и др.

²⁶ *Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал.* Т. 1. От вооруженного восстания в Петрограде до второй сверхдержавы мира. М., 1997. С. 88.

заграницы», Чичерин предложил для рассмотрения этих вопросов создать комиссию из представителей Политбюро, ВЧК и НКВД²⁷.

Опасения советского руководства отнюдь не были беспочвенными: только на московском почтамте в 1925 г. в месяц задерживали до 5 тыс. экз. эмигрантских газет и от нескольких сотен до полутора тысяч различных листовок и воззваний²⁸. В апреле информационный отдел ОГПУ сообщал: «Необходимо отдельно отметить рассылку воззваний различных монархических групп (в частности, она налажена по Ленинградской губернии, откуда письма получаются в ряде губерний)»²⁹.

Различными, иногда экзотическими путями (например, через сплавщиков леса из Псковской губернии, которые возвращались из Латвии в СССР³⁰) подобная почта доходила до адресата и при этом попадала не только в крупные промышленные центры, но и деревню. Так, в сентябре 1925 г. секретарь Александровского сельсовета Луганского округа (Украина), «разбирая прибывшую почту, обнаружил заграничную белогвардейскую газету “Парижский вестник”, присланную одним эмигрантом своему родственнику Калиниченко, и, прочтя газету, заявил присутствующим крестьянам: “вот где действительно свобода слова, печати, а у нас бойся рот раскрыть, не то напечатать или что-нибудь сказать”»³¹.

С середины 1920-х гг. круг людей, имевших доступ к иностранной прессе и другим альтернативным источникам информации, стал постепенно сокращаться. В 1925 г. резко уменьшилось число получателей «контрреволюционной литературы»³². Если в 1922—1923 гг. чтение подобной литературы разрешалось, например, всем сотрудникам «Правды», то в 1924—1925 гг. для этого требовалось уже специальное разрешение ответственного секретаря редакции М.И. Ульяновой³³. В марте 1925 г. отдел печати ЦК определил «список враждебных эмигрантских издательств, книги коих, независимо от их содержания, не пропускаются в пределы СССР»³⁴.

²⁷ История советской политической цензуры. Документы и комментарии. М., 1997. С. 427—428.

²⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 181. Л. 76 об.; Д. 182. Л. 9 об.

²⁹ Там же. Д. 199. Л. 60.

³⁰ Там же. Д. 182. Л. 85.

³¹ Там же. Д. 180. Л. 55.

³² Зеленов М.В. Главлит и историческая наука в 20—30-е годы // Вопросы истории. 1997. № 3. С. 25.

³³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 288. Л. 22.

³⁴ Зеленов М.В. Спецхран и историческая наука в Советской России в 1920—1930-е годы // Отечественная история. 2000. № 2. С. 131.

Подобная практика вызывала недовольство не только среди представителей интеллигенции, в том числе партийной, но и в массах. Так, на беспартийной конференции в августе 1925 г. в Иваново-Вознесенской губернии была подана записка, в которой помимо прочего задавался следующий вопрос: «Почему у нас в Республике нет свободной печати и почему в Губкоме можно читать заграничные эмигрантские газеты только членам Губкома и Укома, а рабочим нельзя — где же тут собака зарыта. Если у вас все чисто, то и нечего бояться, чтобы не давать»³⁵.

В 1926 г. информационный отдел направил письмо за подписью заместителя председателя ОГПУ Г.Г. Ягоды на имя секретаря ЦК В.М. Молотова, в котором приводились следующие данные. Только через НКВД в СССР выписывались 1 134 экземпляра эмигрантской прессы. Например, «Социалистический вестник» выписывали 240—300 ведомств и лиц. К тому же большинство командированных за границу также покупало его (по сведениям ОГПУ — до 500 экз.) В письме утверждалось, что ряд «белоэмигрантских» изданий вообще существовал только благодаря их распространению в СССР по завышенным расценкам. Предлагалось выпустить секретный циркуляр о запрещении членам партии покупать эти издания, создать комиссию для установления порядка ознакомления с ними, а количество выписываемой эмигрантской прессы сократить до 35 экз.³⁶

Вскоре, в январе 1927 г., подписка на эмигрантскую прессу была запрещена. До этого момента официально на нее могли подписываться любые организации и лица. На практике, однако, когда информационный отдел ЦК ВКП (б) запросил списки подписчиков, оказалось, что к концу 1926 г., как сообщалось с мест, на эти издания подписывались лишь партийные комитеты, начиная с районных³⁷.

Вместо эмигрантских изданий решили рассылать крупнейшим парткомам специальные обзоры, подготовленные информационным отделом ЦК, причем количество парткомов, имевших право на их получение, постоянно сокращалось. Так, заместитель заведующего данным отделом ЦК в октябре 1929 г. в докладной записке на имя секретаря ЦК Л.М. Кагановича перечислил 36 парткомов и четыре другие организации (в том числе ОГПУ), которые просили присылать им обзоры эмигрантской прессы. Однако составитель

³⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 198. Л. 159.

³⁶ Там же. Оп. 85. Д. 171. Л. 37—38.

³⁷ Там же. Д. 551. Л. 143.

записки рекомендовал рассылать их лишь в 16 парткомов и три организации; затем кто-то (возможно, сам Каганович, или один из его помощников) карандашом вычеркнул из списка пять парткомов и две организации. Таким образом, количество адресатов сократилось с 40 до 12³⁸.

В архиве Свердловского горкома ВКП (б) сохранились засекреченные инструкции по выдаче «бюллетеней заграничной печати», присланных из секретного отдела ЦК, и списки получавших их лиц за 1933 г. В них числились секретарь горкома, заведующие отделами горкома (иногда их заместители), председатель горсовета; всего каждый номер читали 4—5 человек из многотысячной городской партийной организации. Бюллетени выдавались строго под расписку. В одной из инструкций, определявших порядок их выдачи, они красноречиво именовались «конспиративными материалами»³⁹.

В 1927 г. по поводу содержания пробных обзоров были получены любопытные отзывы важнейших должностных лиц и организаций. В отзыве ОГПУ, подписанном Г.Г. Ягодой, говорилось о желательности использования статей, имевших лишь политическое значение, и предлагалось не включать в обзоры любые «сообщения сенсационного характера», как «совершенно не отвечающие действительности». Народный комиссар финансов СССР Н.П. Брюханов, напротив, полагал, что есть смысл публиковать наиболее характерные «хроникерские и хронические выдумки» о событиях в Стране Советов — «в них подчас удачнее всего отражаются чаяния и вожеления белой эмиграции». Своеобразную точку в этой мини-дискуссии поставил заведующий отделом печати ЦК С.И. Гусев, который решительно указал: «Белогвардейское вранье не помещать»⁴⁰. Нет необходимости пояснять, что в разряд такого «вранья» можно было отнести любую информацию, противоречившую официальной.

Постепенно подобные обзоры и сводки «для служебного пользования» стали получать все большее распространение, но их содержание зачастую мало чем отличалось от материалов, публиковавшихся официальной советской прессой. Так, в закрытых информационных сводках (готовились ежедневно в количестве всего 24 экз.) Всесоюзного общества культурной связи с заграни-

³⁸ Там же. Л. 2.

³⁹ Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДОО СО). Ф. 161. Оп. 6. Д. 1.

⁴⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 551. Л. 178, 180, 184.

цей (ВОКС или Общества) за май—июнь 1935 г. основное место занимали краткие пересказы сообщений западной печати о различных проявлениях «кризиса капитализма», нарастании революционных настроений, а также об успехах советской культуры. Лишь изредка встречались нейтральные известия о новостях культурной жизни. Никаких материалов, существенно дополнявших сведения советской прессы или критически оценивавших советскую действительность, в данных сводках не было⁴¹.

Позднее к таким обзорам (их, помимо ВОКС, готовили ТАСС и некоторые другие организации) добавились и переводы избранных книг для узкого круга. Так, 29 мая 1936 г. члены Политбюро опросом приняли решение об издании книги Веббов «Советский коммунизм — новая цивилизация» в количестве 2—3 тыс. экз. для распространения по списку⁴². Позднее английские издания этой книги оказались в спецхране. Издавалась в СССР «для служебного пользования» и «Майн Кампф» А. Гитлера⁴³.

Советская интеллектуальная элита находилась, с точки зрения доступа к информации, в несколько лучшем положении, чем остальные социальные группы, включая и политиков. Играло роль знание языков, позволявшее читать иностранную прессу и слушать зарубежное радио. Так, в дневниках академика В.И. Вернадского содержится упоминание о прочитанных им материалах западной прессы. Писатель Вс.В. Вишневский, возглавлявший Оборонную комиссию Союза советских писателей СССР, постоянно слушал сообщения английского, германского и французского радио. «Получая каждый день кучу иностранных газет (я владею английским, немецким и французским, начал изучать испанский и итальянский), ясно вижу, как обостряется международная обстановка», — записал в своем дневнике «красный профессор» А.Г. Соловьёв, работавший в 1930-х гг. в Институте мирового хозяйства и мировой политики АН СССР⁴⁴.

В течение какого-то времени для узкого круга сохранялись некоторые независимые каналы получения информации. Известный декрет 1922 г. «Об улучшении быта ученых» предусматривал свобод-

⁴¹ Там же. Ф. 88. Оп. 1. Д. 588.

⁴² Куликова Г.Б. Указ. соч. С. 190, 317. Прим. 116.

⁴³ Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов... С. 149. См. также: Гарева М.А. Неоднозначные страницы войны (Очерки о проблемных вопросах истории Великой Отечественной войны). М., 1995. С. 20.

⁴⁴ Соловьёв А.Г. Тетради красного профессора. 1912—1941 гг. // Неизвестная Россия. XX век. Кн. IV. М., 1993. С. 187.

ный выезд научных работников за границу и получение оттуда литературы⁴⁵. Однако постепенно наличие даже столь незначительного (в масштабах страны) исключения из правил стало вызывать раздражение политического руководства. В докладной записке Г.Г. Ягоды и начальника Секретно-оперативного управления ОГПУ Г.Е. Евдокимова от 9 января 1930 г., например, сообщалось, что «наиболее удобным способом сношения с заграницей, широко используемым академиками, была переправка корреспонденции и документов через академическое Бюро международного книгообмена». При этом авторы записки особо подчеркивали, что через это же Бюро академики нелегально получали эмигрантскую литературу⁴⁶.

В конце 1920-х гг. стали сокращаться бюджетные средства, выделявшиеся научным учреждениям на закупку иностранной периодики и научной литературы. Возникали и иные, чисто административные, ограничения. Уже в мае 1935 г. специально созданный для содействия проведению в СССР Международного физиологического конгресса правительственный комитет вынужден был «просить Главлит дать распоряжение о беспрепятственном пропуске через границу научной литературы иностранных делегатов конгресса»⁴⁷.

Конечно, еще больше сложностей возникало при получении зарубежной литературы отдельными, пусть даже и выдающимися, учеными. «Одним из самых основных недостатков научной работы в нашем Союзе, требующим немедленного, коренного и резкого перелома, является ограниченность нашего знакомства с мировым научным движением», — писал академик Вернадский председателю СНК Молотову в феврале 1936 г. Он подчеркивал, что с 1935 г. советская цензура стала обращать особое внимание на научную литературу. Это выразалось, по его словам, «в том, что с лета 1935 года систематически вырезаются статьи <...> Целый ряд статей и знаний становятся недоступными нашим ученым»⁴⁸. Еще более резко академик высказался в августе 1936 г.: «Цензура вообще стала бессмысленно придирчивой, небывало глупой и бесцеремон-

---

⁴⁵ См.: Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР (далее — СУ РСФСР). 1922. № 1. Ст. 5.

⁴⁶ См.: Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП (б)-ВКП (б)-КПСС. 1922—1952. М., 2000. С. 89. Бюро международного книгообмена (точнее, Бюро по книгообмену с зарубежными странами АН) было создано в октябре 1922 г.

⁴⁷ Центральный государственный архив г. Санкт-Петербурга. Ф. 7384. Оп. 18. Д. 62. Л. 53.

⁴⁸ *Вернадский В. И.* Из писем разных лет // Вестник АН СССР. 1990. № 5. С. 95.

ной». Обращения Вернадского к главе правительства, впрочем, возымели действие: начальник Главлита С.Б. Ингулов получил выговор за «превышение власти», и на некоторое время применительно к академику ситуация изменилась к лучшему⁴⁹.

Передачи иностранного радио были доступны только тем, кто знал иностранные языки; кроме того, многие просто опасались слушать эти передачи. Биолог Л.А. Исаакян, в частности, вспоминала: «...появилось радио “Филипс”, был такой приемник в доме, где я жила. И я там, совершенно обезумев, слушала по ночам и музыку, и французов, и австро-венгров, и кого хотите. Этого нельзя было делать в 30-е годы, поэтому хозяйка говорила: “Тихо, тихо, тихо, чтоб тут не было слышно, и чтоб соседи не знали, что ты слушаешь это радио”»⁵⁰.

В декабре 1927 г. в беседе с членом Коллегии НКВД (впоследствии заместителем наркома иностранных дел) Б.С. Стомоняковым посол Финляндии в Москве, выражая озабоченность малым знакомством советского народа с его страной, высказал мысль о целесообразности издания на русском языке книг по ее географии, истории и культуре, которые при распространении в СССР «будут служить целям объективной информации, а не пропаганды». В ответ Стомоняков сослался на собственную неосведомленность и на то, что, насколько ему было известно, «еще не было случая распространения у нас книг о других странах, изданных этими странами»⁵¹. Ещё раньше, в 1926 г., глава чехословацкой миссии в Москве Й. Гирса отмечал: «Сама мысль о каком-либо распространении иностранной периодики в СССР <...> становится при существующих советских цензурных и административных порядках попросту беспредметной»⁵².

Что касается советской официальной информации о внешнем мире, то можно с уверенностью говорить, что уже в 1920-е гг. пропаганда была ориентирована на создание «правильной» картины мира. Задача эта облегчалась тем, что с первых лет советской власти возникла партийно-государственная монополия на средства массовой информации (СМИ). Но в данный период позитивные,

⁴⁹ Week-end в Болшево, или еще раз «вольные» письма академика В.И. Вернадского // Минувшее: Исторический альманах. № 23. СПб., 1998. С. 319.

⁵⁰ На корме времени: интервью с ленинградцами 1930-х гг. СПб., 2000. С. 259.

⁵¹ Документы внешней политики СССР (далее — ДВП СССР). Т. X. М., 1965. С. 528.

⁵² Цит. по: Шишкин В.А. Указ. соч. С. 102.

лишенные идеологической окраски знания об окружающем мире рассматривались как важная часть общего образования и культуры, и в этом качестве — как средство успешного строительства социализма.

В конце 1920-х гг. система международной информации активно подвергалась идеологическому влиянию. Место прежних, часто складывавшихся стихийно и лишенных идеологической окраски стереотипов занимали идеологемы, «возвышающие собственные идеологические и политические ценности и культивировавшие чувство враждебности к “чужим” идеологическим и политическим ценностям»⁵³.

Практика отбора информации подвергалась резкой критике за «безыдейность», недостаточное включение материала в определенную идеологическую схему, за внимание, уделявшееся интересным, выигрышным, с точки зрения журналистики, но непринципиальным, с политической точки зрения, деталям. «Было признано: такое положение больше терпеть нельзя. Нужно политизировать информацию. Поставить ее на службу самым насущным вопросам эпохи», — вспоминал один из первых советских журналистов-международников Н.Г. Пальгунов, впоследствии заведующий отделом печати НКВД и генеральный директор ТАСС. По его мнению, «последней каплей», переполнившей чашу терпения политического руководства, явилось освещение советской прессой процесса подготовки и подписания «пакта Бриана—Келлога» в 1928 г. Пресса, подчеркивал Пальгунов, слишком много внимания уделяла различным несущественным деталям (однако способным заинтересовать читателя) и игнорировала многие политические аспекты события⁵⁴.

Примером того, как цензура оценивала международную информацию, появлявшуюся в газетах, могут служить обзоры прессы, сохранившиеся в архивах. Так, в «Кратком обзоре окружных газет Уральской области», составленном по отдельным номерам газет за июль и декабрь 1928 г., назывались следующие «аполитичные» заголовки (речь шла о положении в Китае): «Мукденцы без боя покинули Пекин», «Чжан Цюлин опасно ранен в голову». Как подчеркивал цензор, «совершенно очевидно, что подобные заголовки

⁵³ *Чугров С.В.* Идеологемы и внешнеполитическое сознание // *Мировая экономика и международные отношения.* 1993. № 2. С. 40.

⁵⁴ *Пальгунов Н.Г.* Тридцать лет (Воспоминания журналиста и дипломата). М., 1964. С. 5—6.

ничего не дают задаче нашей политической информации. Они политически бездушны»⁵⁵.

А в закрытом обзоре газеты «Вечерняя Москва» (март 1932 г.) в вину журналистам ставилось то, что они не прокомментировали надлежащим образом информацию об отставании Москвы от Берлина и Нью-Йорка по числу подстанций «Скорой помощи». По мнению составителя обзора, комментарий должен был ответить на вопрос, какое количество таких подстанций находится в пролетарских кварталах Нью-Йорка⁵⁶.

На состоявшемся в июне 1930 г. XVI съезде ВКП (б) речь шла о дальнейшем возрастании угрозы военного нападения на СССР и необходимости в связи с этим всесторонней, в том числе идеологической, подготовки к войне. Оценки и решения съезда послужили толчком к дальнейшему усилению внимания к системе внешнеполитической информации и ужесточению контроля над ней.

В резолюциях 2-го Всеармейского агитационно-пропагандистского совещания (июль 1930 г.) подчеркивалось, что слабое отражение международных вопросов является серьезнейшим недостатком содержания политических занятий. «Значительно шире и глубже должны быть поставлены вопросы международного положения, экономического кризиса капитализма, мирового революционного движения, ибо этого требует необходимость усиления интернационального воспитания бойцов в РККА», — отмечалось в его материалах⁵⁷.

В августе 1930 г., также отталкиваясь от решений XVI съезда, агитационно-пропагандистский отдел ЦК ВКП (б) провел совещание редакторов центральных газет по вопросу постановки иностранной информации в печати. В принятом постановлении отмечалось возрастание интереса к мировым новостям, и ставилась следующая задача: обеспечение «интернационального воспитания трудящихся в духе солидарности с борьбой международного пролетариата и внедрение в их сознание правильного понимания процессов внутри мирового капитализма». Для этого требовалось «в максимальной мере использовать те возможности в области углуб-

⁵⁵ Государственный архив Свердловской области (ГА СО). Ф. Р-579. Оп. 2. Д. 17. Л. 9. «Мукденцы» — сторонники Чжан Цзолиня.

⁵⁶ Центральный архив общественных движений г. Москвы (ЦАОДМ). Ф. 3. Оп. 49. Д. 22. Л. 40.

⁵⁷ Партийно-политическая работа в Красной Армии: Документы. Июль 1929 г. — май 1941 г. М., 1985. С. 80.

ленного показа отрицательных сторон капиталистической системы и условий революционной борьбы рабочих и колониальных, и полуколониальных народов, которые представляет широко, систематически поставленная, надлежащим образом комментированная и обработанная внешняя информация (курсив наш. — Авт.)». Однако, как отмечалось в документе, состояние внешнеполитической информации оставалось совершенно неудовлетворительным. Ей уделялось мало места, изложение не всегда учитывало уровень читателей, а главное, «освещение отдельных фактов международной политики и интернациональной классовой борьбы носит преимущественно отрывочный характер и не увязывается со всей системой крупных процессов, происходящих в капиталистических странах». В числе мер, предложенных на совещании, были такие, как подготовка квалифицированных коммунистических кадров журналистов-международников, политизация работы корреспондентов ТАСС за границей, укрепление связей с Коминтерном, Профинтерном, иностранными компартиями и др.⁵⁸

Усиливалась централизация в области СМИ (впрочем, как и в других областях). Необходимость этого так мотивировалась в плане работы ВОКС на 1929—1930 гг.: «Во всех областях, в которых соприкасается социалистическое государство с капиталистическим миром, оно выработало особые формы взаимоотношения с ним». Документ разъяснял, что речь шла о монополии внешней торговли и централизованном характере дипломатических отношений. По аналогии и в области культурных связей была нужна подобная монополия: «Всесоюзное Общество культсвязи с заграницей должно явиться призмой, отражающей за границей те области культурной жизни народов Союза, которые нам полезно показывать под углом наших политических задач <...> Ввиду невозможности допустить бесконтрольное проникновение из-за границы спорных или чуждых культурных течений, таким фильтрующим и контролирующим органом должен являться ВОКС»⁵⁹. И впоследствии в течение 1930—1940-х гг. руководство Общества неоднократно претендовало (впрочем, без особого успеха) на монополию в этой области. В частности, его председатель В.С. Кеменов в декабре 1940 г. в обширной докладной записке, направленной секретарям ЦК ВКП (б) А.А. Жданову и Г.М. Маленкову, негативно оценил деятельность

⁵⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 444. Л. 114.

⁵⁹ Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 5283. Оп. 1. Д. 100. Л. 119.

всех прочих учреждений и организаций, причастных к культурной пропаганде за рубежом, и в очередной раз предложил предоставить своему ведомству монополию в этой области⁶⁰.

Очевидно, что установление более жесткого контроля над всеми сторонами жизни советского общества, в том числе и в области внешнеполитической информации и пропаганды, отвечало не только идеологии и общим интересам режима, но и чисто бюрократическим аппетитам отдельных ведомств.

Специальное постановление ЦК ВКП (б) в ноябре 1934 г. объявило ТАСС «центральный информационным органом Союза ССР», наделив его «исключительным правом а) распространения за границей информации о Союзе ССР; б) распространения в пределах Союза иностранной и общесоюзной информации»⁶¹. В январе 1935 г. последовало соответствующее постановление ЦИК и СНК СССР⁶².

Ограничения охватывали не только сферу печати. В 1928 г. состоялось Первое всесоюзное партийное совещание по вопросам кино при ЦК ВКП(б), которое в своем постановлении призвало проводить «решительный курс на дальнейшее сокращение импорта картин, постепенно ограничивая импорт культурными и высокохудожественными фильмами. Однако при обязательном условии идеологической допустимости для нас ввозимых картин»⁶³.

Разрастался аппарат, осуществлявший цензурные функции. В декабре 1918 г. вышло Положение о военно-революционной цензуре, в соответствии с которым ей подлежали все книги, издававшиеся в РСФСР. До июня 1922 г. на них ставился обязательный знак «РВЦ №...»⁶⁴. В июне 1922 г. декретом СНК РСФСР было образовано Главное управление по делам литературы и издательств (Главлит) Наркомпроса РСФСР, ставшее главным органом советской цензуры, в функции которого входил предварительный и текущий контроль над издательской деятельностью, а также над ввозом литературы из-за границы.

Уже в 1922—1923 гг. были созданы отделы специального хранения (спецхраны) в Книжной палате, Румянцевской библиотеке

⁶⁰ Голубев А.В., Невежин В.А. Указ. соч. С. 317—318.

⁶¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд., доп. и испр. М., 1985. Т. 6. С. 181.

⁶² См.: Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР (далее — СЗ СССР). 1935. № 5. Ст. 36 б.

⁶³ КПСС о культуре, просвещении и науке. М., 1963. С. 169.

⁶⁴ Блюм А.В. За кулисами «Министерства правды». Тайная история советской цензуры. 1917—1929. СПб., 1994. С. 44—45.

(позднее Библиотеке им. В.И. Ленина) в Москве и Публичной библиотеке в Ленинграде для хранения секретной и антиправительственной литературы. С 1923 г. спецхраны из ведения библиотек перешли под контроль Главлита и Главполитпросвета. Постепенно туда же стали поступать практически все эмигрантские и многие иностранные издания. В результате только в спецхране Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде в конце 1930-х гг. было 4 тыс. иностранных книг⁶⁵.

Не успели справиться с «чисткой» советских библиотек, особенно в связи с политическими процессами 1930-х гг., когда пришлось перевести в спецхраны большую часть изданной в 1920-е гг. политической литературы, как возникла новая проблема. В 1939—1940 гг. в состав СССР вошли Западная Украина и Западная Белоруссия, Бессарабия, страны Прибалтики, а также часть финских территорий. И везде — и в публичных библиотеках, и в частных домах, подчеркивалось в письме в «Правду» в январе 1941 г., «остались десятки и сотни книг на русском языке, изданных в Хельсинки, Риге, Берлине». При этом, естественно, подразумевалось, что «содержание этих книг — антисоветское». «В кабинете директора ремесленного училища хранятся явно фашистские книги (на финском языке), которые давно следовало бы изъять», — сообщал автор этого письма⁶⁶.

Исследователи уже обратили внимание на значительное сходство функций и приоритетов дореволюционной и послереволюционной цензуры. Так, в 1828—1917 гг. все иностранные издания, ввозившиеся в Россию, делились на четыре категории: а) разрешенные к свободному распространению; б) запрещенные совершенно; в) запрещенные для широкой публики; г) разрешенные с изъятиями (вырезались или замазывались фрагменты). Изъять могли в случае наличия в тексте: 1) пренебрежения к русскому и другим царствующим домам; 2) сопротивления существующему социальному порядку; 3) изображения русских как варваров; 4) идей, оскорбляющих религию и нравственность. В советское время существовали примерно те же категории, причем «не для пу-

---

⁶⁵ Варламова С.Ф. К истории создания и развития спецфондов государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина // Цензура в царской России и Советском Союзе: материалы конференции (Москва, 24—27 мая 1993 г.). М., 1995. С. 162—164.

⁶⁶ Цит. по: Общество и власть: 1930-е годы. Повествование в документах. М., 1998. С. 226.

блики» означало помещение книги или периодики в отдел специального хранения, а изъятия стали делаться уже в процессе перевода, и, по мнению американской исследовательницы М.Т. Чолдин, сохранялись те же причины для запрещения⁶⁷. Вместе с тем цензура была более размытой, закрытой, распространенной, дополнялась самоцензурой, что, в частности, дало повод Чолдин ввести новый термин — «всецензура»⁶⁸.

В «Положении о Главном управлении по делам литературы и издательства (Главлит)», принятом в июне 1922 г., определялись следующие критерии для запрещения издания и распространения произведений: агитация против советской власти, разглашение военных тайн республики, возбуждение общественного мнения путем сообщения ложных сведений и порнографический характер текста⁶⁹.

О масштабах деятельности Главлита свидетельствует тот факт, что (как заявляло его руководство) по цензурным соображениям в 1938 г. было уничтожено до 10% всей печатной продукции, выпущенной из-за границы, что обошлось государству в 250 тыс. золотых рублей в год. В 1939 г. было получено примерно 2 млн 360 тыс. экз. иностранных газет, журналов, книг и брошюр, из них цензура проверила около 613 тыс. контрольных экз. В результате из этого числа 44 тыс. были запрещены для широкого пользования, а 17,5 тыс. конфискованы и уничтожены (в сумме — те же 10%)⁷⁰.

Ситуация усугублялась крайне низким культурным и образовательным уровнем советских цензоров. В конце 1935 г. Комиссия партийного контроля и отдел печати и издательств ЦК ВКП (б) проверили работу Главлита и в своем отчете указали, что «состояние цензуры в стране является совершенно неудовлетворительным». В центральном аппарате Главлита работали четыре сектора: политико-экономический, художественный, сельскохозяйственный и, наконец, так называемый краевой, просматривавший всю литературу, издававшуюся в краях и областях. При этом в политико-экономическом секторе не было ни одного экономиста, в художественном — ни один цензор (за исключением начальника) не имел специальной подготовки. «Если положение с цензурой в центре явно неудовлетворительно, то на местах, а особенно в районах,

⁶⁷ Цензура в царской России и Советском Союзе... С. 9.

⁶⁸ Там же. С. 10.

⁶⁹ История советской политической цензуры... С. 36.

⁷⁰ Там же. С. 311, 326.

оно является прямо катастрофическим», — подчеркивали авторы отчета. Из 3 250 райуполномоченных Главлита лишь 297 человек были освобожденными работниками, остальные трудились в этой области по совместительству. «Обкомы, крайкомы и ЦК нацкомпартий в большинстве случаев недооценивают работу по цензуре, совсем не дают на нее работников или дают людей проштрафившихся, ни к какой работе вообще не способных», — констатировали проверявшие⁷¹.

Этот общий вывод можно проиллюстрировать, в частности, материалами обследования Удмуртского обллита в марте 1934 г. Предварительной цензурой в районах области занимались 13 человек, из них 12 — по совместительству (в т.ч. семь заведующих РОНО); с высшим образованием — один человек, со средним — восемь, с низшим — два. Двое сотрудников получили образование в совпартшколе. В областном аппарате работали двое, начальник обллита (образование — заочный комвуз, стаж работы четыре года) и цензор (образование низшее, стаж работы — месяц)⁷².

Если верить начальнику Главлита Н.Г. Садчикову (был назначен на эту должность в 1938 г.), то после репрессий 1937—1938 гг., которые только в центральном аппарате Главлита затронули треть сотрудников, «качественный состав работников цензуры» был «значительно укреплен»⁷³. Однако на практике наблюдалась, скорее, обратная тенденция: в 1938 г. 75,7% работников Главлита имело среднее и высшее образование; в 1939 г. — 73%; в 1940 г. — лишь 55%. При этом 60% сотрудников цензуры имели рабочий стаж до года, и только 12% работали там более трех лет⁷⁴.

По данным отчета Свердловского обллита за 1939 г., из более чем 80 сотрудников высшее образование имели два человека, среднее — 17; при этом лишь 20 человек работали в цензуре больше двух лет (четверо из них — с 1936 г.)⁷⁵.

Сам Садчиков, партийный работник из Ленинграда, возглавлявший Главлит до конца 1944 г., отнюдь не был исключением. Впечатления от личной беседы с ним зафиксировал в своем дневнике 9 февраля 1938 г. академик В.И. Вернадский. Н.Г. Садчиков,

⁷¹ Цит. по: Общество и власть... С. 114—116.

⁷² Центральный государственный архив Удмуртской республики. Ф. Р-195. Оп. 6. Д. 54. Л. 60—61.

⁷³ История советской политической цензуры... С. 319.

⁷⁴ Невежин В.А. Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии «священных боев», 1939—1941 гг. М., 1997. С. 45.

⁷⁵ ГА СО. Ф. Р-579. Оп. 3. Д. 18. Л. 29.

в частности, был уверен, что «Манчестер Гардиан» — «английский реакционный журнал». По данному поводу Вернадский иронически заметил в упомянутой дневниковой записи: «И в руках этих голевских типов — проникновение к нам свободной мысли!»⁷⁶.

Неудивительно поэтому казусы, когда, например, один из районных цензоров г. Ворошиловска (ныне г. Алчевск) предлагал изъять из местного музея бюст Аристотеля, а в Московской области был отмечен «случай запрещения передачи по радио произведений Шуберта на том основании, что автор райлиту неизвестен, а он может быть троцкист»⁷⁷.

* * *

Как ни лимитировалось в СССР поступление информации из-за рубежа, еще больше ограничений существовало в сфере личных контактов. «Любая связь с границей квалифицируется так же как нарушение закона, как и контакты с зарубежными представителями в СССР», — писал в августе 1927 г. глава чехословацкой миссии в Москве Й. Гирса⁷⁸ (на самом деле, очевидно, имелась в виду вступившая в действие в июне 1927 г. статья УК РСФСР 58-3 — о «сношениях в контрреволюционных целях (курсив наш. — Авт.) с иностранным государством или с отдельными его представителями»)⁷⁹.

Значительное число советских граждан поддерживало отношения с родственниками, оказавшимися за границей (чаще всего речь шла об образовавшихся на окраинах бывшей Российской империи государствах — Польше, Финляндии, странах Прибалтики).

При этом вся международная переписка (за исключением официальной, дипломатической и частной переписки «правительственных лиц РСФСР по особому списку») подлежала обязательной перлюстрации⁸⁰, которой занимались информационный отдел ВЧК (позднее — отдел политконтроля ОГПУ), секретно-политический отдел ГУГБ НКВД, 2-й спецотдел НКВД. При этом делались достаточно обширные выписки из писем, некоторые из них, «с восхвалениями существующего режима в капиталистических странах», конфисковались; к проверенным письмам прилагался специ-

⁷⁶ Цит. по: Совершенно секретно. 1990. № 8. С. 12.

⁷⁷ Невежин В.А. Синдром наступательной войны... С. 45; ЦАОДМ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 75. Л. 38.

⁷⁸ Цит. по: Шишкин В.А. Указ. соч. С. 159.

⁷⁹ СУ РСФСР. 1927. № 49. Ст. 330.

⁸⁰ Измозик В.С. Первые советские инструкции по перлюстрации // Минувшее: Исторический альманах. Т. 21. СПб., 1997. С. 162—164.

альный меморандум, включавший в себя имена и адреса отправителя и получателя, одновременно указывался отдел ОГПУ — ГУГБ, куда в случае необходимости передавался меморандум. Данные о результатах перлюстрации поступали также (хотя и нерегулярно) в партийные органы⁸¹.

Время от времени (в зависимости от ситуации внутри страны) требования к перлюстрации ужесточались. Так, коллегия ОГПУ, обсуждая вопрос о ликвидации кулачества в январе 1930 г., предлагала «на время операции усилить перлюстрацию корреспонденции, в частности обеспечить стопроцентный просмотр писем, идущих в Красную Армию, а также усилить просмотр писем, идущих за границу и из-за границы»⁸².

Связи с заграницей, даже родственные, зачастую воспринимались как «пятно» в анкете. Например, в апреле 1928 г. в материалах полпредства ОГПУ по Сибирскому краю, посвященных специалистам Кузбасстреста, особо указывалось по поводу одного из них: «Ранее работал в Германии, где и учился <...> Выписывает немецкую литературу <...> С проживающими в Германии и Англии родственниками ведет переписку»⁸³. Часто не спасала даже высокая должность: так, в 1937 г. был исключен из партии и отстранен от работы председатель одного из райисполкомов Омской области Безденежных за то, что «имел жену польку, мать жены по 1937 г. включительно вела переписку с Польшей, о чем Безденежных знал, но мер к прекращению этой переписки не принял»⁸⁴. Подобных примеров можно привести немало.

Профессиональные связи и контакты «по интересам» тоже обращали на себя пристальное внимание «компетентных органов». В 1932 г. был закрыт основанный в 1908 г. Союз эсперантистов. Даже международные контакты филателистов вызывали подозрения: в 1931 г., например, арестовали известного филателиста, у которого изъяли 79 листов филателистической переписки. Этого оказалось достаточно для его обвинения и осуждения на 10 лет «за участие в

⁸¹ См.: *Izmozik V.S. Voices from the Twenties: Private Correspondence Intercepted by the OGPU // The Russian Review*. Vol. 55. April. 1996. P. 288.

⁸² Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927— 1939. Документы и материалы: В 5 т. (далее — ТСД). Т. 2. Ноябрь 1929 — декабрь 1930. М., 2000. Т. 2. С. 155.

⁸³ Власть и интеллигенция в сибирской провинции. У истоков советской модернизации. 1926—1932. Сб. документов. Новосибирск, 1999. С. 144—145.

⁸⁴ Центр документации новейшей истории Омской области. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1310. Л. 100.

антисоветской организации». В 1934 г. подозрения у местных чекистов вызвала переписка заведующего Ливенской электростанцией со своими коллегами из Франции. В его адрес выдвинули следующее обвинение: «связан письменной связью с границей — Франция, Париж, что не исключает возможности шпионажа». В результате этого человека освободили от должности начальника электростанции, он стал простым электриком, а позднее был репрессирован⁸⁵.

Иногда подобные обвинения принимали анекдотические формы. Так, в ходе обсуждения закрытого письма ЦК ВКП (б) по поводу убийства С.М. Кирова в феврале 1935 г. на одном из пермских заводов был поставлен вопрос о необходимости увольнения «двурушника и контрреволюционера» инженера Радина. Выступавший привел такой аргумент: «Сегодня я получил ответ из библиотеки, поинтересовался — какие иностранные журналы выписываются. Мне говорят, что Радин просил выписать журнал “Философик”. Скажите, пожалуйста, зачем ему понадобилось импортировать философию из-за границы, да тем более из фашистской Германии»⁸⁶.

Впрочем, несмотря ни на что, до конца 1930-х гг. подобные связи были не столь уж редким явлением. В документах НКВД время от времени фиксировалось недовольство, вызванное пристальным вниманием ко всем, имевшим связи с границей⁸⁷.

По данным наркомата связи, к лету 1941 г. ежедневно из СССР за границу отправлялись в среднем 1,5 тыс. телеграмм и 33 тыс. писем, поступали соответственно 1 тыс. и 31 тыс.; впрочем, сюда входила и разного рода деловая переписка между учреждениями⁸⁸.

Порой информация, все же приходившая таким путем из-за границы, полностью противоречила официальной пропаганде. Например, одна из жительниц Вологды осенью 1937 г. заявила: «Зря вы говорите о голоде и нищете за границей, т.к. мне пишут оттуда и там все дешевле, чем здесь, и денег присылают». А некая гражданка Тихонова из Удмуртии рассказывала, что «ее брат живет в Сан-Франциско, он надавит на кнопку и ему все готово, имеет свою автомашину»⁸⁹. Не

⁸⁵ Саран А.Ю. Власть и общественные организации в Центральной России. 1928—1934 гг. Орел, 2003. С. 83, 291.

⁸⁶ ЦДОО СО. Ф. 4. Оп. 13. Д. 144. Л. 133.

⁸⁷ См., например: Центральный государственный архив историко-политических документов г. Санкт-Петербурга. Ф. 24. Оп. 5. Д. 2714. Л. 99.

⁸⁸ История советской политической цензуры... С. 86.

⁸⁹ Вологодский архив новейшей политической истории. Ф. 1858. Оп. 2. Д. 940. Л. 56; Центр документации новейшей истории Удмуртской республики. Ф. 16. Оп. 1. Д. 3350. Л. 48.

случайно, в годы «ежовщины» подобные контакты служили основой для заведения многих политических дел с трагическим исходом⁹⁰.

Постепенно под жестким контролем оказались все заграничные поездки независимо от их целей⁹¹. С апреля 1919 г. право выдачи заграничных паспортов принадлежало только НКВД. В июне 1922 г. были введены новые правила, ужесточившие порядок получения разрешения на выезд из страны. В частности, требовалось получить удостоверение ГПУ об отсутствии препятствий для выезда, а для получения подобного удостоверения следовало представить, помимо различных справок и свидетельств, поручительства двух граждан РСФСР⁹². Другими словами, речь шла о введении своеобразной «круговой поруки». В соответствии с решением, принятым в 1928 г., членам ВКП(б) для частной поездки за границу требовалось получить последовательно разрешение партийной ячейки, затем уездного, районного или губернского комитетов и в качестве окончательной инстанции — одного из девяти крупнейших обкомов, ЦК компартии союзной республики или ЦК ВКП(б)⁹³.

В результате лишь незначительная часть «политически благонадежных» советских граждан могла выезжать за рубеж, причем, как правило, это касалось только их служебных командировок. Однако необходимо избегать преувеличений. И.В. Павлова, например, необоснованно утверждала, что «число желающих временно выезжать за границу, *в том числе и в командировки*, чрезвычайно сократилось, а в конце 1920-х гг. *исчезла сама мысль о возможности таких поездок* (выделено нами. — Авт.)»⁹⁴. Очевидно, что при наличии хотя бы некоторого числа «таких поездок» (что несомненно, так как подтверждено рядом примеров), не могла исчезнуть и мысль о них.

Тем не менее контроль над командировками постоянно ужесточался. В начале 1930-х гг. существовала специальная комиссия ОГПУ, в которую входили также представители ЦК и того учреждения, которое командировало сотрудника, причем решающее слово принадлежало силовому ведомству⁹⁵. Затем сформировали «комис-

⁹⁰ См.: Общество и власть... С. 182—183.

⁹¹ Об ограничениях, существовавших в этом отношении до революции, см.: Мэтьюс М. Ограничения свободы проживания и передвижения в Советском Союзе (до 1932 г.) // Вопросы истории. 1994. № 4. С. 26—27.

⁹² См.: Павлова И.В. Указ. соч. С. 44.

⁹³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 345. Л. 50.

⁹⁴ Павлова И.В. Указ. соч. С. 44—45.

⁹⁵ Агабеков Г. Секретный террор. М., 1998. С. 12.

сию по выездам» из представителей Орграспредотдела ЦК, ЦКК и ОГПУ. В мае 1934 г. постановлением Политбюро она была ликвидирована и вместо нее образована комиссия ЦК ВКП (б) под руководством секретаря ЦК А.А. Жданова, куда вошли: заместитель председателя Совнаркома В.И. Межлаук, заместитель председателя Комиссии партийного контроля Н.И. Ежов, заведующий Особым сектором ЦК А.Н. Поскребышев, заместитель председателя ОГПУ Я.С. Агранов. В декабре 1934 г. в связи с отбытием Жданова в Ленинград председателем комиссии был назначен Ежов, а в апреле 1937 г. утвердили новый ее состав: секретарь ЦК А.А. Андреев, Я.С. Агранов, А.Н. Поскребышев.

Всем наркоматам, центральным и местным организациям запрещалось отправлять за границу представителей, группы или делегации без санкции комиссии, которая должна была «решать вопрос о командировках за границу не только с точки зрения политической благонадежности, но и с точки зрения деловой целесообразности»⁹⁶.

Порядок работы комиссии, установленный в 1937 г., был следующим: сначала рассматривался вопрос о данной командировке на основе личного доклада соответствующего наркома и заключения НКВД, затем следовало утверждение решения комиссии на Политбюро⁹⁷. Все командированные обязывались «являться в Комиссию по выездам для получения инструкции, как себя держать с иностранцами за границей»⁹⁸.

Состав различных (дипломатических, научных, общественных и т.д.) делегаций, вплоть до технических работников, персонально утверждался Политбюро.

Сохранились многочисленные обращения крупнейших деятелей советской науки с просьбой разрешить им заграничную командировку. Как правило, все зависело от личного статуса ученого и отношения к нему на данный момент влиятельных членов Политбюро. «Право выезда за границу, неразрывно связанное с правом полного научного общения в мировой научной среде, является для меня элементарной необходимостью» (подчеркнуто в документе. — Авт.). *Я могу жить в стране, где этого права нет, только при усло-*

⁹⁶ Сталинское Политбюро в 30-е годы. Сб. документов. М., 1995. С. 70.

⁹⁷ Протоколы Политбюро, относящиеся, в частности, к поездкам за границу советских ученых, собраны и опубликованы В.Д. Есаковым. См.: Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б)—ВКП(б)...

⁹⁸ Сталинское Политбюро в 30-е годы... С. 72.

виш фактического его для меня осуществления, как это было до сих пор (выделено нами. — Авт.)», — писал академик В.И. Вернадский неперменному секретарю АН СССР В.П. Волгину в июне 1930 г.

В течение ряда лет «невыездным» оставался академик Е.В. Тарле. В январе 1935 г. он обратился к В.М. Молотову с письмом, в котором сообщал, что приглашен для чтения лекций в Сорбонну. Однако нарком просвещения РСФСР А.С. Бубнов счел «нецелесообразным разрешать поездку проф. Тарле», поскольку он «человек скользкий и политически притаившийся, хотя на словах он чуть ли не марксист». В результате решением Политбюро Тарле было отказано в поездке во Францию⁹⁹.

Но и возвратившись из служебной командировки, советские граждане вряд ли могли широко делиться своими впечатлениями; по крайней мере, разведчикам, вернувшимся из-за рубежа, категорически запрещалось сравнивать советскую действительность с западной¹⁰⁰.

Конечно, зачастую подобная практика приводила к обратным результатам: люди, побывавшие за границей, не могли удержаться, чтобы не сообщить об увиденном. Их рассказы, порой приукрашенные, воспринимались по-разному. «Вот результат нашей дурацкой пропаганды. Твердим, что в капиталистических странах все плохо. Советские люди представляют себе, что в Америке все голодные, раздетые, живут в трущобах, и, приехав сюда, теряют всякое чувство пропорции», — так комментировал подобные рассказы один из современников¹⁰¹.

Любопытно, что аналогичного, т.е. прямо противоположного желаемому, результата иногда достигала и западная пропаганда, неадекватно освещавшая ситуацию в СССР. Немецкий журналист писал в 1925 г.: «Когда иностранец приезжает в Россию и вместо ужасающих картин, рисуемых этой пропагандой, находит нормальную жизнь, то он бывает так удивлен, что закрывает зачастую глаза на все отрицательные стороны русской жизни»¹⁰².

Постепенно сам факт пребывания за границей стал рассматриваться как порочащий человека. Уже в начале 1930-х гг. ни в По-

⁹⁹ Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП (б)-ВКП (б)... С. 97, 192.

¹⁰⁰ См.: *Вайль Б.* Судьба Александра Улановского // Вопросы истории. 1995. № 9. С. 158; *Старков Б.А.* Запад глазами сотрудников ОГПУ // Россия и Запад. СПб., 1996. С. 205.

¹⁰¹ *Улановская Н.* Улановская М. История одной семьи. М., 1994. С. 102.

¹⁰² Цит. по: *Кузьмин М.С.* Деятельность партии и Советского государства по развитию... С. 28.

литбюро, ни на ключевых постах в правительстве практически не осталось большевиков, прошедших эмиграцию (единственным и вполне объяснимым исключением был М.М. Литвинов). В декабре 1931 г. в беседе с немецким писателем Э. Людвигом И.В. Сталин (сделав, правда, исключение для В.И. Ленина) заявил, что большевики, не уезжавшие в эмиграцию, «конечно, имели возможность принести больше пользы для революции, чем находившиеся за границей эмигранты», и добавил, что из 70 членов ЦК не более трех-четырёх жили в эмиграции. Впрочем, по его мнению, «пребывание за границей вовсе не имеет решающего значения для изучения европейской экономики, техники, кадров рабочего движения, литературы всякого рода»¹⁰³.

На встрече с руководством Института мирового хозяйства и мировой политики АН СССР в марте 1935 г. председатель КПК Н.И. Ежов заявил, «что не доверяет политэмигрантам и побывавшим за границей»¹⁰⁴. Выступая на пленуме ЦК (февраль—март 1937 г.), Л.М. Каганович, имея в виду вернувшихся в СССР, многократно проверенных сотрудников КВЖД, говорил: «Конечно, плохо, неправильно делать заключение, что все приехавшие — плохие люди, но, к сожалению, страшно много шпионов среди них»¹⁰⁵. В записке заведующего отделом печати и издательств ЦК ВКП (б) Л.З. Мехлиса, датированной октябрём 1937 г., подчеркивалось, что «кадры газетной цензуры засорены политически ненадежными людьми», в частности, один из цензоров иностранных газет владел девятью иностранными языками, «до 1927 г. ездил по различным странам (Литва, Германия, Англия), нуждается в серьезной проверке»¹⁰⁶.

На протяжении 1920—1930-х гг. СССР посетили около 100 тыс. иностранцев, т.е. примерно по 10 тыс. человек ежегодно¹⁰⁷. Но и тут с самого начала действовали определенные механизмы, позволявшие ограничивать допуск в страну «нежелательных лиц». Осенью 1919 г. американский журналист И. Макбрайд перешел линию фронта, чтобы побывать в Советской России. Он вспоминал впоследствии, что его много раз допрашивали, причем «каждый раз

¹⁰³ *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 13. М., 1951. С. 121.

¹⁰⁴ *Соловьёв А.Г.* Указ. соч. С. 178.

¹⁰⁵ Материалы февральско-мартовского Пленума ЦК ВКП(б) 1937 года // Вопросы истории. 1993. № 9. С. 26—27.

¹⁰⁶ История советской политической цензуры... С. 68—69.

¹⁰⁷ *Лельчук В.С., Ливовар Е.И.* Менталитет советского общества и «холодная война» (к постановке проблемы) // Отечественная история. 1993. № 6. С. 75.

допрос вел пользующийся доверием коммунист, человек, хорошо разбирающийся в вопросах мирового революционного движения, человек, который знал, какие задавать вопросы, и умевший определять по ответам, можно ли вас допускать в страну или нет»¹⁰⁸.

В 1922 г. был создан Особый комитет по организации зарубежных турне и художественных выставок во главе с А.В. Луначарским. Первоначально речь шла об организации гастролей, часть выручки от которых передавалась на борьбу с последствиями голода, но вскоре по решению Совнаркома визы на въезд в СССР стали выдаваться иностранным художникам и артистам лишь по представлению этого комитета. Таким образом, предполагалось не впускать в СССР «людей с реакционными взглядами»¹⁰⁹. Тут, как и в случае с цензурой, прослеживаются определенные параллели с дореволюционной практикой. Согласно «Своду уставов о паспортах и беглых» 1857 г. необходимые для въезда в Россию паспорта не давали «неблагонадежным», цыганам, «торговцам зельем и дурманом». Существовали ограничения для евреев, а у священников брали подписку в том, что они не входят и никогда не входили в орден иезуитов¹¹⁰.

«Мы вовсе не хотим, чтобы какая-то официальная делегация или комиссия разъезжала по СССР и претендовала на какие-то полномочия по ознакомлению с документами и по осмотру всевозможных предприятий, как это им заблагорассудится, — писал нарком иностранных дел Г.В. Чичерин в апреле 1928 г. по поводу предложения о посещении СССР группой американских банкиров. — Если к нам частным образом едут те или иные банкиры, мы их примем, если только в числе этих банкиров нет нежелательных для нас лиц <...> Мы не можем заранее поручиться пустить всех лиц»¹¹¹.

Особые подозрения вызывали попытки тех или иных иностранных общественных организаций наладить контакты с подобными им организациями в СССР. Например, в 1929—1930 гг. была проведена кампания за выезд ряда национальных меньшинств, в частности немцев, а также сектантов из Советского Союза. В Колумбии в марте 1930 г. даже прошел специальный съезд, призвавший

¹⁰⁸ См.: Россия победоносная. Беседа с Исааком Макбрайдом // Иностранная литература. 1987. № 11. С. 189.

¹⁰⁹ Иоффе А.Е. Международные связи... С. 89.

¹¹⁰ См.: Мэтьюз М. Указ. соч. С. 27.

¹¹¹ ДВП СССР. Т. XI. М., 1965. С. 256—257.

ЦИК СССР выпустить всех молокан в Америку и организовавший сбор средств для оказания помощи переселенцам¹¹². Отношение к таким инициативам со стороны советских официальных лиц исчерпывающе сформулировано в докладной записке секретаря комиссии по вопросам культов при президиуме ЦИК на имя председателя комиссии П.А. Красикова от 11 мая 1936 г., в которой особо подчеркивалось, что «они [сектанты] имеют связь с границей. Под видом туриста приезжал к ним сектант и делал гнусное дело»¹¹³.

Даже кандидатуры иностранных специалистов, приглашенных в Советский Союз, утверждались на самом верху. Специальное постановление СТО, принятое в августе 1934 г., установило, что «трудовые договоры учреждений и предприятий с иностранными специалистами, приглашенными на работу в СССР, должны быть утверждены соответствующими народными комиссарами и начальниками центральных управлений»¹¹⁴.

5 сентября 1931 г. СНК принял постановление «О развитии иностранного туризма в СССР и об обеспечении выполнения программы по интуризму в 1932 г.». План на 1932 г. был определен в 75—80 тыс. туристов и 30 тыс. транзитных пассажиров, причем предполагалось получить значительную прибыль¹¹⁵. Иностраный туризм рассматривался уже не столько как канал пропаганды, рассчитанной на западное общественное мнение, сколько как источник валюты. Однако широкий прием иностранных туристов начался лишь в 1934 г. К нему основательно готовились: открывались курсы гидов, ремонтировались гостиницы и т.д. и т.п. В ноябре 1935 г. было принято специальное постановление СНК, которое «в целях развития туризма в СССР и привлечения иностранной валюты» разрешало ее обмен на советской территории в течение 1936 г. Госбанку предписывалось организовать необходимое количество обменных пунктов¹¹⁶.

Приехавших туристов, как правило, повсюду сопровождали переводчики, предоставленные ВОКС или «Интуристом», которые должны были в течение 24 часов написать подробные отчеты о пребывании, настроениях и высказываниях гостей (а одновремен-

¹¹² См.: Эмиграция оренбургских немцев 1929 г. и ее итоги // Архивы Урала. 1996. № 1. С. 197—203; ТСД. Т. 4. 1934—1936. М., 2002. С. 932.

¹¹³ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 141. Д. 1883. Л. 2.

¹¹⁴ СЗ СССР. 1934. № 45. Ст. 358.

¹¹⁵ Советское руководство. Переписка. 1928—1941 гг. М., 1999. С. 159.

¹¹⁶ СЗ СССР. 1935. № 58. Ст. 476.

но, естественно, и их советских собеседников, хотя официально такая задача перед ними не ставилась). Эти отчеты направлялись руководству Общества, а затем в НКВД¹¹⁷.

Выступая на совещании по вопросам работы «Интуриста», секретарь ЦК Жданов подчеркивал, имея в виду рестораны и гостиницы, предназначавшиеся для иностранных туристов: «Общий курс ЦК на то, чтобы не пускать в эти места советских граждан»¹¹⁸.

Для иностранных моряков, посещавших советские порты, работали специальные клубы. Помимо решения чисто пропагандистских задач, они должны были «проводить политико-воспитательную работу среди иностранных моряков и обслуживать их культурно, чтобы отвлечь от хождения по городу (выделено нами. — Авт.)»¹¹⁹.

Принимались меры по ограничению общения с иностранцами не только рядовых советских граждан, но и тех, кто должен был заниматься гражданами других стран «по долгу службы». В мае 1935 г. на предложение руководства ВОКС установить контакты с вновь созданным в Англии Британским Советом, выполнявшим схожие функции, последовал резкий отказ, подписанный далеко не самым высокопоставленным чиновником Наркомата иностранных дел¹²⁰.

Изоляция иностранной колонии в России в этот период невольно вызывает аналогии с ситуацией в допетровской Руси¹²¹. Это касалось и представителей дипломатического корпуса. Так, в январе 1929 г. министр иностранных дел Франции А. Бриан в беседе с полпредом СССР отмечал, что французский посол «может изучать Советский Союз только на основании советской прессы, ибо он совершенно изолирован от общества и людей»¹²².

К началу 1930-х гг. в СССР находились примерно 20—30 тыс. иностранных специалистов и рабочих, а также политэмигрантов, но их круг общения был ограничен. Как вспоминал известный впоследствии советский разведчик Л. Треппер, «иностранцы коммунисты, учившиеся в Москве, жили своим, очень замкнутым мирком. Нам нечасто представлялась возможность путешество-

¹¹⁷ Образцы таких отчетов см.: Голубев А.В., Невежин В.А. Указ. соч.; «Основная цель его приезда...»...

¹¹⁸ РГАСПИ. Ф. 77. Оп. 1. Д. 817. Л. 6.

¹¹⁹ Там же. Ф. 17. Оп. 125. Д. 11. Л. 1.

¹²⁰ ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 3. Д. 749. Л. 130.

¹²¹ См.: Проезжая по Московии: Россия XVI—XVII веков глазами дипломатов. М., 1991; Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов... Гл. 1.

¹²² ДВП СССР. Т. XII. М., 1967. С. 50.

вать и пообщаться с русским населением»¹²³. По прибытии в Москву их предупреждали о необходимости быть бдительными в отношении советских граждан и «не смешиваться» с ними, так как те могли «оказаться шпионами и саботажниками»¹²⁴. Характерно, что в середине 1930-х гг. иностранным коммунистам запрещали вести партийную работу в ВКП (б). К тому же иностранцы большей частью концентрировались в нескольких крупных промышленных центрах и в масштабах страны не могли служить достаточно существенным источником альтернативной информации.

В 1937—1938 гг. иностранная колония в СССР подвергалась массовым репрессиям. В июле 1937 г., например, Политбюро предложило НКВД арестовать всех немцев, работавших на оборонных заводах, и часть из них выслать за границу. В январе 1938 г. было решено продлить операцию по разгрому «контрреволюционных национальных контингентов» — поляков, латышей, немцев, эстонцев, финнов, греков, иранцев, харбинцев, китайцев, румын, а также «погромить кадры болгар и македонцев как иностранных подданных, так и граждан СССР»¹²⁵.

В марте 1938 г. последовало директивное письмо отдела руководящих партийных органов, подписанное Г.М. Маленковым, в котором предлагалось срочно, не позднее 15 марта, подготовить списки членов и кандидатов ВКП (б) — «поляков, немцев, латышей, эстонцев, финнов, литовцев, болгар, греков, корейцев, китайцев, японцев, турок, иранцев, чехов, англичан, французов, итальянцев, венгерцев и пр. — с указанием национальности, подданства, места работы и т.д.»¹²⁶.

* * *

В массовом сознании, в том числе и благодаря развернутой системе пропаганды, претендовавшей на «всемирность», а также успехам советской культурной дипломатии, СССР, как правило, отнюдь не воспринимался как страна с «закрытым» обществом. В газетах постоянно появлялись отчеты о пребывании иностранных делегаций, развернуто цитировались положительные (и, конечно, замалчивались отрицательные) отзывы гостей из-за рубежа

¹²³ *Треннер Л.* Большая игра: Воспоминания советского разведчика. М., 1990. С. 43.

¹²⁴ *Блейк О.* Московские будни — 1937 // Коммунист. 1991. № 3. С. 93.

¹²⁵ Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. Т. 1. С. 136—137.

¹²⁶ ЦАОДМ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 74. Л. 7.

о жизни в СССР. «Советские музыканты, певцы, шахматисты завоевывали лавры на международных конкурсах, и росло ощущение принадлежности к большому миру за пределами наших непроницаемых границ», — писал позднее в своих мемуарах дипломат В.М. Бережков¹²⁷.

Подобное восприятие мира часто воспроизводилось в воспоминаниях о тех годах. Например, в материалах «Гарвардского проекта» утверждалось, что советская молодежь вообще была настроена к сталинскому режиму гораздо более лояльно, чем представители старших поколений. В числе главных претензий к нему называлось, наравне с террором, следующее обстоятельство: режим «обманывал их, давая им неверное представление о жизни на Западе»¹²⁸.

О том, что советский народ, в первую очередь молодое поколение, не знает ничего о внешнем мире, писали многие иностранцы, побывавшие в СССР¹²⁹. Во время Советско-финляндской войны, в январе 1940 г., в Хельсинки вышел на русском языке первый номер газеты «Друг пленных», органа Главного штаба финской армии. Планировалось, что газета будет выходить дважды в неделю, исключительно для советских военнопленных. В передовой статье под многозначительным заголовком «Правда дороже всего на свете», в частности, говорилось: «Мы считаем, что главная ваша беда и беда всего русского народа заключается в том, что вы совершенно не знаете правды об окружающей вас жизни. Ваша власть держала вас отрезанными от всего мира и сообщала вам только то, что считала нужным и полезным. Судьбе было угодно, чтобы, попав в плен в свободную страну, вы получили возможность узнать правду, как живут другие народы... Вы узнаете правду и сможете сравнить свою жизнь с жизнью других стран»¹³⁰.

Однако подлинная жизнь советского общества была богаче любых схем и обобщений. Представления, бытовавшие в обществе, порой разительным образом отличались от тех, которые рисовала официальная пропаганда, хотя, как правило, оказывались столь же мифологичными. Достоверная информация проникала иногда самыми неожиданными путями; можно привести множество примеров, когда люди, обладавшие навыками аналитического мышле-

¹²⁷ *Бережков В.М.* Как я стал переводчиком Сталина. М., 1993. С. 262.

¹²⁸ *Кодин Е.В.* Указ. соч. С. 127.

¹²⁹ В частности, А. Кестлер и А. Жид. См.: *The God that Failed*. N.Y., 1965. P. 54; Два взгляда из-за рубежа: [Переводы]. М., 1990. С. 78.

¹³⁰ *Друг пленных*. 1940. 27 января. С. 1.

ния, как правило, представители старой интеллигенции, на основе материалов советской прессы делали самые неожиданные (и весьма глубокие) выводы о происходившем в мире¹³¹.

Период, когда контакты с внешним миром контролировались достаточно эффективно, закончился в 1939 г., с вступлением Красной армии на польскую территорию. Увиденное потрясло многих и, несмотря на все старания пропаганды, рассказы очевидцев быстро распространились сначала среди военнослужащих, а затем и по всему СССР. «Полк, в который я попал после переброски на западную границу страны, участвовал в разделе Польши. Меня поразили трофейные одеяла, которые выдавали даже рядовым бойцам. Они казались признаком неслыханного богатства. И вообще кое-какие слухи насчет более высокого уровня жизни за границей просачивались в нашу среду», — вспоминал известный философ А.А. Зиновьев¹³². Тот же эффект произвело и присоединение Прибалтики.

---

¹³¹ Подробнее об этом см.: Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов... С. 145—168.

¹³² *Зиновьев А.А.* Русская судьба, исповедь отщепенца. М, 1999. С. 196.

Специфика советской культурной дипломатии межвоенного периода

§ 1. Эпоха становления (1917–1929 гг.)

«Уникальная притягательность большевистской революции была явлением универсальным. Она предлагала не только коренные изменения в России. Она предполагала всемирное уничтожение войны, бедности и страданий. Таким образом, во всех странах маленький человек, рабочий, интеллигент чувствовали, что в их жизни с началом революции в России происходит что-то важное. В действительности, эта всеобщая симпатия происходила более из недовольства условиями в их собственных странах, чем из знания условий в России. Большинство не знало в точности, что произошло или происходит при большевистском режиме, но все говорили о нем с энтузиазмом», — писал известный журналист Л. Фишер¹.

Память о недавнем экономическом кризисе, ощущение надвигающейся мировой войны — все это вызывало напряженный поиск новых путей развития западной цивилизации среди европейской политической, интеллектуальной и культурной элиты. А на востоке Европы в это самое время возникала новая цивилизация, провозгласившая неизбежность своего распространения на всё человечество в будущем. Стоит ли удивляться, что она вызывала жгучий, хотя и не всегда доброжелательный интерес.

Как отмечал видный советский историк и дипломат И.М. Майский, большевики раньше всех поняли необходимость дополнения дипломатическими акциями действий в других областях, в частности, в сфере экономики и культуры. Впоследствии это переняли и другие страны, и так, «в порядке цепной реакции, исходной точкой которой явилась Октябрьская революция в России, возникла и существует живая и непосредственная связь между дипломатией и культурой»².

На самом деле культурная дипломатия была известна задолго до Октября 1917 г. К подобным методам прибегали революционная

¹ The God that Failed. P. 180.

² Майский И.М. Б. Шоу и другие. Воспоминания. М., 1967. С. 12.

Франция и Америка в эпоху борьбы за независимость. Во время гражданской войны в США президент А. Линкольн направлял — иногда за счет федерального правительства — видных деятелей культуры, проповедников, беглых рабов с юга своей страны в Англию, надеясь таким образом воздействовать на английское общественное мнение. Он же неоднократно обращался к европейской общественности через головы правительств и даже составлял проекты резолюций для митингов английских рабочих³.

Элементы культурной дипломатии присутствовали и в политике русского правительства, что позволяет говорить об определенной преемственности в целях, методах, структурах, применявшихся для ее осуществления.

Так, еще во времена Екатерины II при Коллегии иностранных дел возникло особое немецкое отделение, служившее проводником «русской информации», т.е. русского влияния в Германии. Широко известны попытки «организовать» издание за границей целого ряда брошюр, опровергавших известное сочинение маркиза де Кюстина о николаевской России.

В начале XX в. был создан специальный отдел печати МИД, в функции которого входило освещение в соответствующем духе политики российского правительства. В отделе концентрировались все сношения с русской и мировой печатью. Он возник в результате реорганизации 2-й (газетной) экспедиции при канцелярии министра, которая готовила обзоры русских и иностранных газет. Создатель и первый руководитель отдела, Н.К. Гирс, подчеркивал, что в его деятельности (отношениях с иностранной прессой) главное — «предупредительность и личное обхождение»⁴. Со своей стороны, накануне Первой мировой войны Германия и Австро-Венгрия предпринимали попытки подкупить, например, «Новое время».

Воздействие этого глобального вооруженного столкновения было столь значительным, что позволило современным историкам ввести новое понятие «тотальная война», т.е. война, которая не только затрагивает, но и коренным образом меняет ситуацию во всех сферах жизни общества⁵.

³ *Иванов Р.Ф.* Дипломатия Авраама Линкольна. М., 1987. С. 185—188.

⁴ *Кострикова Е.Г.* Русская пресса и дипломатия накануне первой мировой войны. 1907—1914. М., 1997. С. 108—113.

⁵ Подробнее см.: *Ходнев А.С.* «Великая война» в зарубежной историографии: концепция тотальной войны // Преподавание истории в школе. 2000. № 10. С. 16—20.

Людские потери на фронтах (10 млн убитых, 20 млн искалеченных, 5 млн вдов и 9 млн сирот); урон, понесенный гражданскими лицами в результате военных действий или бомбардировок (в относительно далекой от театра боевых действий Англии от авиационных бомб погибли свыше 1 400 человек); болезни (только пандемия «испанки» унесла жизни примерно 27 млн человек); внутренние конфликты (например, уничтожение армян в Турции); крах финансовой системы многих стран и одновременно — непродолжительное процветание в колониях, сопровождавшееся переходом части функций управления в руки туземной элиты; невиданный рост государственного контроля; формирование военно-промышленного комплекса; массовое вовлечение женщин в производство; изменения, происходившие даже в организации и проведении досуга, — вот что такое «тотальная война».

Важно подчеркнуть, что для всех воюющих сторон Первая мировая означала и новую эпоху в развитии культурной дипломатии. С началом глобального вооруженного конфликта возникла ситуация, когда Россия объективно была заинтересована в создании за рубежом — в первую очередь в союзных государствах — привлекательного образа страны. Российская культурная дипломатия получила новый импульс. Например, для налаживания контактов с американской общественностью были организованы: Славянское информационное бюро с его курсами «практического изучения России»; издание газет и журналов (в том числе на английском языке), выдержанных в ортодоксальном, проправительственном духе; негласный контроль над некоторыми печатными органами эмиграции в Америке, критически настроенными до войны к авторитарическому режиму на родине. Кроме того, возникло русско-американское книгоиздательство для выпуска переводной литературы, соответствовавшей официальному курсу, велась активная пропаганда достижений России в области культуры. Наконец, в феврале 1915 г. возникло Общество сближения между Россией и США. Подобная организация, но уже ориентированная на СССР, возникла лишь в 1927 г.⁶

С одной стороны, задача привлечения общественного мнения Америки являлась тем более актуальной, что в предшествовавшие годы, особенно во время Первой русской революции, в общественном сознании США закрепился тот противоречивый (но в целом

⁶ Подробнее см.: *Сергеев Е.Ю.* Россия и русские в общественном мнении США (август 1914 — февраль 1917) // *Россия и внешний мир: Диалог культур.* М., 1997. С. 149—161.

скорее негативный) образ России, который начал складываться еще в конце XIX в. — отсталой и недостаточно цивилизованной страны, где обычными явлениями стали репрессии и погромы, политический террор и анархия, религиозная нетерпимость и повторяющийся голод, где общество было не готово к самоуправлению, а законы не соответствовали современным для того времени правовым нормам⁷.

С другой стороны, в октябре 1917 г. по решению правительства США в России открылось представительство Комитета публичной информации, призванное оказывать влияние на настроения российского общества. Любопытно, что создание этого комитета, не контролировавшегося государственным департаментом, по мнению историка Дж. Кеннана, означало переход от династической к национальной дипломатии⁸.

И после 1917 г. различные формы культурной дипломатии широко применялись западными правительствами. Так, в 1921 г., предлагая организовать помощь жертвам голода в Стране Советов, Г. Гувер писал госсекретарю США: «Меры по оказанию помощи создадут ситуацию, которая, наряду с другими факторами, позволит американцам возглавить восстановление России, когда настанет подходящий момент»⁹. С тех пор оказание гуманитарной помощи превратилось в одно из постоянных орудий американской дипломатии.

МИД Чехословакии «постепенно по всему миру обзавелся сетью журналистов, которые на постоянной или разовой основе получали деньги за статьи, поддерживавшие точку зрения Праги»¹⁰.

В 1930-е гг. в Англии создали так называемый Британский Совет, целью которого было «сделать британскую жизнь и образ мыслей более известными за рубежом, содействовать изучению английского языка и распространять за рубежом современные британские достижения в области литературы, науки или изящных искусств»¹¹.

При Народном комиссариате иностранных дел СССР к этому времени уже существовал отдел печати, наиболее представительный по числу сотрудников. В соответствии с постановлением Политбюро

⁷ См.: Журавлёва В.И. Революция 1905 года в России: размышления американцев // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 2. М., 2002. С. 162—182.

⁸ Filene P. Americans & the Soviet Experiment, 1917—1933. Cambr. (Mass.), 1967. P. 20—21.

⁹ Ibid. P. 78.

¹⁰ См.: Lukes J. Czechoslovakia between Stalin & Hitler. The Diplomacy of Edward Benes in the 1930s. N.Y., 1996. P. 25.

¹¹ Barghoorn F.C. Op. cit. P. 4.

от 2 октября 1939 г. для «улучшения информации по вопросам международного положения и внешней политики Советского Союза» на этот отдел был возложен контроль над иностранными отделами центральных газет, журналом ИККИ «Коммунистический Интернационал», иностранным отделом ТАСС и Инорадиовещанием¹².

Любопытно сравнение отделов печати МИД Российской империи и НКВД СССР, сделанное Ю.Я. Соловьёвым, одним из немногих российских дипломатов, принявших советскую власть: «Впоследствии мне пришлось и самому работать в бюро печати Наркоминдела. Здесь невольно я сопоставлял наше бывшее бюро печати в Петербурге, которым мне пришлось ведать в 1908—1909 гг., с нынешним. Прежнее бюро, не могу не сознаться, во многом уступало нынешней организации подобного же бюро на Кузнецком мосту. Последнее руководило печатью в области внешней политики, а не отстреливалось, как это было в Петербурге, только от нападков газет, действовавших сплошь под враждебным России влиянием»¹³.

Короче говоря, культурная дипломатия как таковая отнюдь не стала открытием большевиков, однако использовалась ими в невиданных прежде масштабах.

* * *

Культурная дипломатия являлась частью того огромного комплекса идей, методов, учреждений, которые составляли невиданный в истории пропагандистский механизм, созданный после революции в СССР. Советское государство уделяло пропаганде больше внимания, чем какое-либо другое, существовавшее до него, что позволило американскому исследователю П. Кенезу определить его как «пропагандистское»¹⁴.

После революции массированная пропаганда, в том числе направленная на зарубежные страны, оставалась одним из основных орудий режима. Польский посланник С. Патек в дипломатическом донесении в сентябре 1927 г. писал: «Большевики показали миру, какой великой силой является мудро и энергично проводимая пропаганда <...> Все государства мира в той или иной степени чувствуют влияние этой пропаганды в сфере общепринятых принципов

¹² См.: Невежин В.А. Синдром наступательной войны... С. 41.

¹³ Соловьёв Ю.Я. Воспоминания дипломата. 1893—1922. М., 1959. С. 407.

¹⁴ Kenez P. The Birth of the Propaganda State: Soviet Methods of Mass Mobilisation. 1917—1929. Cambridge, 1985. P. 4.

государственности и вынуждены, так или иначе, определять свое отношение к СССР и его правительству. Нет такого правительства, партии или государственного деятеля, который мог бы игнорировать результаты и успехи этой пропаганды»¹⁵.

В стране ставился небывалый эксперимент по построению нового общества, и советская внешняя политика также должна была искать новые формы. Одной из таких форм могло быть участие широких масс во внешнеполитической деятельности — «народная дипломатия». Не случайно в состав первой советской делегации для переговоров с австро-германским блоком в Бресте были демонстративно включены «представители трудящихся». Но какие же слои нового общества могли практически участвовать в реализации именно «культурной дипломатии»? Очевидно, прежде всего речь может идти о политической и интеллектуальной элитах.

Послереволюционная политическая элита обладала рядом особенностей, в том числе — в отношении восприятия внешнего мира. Даже большевики, которые много лет провели в эмиграции и, следовательно, обладали достаточно точными и разносторонними представлениями о западном обществе, зачастую продолжали верить в скорый приход мировой революции, невольно преувеличивая при этом признаки революционной ситуации.

В процессе международного сотрудничества у части правящей элиты вырабатывалось более реальное, прагматическое в своей основе, отношение к миру, но вместе с тем сохранялся и своеобразный «революционный фундаментализм». Постепенно старая большевистская элита вытеснялась новым поколением лидеров, которые не были обременены ни теоретическим опытом марксизма, ни общим образованием, ни представлениями о реальном мире.

В обычной ситуации ведущие политики руководствуются теми установками и вариантами действий, которые вырабатывают представители интеллигенции, оставляя за собой лишь право выбора вариантов. Специфика советской истории состояла в том, что политическая элита, с ее весьма мифологизированным сознанием, напротив, являлась источником основных представлений о мире для элиты интеллектуальной.

«Интеллигенция была гораздо более «благодарным» объектом для идеологического воздействия, чем другие, менее модернизированные

---

¹⁵ Цит. по: *Михутин И. В.* СССР глазами польских дипломатов (1926—1931 гг.) // Вопросы истории. 1993. № 9. С. 46.

слои населения. Не следует забывать, что большевистская субкультура впитала в себя многие интеллигентские мифы и стереотипы, которые после прихода большевиков к власти приобрели статус государственной истины. Модернизационная составляющая большевистской идеологии была гораздо понятнее представителям интеллигенции, чем, скажем, российскому крестьянству. Еще более привлекательной эта составляющая была для «выдвиженцев», ставших основой новой «народной интеллигенции», которая активно использовала возможности, предоставляемые советской властью, и представляла собой массовую социальную опору этой власти. Об эффективности советской пропаганды свидетельствуют многочисленные примеры обольщения самых известных представителей российской интеллигенции советским утопизмом и мессианством и их стремления найти во всем происходящем всемирно-исторический смысл, — утверждала Е.Г. Дьякова¹⁶.

Многочисленные свидетельства говорят о том, что часть старой интеллигенции сохранила ясный и критический взгляд на мир, но выражать его вслух ей было достаточно трудно и рискованно. Кроме того, значительную часть интеллектуальной элиты составили именно «выдвиженцы», люди, получившие образование после революции.

И. Дойчер, определяя особенности восприятия мира, свойственные новому поколению интеллигенции, писал, что у этого поколения «отсутствовали интеллектуальная тонкость и эстетическая просвещенность предшественников. Их интерес к мировым событиям был ограничен или отсутствовал вообще; у них не было реального ощущения какой-либо общности судьбы России и всего остального мира»¹⁷.

Их образование имело ряд особенностей, во многом предопределивших восприятие внешнего мира представителями «новой интеллигенции». Например, в Институте красной профессуры (ИКП) слушатели изучали три иностранных языка, латынь, читали новейшую литературу, но особое внимание уделялось работам основоположников марксизма. «ИКП скорее был похож на бюрократизированный марксистский кружок, чем на высшую школу», — заметил один из исследователей¹⁸.

---

¹⁶ Дьякова Е.Г. Интеллигенция как объект пропагандистского воздействия: насколько эффективна была советская пропагандистская машина? // Толерантность и власть: судьбы российской интеллигенции. Пермь, 2002. С. 48—49.

¹⁷ Deutscher I. The Great Change // The Stalinist Dictatorship. L., 1998. P. 112.

¹⁸ См.: Батыгин Г.С. Советская социология на закате сталинской эры (несколько эпизодов) // Вестник АН СССР. 1991. № 10. С. 95.

Даже подготовка специалистов, способных устанавливать и поддерживать контакты с внешним миром, в первую очередь определялась идеологическими установками и классовым подходом. «Профинтерн ощущает недостаток в работниках, причем резервуар, из которого Профинтерн обычно черпал этих работников, крайне ограничен. Ответственные и технические работники Профинтерна подбирались под углом зрения знания языков, но языки обычно знали или товарищи, побывавшие за границей, или те, которые по условиям своего воспитания могли научиться иностранным языкам. Оба эти резервуара иссякли», — отмечал генеральный секретарь этой организации С.А. Лозовский в мае 1928 г. в письме, адресованном в ЦК ВКП (б). И тут же делал принципиальную оговорку: «Существует предрассудок, что работать в международном профдвижении можно только лишь зная иностранные языки. Это неверно. Конечно, знание языков облегчает работу, но можно работать и без знания иностранных языков. Нужно, главным образом, иметь голову, а язык — дело наживное»¹⁹. Исходя из той же логики, в июне 1930 г. Секретариат ЦК утвердил положение об организации годичных курсов для подготовки руководящих работников Наркомата иностранных дел. При этом от кандидатов требовался партстаж не менее 10 лет, желательно рабочее происхождение и опыт руководящей партийно-советской работы областного масштаба. Образование или знание иностранных языков в расчет вообще не принимались²⁰.

С самого начала сознание подготовленных таким образом специалистов было в высокой степени мифологизировано, и только отдельные представители этой группы сумели, да и то не сразу, преодолеть стереотипы, полученные в процессе идеологизированного образования. Все это по-своему определило специфику процесса культурного обмена. Зачастую, как будет показано далее, мифология, характерная для советской стороны, встречалась с не менее мифологизированными представлениями западных гостей.

В годы Гражданской войны культурные связи между Россией и Западом, и так уже затрудненные в результате Первой мировой войны, оказались практически прерванными. Впрочем, новая политическая элита, пришедшая к власти в ноябре 1917 г., в надежде на мировую революцию, рассчитывала в первую очередь на «вооруженный пролетариат», т.е. на армии Германии и Австро-Венгрии, в

¹⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 321. Л. 70.

²⁰ Там же. Д. 373. Л. 161.

меньшей степени — Франции и Англии. Массы, державшие в руках оружие и уставшие от долгой войны, представляли собой благодатный материал для агитации. Не случайно главным занятием Народного комиссариата иностранных дел РСФСР, возглавляемого Л.Д. Троцким, была рассылка через фронт сотен тысяч экземпляров революционной литературы.

Контакты с представителями западной интеллигенции первое время рассматривались советским руководством лишь в качестве заменителя отсутствовавших дипломатических каналов. Эти попытки, впрочем, не дали особого результата; более того, на Западе стало распространяться убеждение, что в ходе официальных переговоров с большевиками трудно добиться осязаемых результатов, поэтому полезнее действовать окольными путями, через различных, иногда сомнительных, посредников.

В начале 1920-х гг. сохранение и развитие культурных связей с внешним миром являлись внутренней и одновременно профессиональной потребностью российской интеллигенции. В это время новая, советская по своему происхождению, интеллигенция еще не появилась, и, в отличие от периода конца 1920-х гг., культурные связи с миром пыталась восстановить и поддерживать дореволюционная интеллигенция. При этом она практически не выступала в качестве самостоятельной и тем более единой силы. На данном этапе ее отдельные представители порой действовали по собственной инициативе, но чаще, особенно во второй половине десятилетия, выполняли социальный (а точнее, политический) заказ правящей элиты.

Помимо осознания необходимости международного обмена для развития современной науки и культуры важную роль играла привычка к анализу не только российских, но и мировых процессов. Как отмечал историк В.А. Куманёв, «в силу универсальности своих знаний и своей психологии, интеллигенция оставалась тем нервом, который, несмотря на все предшествующие ампутации и чистки, продолжал связывать мыслящую Россию с мыслящей Европой»²¹.

Вот что по этому поводу отмечал в дневнике К.И. Чуковский (записи от 30 и 31 марта 1921 г.): «Сегодня все утро читал Нью-Йоркскую “Nation” и Лондонское “Nation & Athenaeum”. Читал с упоением: какой культурный стиль — всемирная широта интересов <...> И главное: как сблизились все части мира: англичане пи-

---

²¹ Куманёв В.А. Судьбы советской интеллигенции (30-е годы) // История СССР. 1990. № 1. С. 32.

шут о французах, французы откликаются, вмешиваются греки — все нации туго сплетены, цивилизация становится широкой и единой. Как будто меня вытащили из лужи и окунули в океан <...> Я вызвал духа, которого уже не могу вернуть в склянку. Я вдруг после огромного перерыва прочитал “Times” — и весь мир нахлынул на меня»²².

Но был и еще один, не менее значимый аспект. Так, упомянув в записях о своем участии в январе 1918 г. в организации русско-французского комитета, историк Ю.В. Готье добавлял: «Я делаю это с сознательной мыслью, что, может быть, все это пригодится в черный день, когда придется бежать из России»²³.

В начале 1920-х гг. главную роль в культурных связях играли общественные организации, а также личные контакты представителей российской культуры и науки. Участие государственных структур в основном сводилось к самым примитивным формам — «разрешить» или «запретить». Например, уже в 1921 г. объединение художников «Мир искусства» организовало и приняло участие в международных выставках «Russian Art in Paris» (Франция) с участием Л.С. Бакста, Н.С. Гончаровой, Н.К. Рериха и др., в Берлине были представлены новые работы М. Шагала. Это объединение также пыталось организовывать и персональные экспозиции.

В 1923 г. ряд попыток наладить отношения с внешним миром предприняли музыкальные деятели. В июне А.К. Глазунов, Б.В. Асафьев и др. при поддержке Главнауки хотели учредить общество «Петромузинтерн». Предполагалось установить постоянные контакты с подобными обществами в других странах «для совместной разработки и выявления новейших достижений современной музыки»²⁴. Впрочем, общество так и не смогло начать работу. В конце года возникла Ассоциация современной музыки (АСМ, просуществовала до 1931 г.), главной задачей которой стало распространение как русского, так и зарубежного музыкального искусства. Для этого АСМ установила связи с Интернациональным обществом современной музыки, выступала в качестве его русского отделения. Среди композиторов, чье творчество в первую очередь пыталась пропагандировать АСМ, были С.С. Прокофьев, И.Ф. Стравинский, П. Хиндемит, А. Шёнберг.

Расширял международные связи созданный в 1919 г. профсоюз работников искусств (Рабис). В 1923 г. при ЦК Рабис было созда-

²² Чуковский К.И. Дневник (1901—1929). М., 1997. С. 161—162.

²³ Готье Ю.В. Мои заметки. М., 1997. С. 110.

²⁴ Цит. по: Коржихина Т.П. Извольте быть благонадежны! М., 1997. С. 195.

но Международное бюро. Оно установило дружеские отношения с профессиональными союзами в Англии, Австралии, Болгарии, Германии и Чехословакии. В 1926 г. делегация Рабиса участвовала в созданном по его инициативе Первом международном конгрессе актеров. Правда, в созданный Интернационал актеров Рабис войти отказался: параграф устава, предложенный советской делегацией и придававший организации ярко выраженный классовый характер, был отклонен почти всеми участниками конгресса.

Большое значение имела инициатива отдельных видных представителей науки и искусства, заинтересованных в восстановлении контактов, утраченных в годы революции и Гражданской войны. Например, для укрепления сотрудничества между советскими и французскими историками много сделал Е.В. Тарле, между советскими и западными биологами — И.П. Павлов.

В первые месяцы советской власти одним из главных организаторов контактов с внешним миром стал М. Горький, использовавший свои личные связи и большой авторитет. «Он горячо убежден в величайшей ценности западной науки и культуры, — писал Г. Уэллс, — и считает необходимым в эти тяжкие годы голода, войны и общественных бедствий сохранить связь духовной жизни России с духовной жизнью всего мира»²⁵.

* * *

Однако применительно к началу 1920-х гг. приходится говорить лишь о подготовке почвы для дальнейшего развития культурных контактов. Одной из приоритетных целей их осуществления являлась Веймарская республика.

Во-первых, после революции 1918 г. Германия рассматривалась как «слабое звено в цепи империализма». Новую германскую революцию ждали, по крайней мере, до середины 1920-х гг., используя при этом любую возможность для того, чтобы «подтолкнуть ее», в том числе и в контексте культурных связей. Во-вторых, в 1920-е гг. Веймарская республика (что прекрасно уживалось с ожиданиями германской революции) рассматривалась как главный европейский партнер в политической и экономической сферах. Советская Россия и Веймарская Германия оказались на положении государств-изгоев, и Рапальское соглашение лишь закрепило эту ситуацию. Наконец, в-третьих, культурные связи с Германией имели

---

²⁵ Уэллс Г. Россия во мгле. М., 1958. С. 34.

давнюю историю, и, несмотря даже на Первую мировую войну, эта страна рассматривалась многими как основной культурный или экономический партнер.

В ноябре 1921 г. В. Мюнценберг, сыгравший большую роль в налаживании контактов между Советской Россией и революционно настроенной германской общественностью, во время своего пребывания в Москве представил Ленину план советской выставки в Германии и получил поддержку²⁶. «Его главным аргументом в пользу организации выставки был ее пропагандистский характер: с одной стороны, она должна была проходить под лозунгом помощи голодающим в России и тем самым вызвать сочувствие у либеральной западной интеллигенции, с другой — нейтрализовать влияние русских эмигрантских кругов в Берлине и вопреки ему показать высокие достижения русского искусства за годы советской власти, а также толерантность большевистского руководства по отношению как к революционным художественным течениям, так и к культурному наследию», — отмечал И.Н. Голомшток²⁷. Выставка, на которой было представлено около 1 тыс. работ 180 художников разных направлений, открылась в Берлине 15 октября 1922 г.

На этой выставке, как и на многих последующих, преобладали авангардисты. И. Голомшток делал из этого вывод, что «разрушительную энергию авангарда, игравшего когда-то активную роль в низвержении всего жизненного уклада монархической России, Коминтерн стремится теперь направить на подрыв социальных основ либерально-демократического строя Веймарской республики»²⁸. Думается все же, что дело в другом. Во-первых, организацией зарубежных выставок в начале 1920-х гг. занимались не Коминтерн и даже не ЦК ВКП (б), а различные подразделения Наркомпроса и объединения художников. В этот период авангардисты занимали в советском изобразительном искусстве (в том числе и в Наркомпросе) «командные высоты» и, как известно, не стеснялись использовать их при благосклонной поддержке А.В. Луначарского (в коллегии Интернационального отдела Наркомпроса входили Д.П. Штеренберг, В.Е. Татлин и на начальном этапе В.В. Кандинский). Во-вторых, возможно, именно русский революционный авангард вызвал особый, обусловленный чисто эстетическими ображениями, интерес немецкой стороны.

²⁶ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 37.

²⁷ Голомшток И. Указ. соч. С. 66.

²⁸ Там же.

Тем не менее, как подчеркивал Голомшток, с точки зрения пропаганды, «берлинская выставка целиком оправдала себя: на немецких революционно настроенных художников она произвела эффект разорвавшейся бомбы. И Луначарский в статье, опубликованной в “Известиях” от 2 декабря 1922 года, отмечая многочисленные недостатки в ее организации и, в частности, ее “левый уклон”, подчеркивал одновременно, что все оправдывает ее “пропагандистский эффект”»²⁹.

* * *

В первые послереволюционные годы нередки были случаи, когда вмешательство государственных структур лишь препятствовало восстановлению культурных связей. Так, в 1919 г. Российское театральное общество (РТО) получило приглашение участвовать в работе Всемирного конгресса театральных обществ в Париже. Наркомат иностранных дел поездку разрешил, а ВЧК отказала. РТО обратилось за поддержкой в Наркомпрос со следующим показательным заявлением: «Делегация просит тов. Луначарского разъяснить ВЧК, что конгресс политического значения не имеет, что на нем будут рассматриваться с духовной точки зрения вопросы мира, братства народов, воспитания юношества и строительства жизни на новых началах»³⁰. Тем не менее наркомат театральное общество не поддержал, и поездка не состоялась.

Более того, стремление к расширению культурных связей с Европой использовалось властями в качестве дополнительного средства давления на интеллигенцию. Выезды то разрешали, то запрещали; учитывались и лояльность стремившихся к выезду, и международная или внутривнутриполитическая ситуации, и, конечно, цели поездки. При этом неоднократно предпринимались попытки создать своеобразную систему «круговой поруки».

В сентябре 1920 г. писатель Ф.К. Сологуб обратился к Л.Д. Троцкому с просьбой разрешить себе и своей жене временный выезд в Эстонию. Троцкий ответил согласием: «Что касается Вашей деловой поездки в Ревель, то, по наведенным мною справкам, мне было заявлено, что препятствий к ней не встречается. Я сообщил, со слов Вашего письма, что Вы не преследуете при этом целей политического характера. *Мне незачем прибавлять, что то или другое Ваше содействие походу мировых эксплуататоров против тру-*

---

²⁹ Там же. С. 67.

³⁰ Коржихина Т.П. Указ. соч. С. 91–92.

довой республики чрезвычайно затруднило бы возможность выезда для многих других граждан (выделено нами. — Авт.)»³¹.

В 1921 г. председатель ВЧК Ф.Э. Держинский обратился в ЦК РКП (б) с запиской, в которой категорически возражал против выезда за границу как отдельных представителей литературы и искусства, так и целых художественных коллективов. «Такое послабление с нашей стороны, — утверждал он, — является ничем не оправдываемым расхищением наших культурных ценностей и усилением рядов наших врагов»³². Причина такой позиции, конечно, не только в субъективных представлениях Держинского или специфике ведомства, которое он представлял. Объективные условия в тот момент не очень-то способствовали эффективному использованию культурных связей в качестве пропаганды. Как не без оснований отмечалось в письме заместителя председателя ВЧК И.С. Уншлихта и начальника иностранного отдела ВЧК Я.Х. Давтяна в ЦК ВКП (б) в мае 1921 г., «не представляется никакого сомнения, что огромное большинство артистов и художников, выезжающих за границу, являются потерянными для Советской России, по крайней мере на ближайшие годы. Кроме того, многие из них ведут явную или тайную кампанию против нас за границей»³³.

В мае 1921 г. нарком просвещения Луначарский предлагал: «Установить для всех желающих выехать за границу артистов, очередь при Главном художественном комитете, отпускать их по 3 или 5, с заявлением, что вновь отпускаться будут только лица после возвращения ранее уехавших. Таким образом, мы установим естественную круговую поруку. Отправлять будем только по ходатайству артистов, может быть через профессиональный союз или через госкоммуны, так что они сами будут виноваты, если из первой пятёрки кто-либо останется за границей, и таким образом они автоматически закупорят для себя отъезд»³⁴.

Однако время шло, ситуация в стране стабилизировалась, а перспективы мировой революции представлялись все более отдаленными. Большевики постепенно приходили к осознанию необходимости налаживания всевозможных контактов с Западом и со всем миром. Как писал М.Н. Покровскому в мае 1922 г. руководивший

³¹ Цит. по: Фрезинский Б.Я. Писатели и советские вожди: Избранные сюжеты 1919—1960 годов. М., 2008. С. 28—29.

³² Там же. С. 421.

³³ Власть и художественная интеллигенция. Документы ЦК РКП (б)-ВКП (б), ВЧК—ОГПУ—НКВД о культурной политике. 1917—1953. М., 2002. С. 18.

³⁴ История советской политической цензуры... С. 422.

в тот момент отделом печати НКВД РСФСР И.М. Майский, «нам неудобно слишком ярко подчеркивать нашу коммунистическую сущность и как бы бросать вызов европейской буржуазии. Ведь сейчас перед нами стоит задача довольно неприятной, но необходимой торговли с нею в экономической и политической областях»³⁵.

Понимание взаимосвязи между развитием взаимовыгодной торговли и проведением активной культурной дипломатии было характерно, в частности, для наркомвнешторга и одновременно полпреда в Великобритании Л.Б. Красина. В декабре 1921 г. он писал своему заместителю А.М. Лежаве, что Д.Р. Макдональд «едет в Россию с серьезными намерениями, и мы должны со своей стороны принять меры к использованию его поездки... надо позаботиться об ознакомлении Макдональда с такими культурными сторонами советского быта, которые дают полное представление о целях и стремлениях правительства (выделено нами. — Авт.)». Ту же мысль Красин высказал и в письме в ЦК РКП (б) в августе 1922 г. по поводу приезда представителей американских промышленных, торговых и финансовых кругов в целях ознакомления с возможностями приложения американского капитала для восстановления российской экономики: «Без предварительного и быть может даже многократного ознакомления с общим советским пейзажем американский капитал работать в Россию не пойдет»³⁶.

В эти годы было подписано несколько торговых соглашений со странами Запада, затем началась «полоса признаний» СССР. Постепенно расширялись контакты и в культурной сфере. Впрочем, в отношении последнего позиция высшего партийного руководства оставалась двойственной. Так, в сентябре 1924 г. Политбюро ЦК РКП (б) приняло следующее решение по вопросу о художественных выставках за границей: «Разрешить Наркомпросу организацию художественных выставок в Монце—Милане и в Лондоне с тем, чтобы расходы на выставки в дальнейшем по возможности были покрыты продажей части экспонатов и т.п.»³⁷. Но уже в ноябре 1925 г. по такому же вопросу было принято лаконичное решение: «Отклонить участие»³⁸.

---

³⁵ М.Н. Покровский о русской революции. 1922 // Исторический архив. 1994. № 5. С. 209.

³⁶ Цит. по: Хромов С.С. Леонид Красин. Неизвестные страницы биографии. 1920—1926. М., 2001. С. 160, 161.

³⁷ Власть и художественная интеллигенция... С. 47.

³⁸ Там же. С. 59.

Важным событием явилось празднование 200-летнего юбилея Академии наук осенью 1925 г. По этому поводу председатель Совнаркома А.И. Рыков направил в Политбюро записку, в которой предлагал: «Я считаю, что следует придать празднованию импозантный характер. В список приглашенных мы сможем включить ряд ученых из колониальных стран и доминионов. Можно надлежащим образом организовать прием ученых и проявить к ним особое внимание не хуже, а лучше, чем это делается за границей. Есть, что им показать. Часть из них может, кроме Ленинграда и Москвы, совершить ряд поездок по нами установленным маршрутам. На торжествах можно устроить ряд наших выступлений. За границей к этим торжествам будут относиться с исключительным интересом, и иностранная пресса вынуждена будет печатать подробные отчеты об этих торжествах. Речи и выступления наших академиков будут с нами согласованы. Весь план празднования будет утверждаться нами. При таких условиях, я думаю, мы можем с большой для себя выгодой использовать этот случай»³⁹.

О непосредственно самой «выгоде» подробно говорил председатель Сибревкома М.М. Лашевич на торжественном заседании Общества по изучению производительных сил Сибири 12 сентября 1925 г.: «Если всемирные крупнейшие научные величины отозвались, за очень малыми исключениями, на юбилей и приехали к нам, то нужно сказать, что наша Академия имеет крупное историческое значение, не потому, что она дала такие имена, как Павлов и др. имена научной современности, но они приехали сюда потому, что у каждого было желание посмотреть своими собственными глазами, как живет и развивается наука в единственном государстве, где победил рабочий класс. В этом заключается огромное желание всего человечества в лице их лучших представителей посмотреть, как связалась наука с трудом, как сложились взаимоотношения представителей Академии, представителей науки и советской власти. В том, что к нам сейчас тянутся представители научных работников всего мира — заслуга рабочего класса»⁴⁰.

Созданная для проведения юбилея Комиссия Политбюро по окончании официальных торжеств представила доклад, в котором содержались позитивные отзывы западных ученых о восстановлении научных связей с Россией⁴¹. Через несколько дней была образована (уже на постоянной основе) Комиссия «для разреше-

³⁹ Академия наук в решениях Политбюро... С. 36.

⁴⁰ Власть и интеллигенция в сибирской провинции. Конец 1919—1925 гг. С. 286.

⁴¹ Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП (б)-ВКП (б)... С. 42—44.

ния вопросов международной и научной связи и наблюдения за работой Академии наук» в составе А.С. Енукидзе (председатель), А.В. Луначарского, В.П. Милютина, Н.П. Горбунова⁴². Комиссия просуществовала до марта 1929 г. После выборов возникла фракция академиков-коммунистов, которой временно передали некоторые функции по руководству Академией наук и регулированию международных научных связей СССР⁴³. Вскоре, впрочем, эти функции вернулись в высшие органы большевистской власти.

Тон партийных постановлений, связанных с организацией культурных контактов, заметно менялся. Вопрос о расходах отступал на второй план, а сами контакты характеризовались как желательные и даже иногда обязательные. Примером служит постановление Политбюро ЦК ВКП (б) от 15 марта 1928 г., принятое относительно намечавшейся в Гааге выставки кинематографии: «а) Признать участие в международной выставке кинематографии желательным. б) Считать необходимым участие в выставке крупнейших киноорганизаций СССР»⁴⁴.

В установлении культурных и научных связей с заграницей особую активность проявляли государственные организации, в первую очередь НКИД и Наркомпрос. Так, при Наркомпросе существовало Главное управление по руководству научными учреждениями (Главнаука), которое курировало научные контакты. Возглавлял его Ф.Н. Петров. С конца 1918 г. там же функционировал интернациональный отдел для осуществления связей с революционными художниками Запада. Коллегия Наркомпроса и этот отдел выпускали воззвания к зарубежным мастерам культуры — прежде всего к немецким художникам — с предложениями сотрудничества и, как говорилось в одном из таких обращений, с идеей созыва конгресса всех искусств и стран для постройки «всемирного здания искусств и выработки его конструктивных планов». Отдел направлял на Запад так называемых полпредов искусства. К.А. Уманский и Л.М. Лисицкий, например, активно пропагандировали советское искусство в Германии, и по этому поводу Голомшток писал: «По каналам налаживаемых культурных связей (в основном односторонних) идеи революционного авангарда из России перекачивались в Германию»⁴⁵.

Другие отделы и управления Наркомпроса занимались связями в области художественной культуры, литературы и педагогики. При

---

⁴² Там же. С. 45.

⁴³ Там же. С. 59.

⁴⁴ Власть и художественная интеллигенция... С. 82.

⁴⁵ Голомшток И. Указ. соч. С. 65.

Наркомате внешней торговли в 1923 г. было создано литературное агентство «Международная книга» (с 1930 г. — всесоюзное внешне-торговое объединение). В задачу агентства входило проведение операций по экспорту и импорту произведений печати, искусства и т.д. (в их числе — рекомендация советских изданий к переводу за рубежом).

Все чаще в организации культурной дипломатии экономические интересы стали уступать место политическим. Так, в письме, направленном из агитпропотдела ЦК ВКП (б) в Кинокомитет в октябре 1929 г., подчеркивалась целесообразность («в целях продвижения за границу кинохроники») предоставления Межрабпому права бесплатной демонстрации отснятых Совкино хроникальных материалов среди рабочих организаций Запада⁴⁶.

Возникали новые объединения, специально предназначенные для установления культурных связей с заграницей. Многие из них, оставаясь формально общественными, фактически во всех отношениях зависели от власти. Как правило, они создавались по инициативе и на средства государства, которое полностью контролировало их деятельность.

Контакты с радикальной частью западной общественности осуществлялись помимо прочего через Коминтерн (1919—1943 гг.), Коммунистический Интернационал молодежи (КИМ, 1919—1943 гг.), Красный интернационал профсоюзов (Профинтерн, 1921—1937 гг.), Крестьянский интернационал (Крестинтерн, 1923—1933 гг.). Существовал еще и целый ряд «коммунистических университетов», готовивших «кадры для мировой революции»: Национальных меньшинств Запада имени Ю.Ю. Мархлевского (1921—1936 гг.), Трудящихся Востока (1921 — конец 1930-х гг.), Трудящихся Китая имени Сунь Ятсена (1925—1929 гг.). Активно работали и такие объединения: Международная рабочая помощь (Межрабпом, 1921—1935 гг.), Международное общество помощи борцам революции (МОПР, 1922—1947 гг.) и др. Вышеперечисленные организации, независимо от их специфики, в той или иной мере участвовали в установлении и развитии связей с заграницей и в изучении внешнего мира. Например, при Крестинтерне действовал Международный аграрный институт, в котором исследовались проблемы, связанные с сельским хозяйством и мировым крестьянским движением; издавались журналы «Крестьянский Интернационал» и «Международный крестьянский бюллетень».

---

⁴⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 86. Д. 446. Л. 590.

Осенью 1923 г. была создана Комиссия заграничной помощи, оказывавшая содействие «организациям прогрессивной интеллигенции» и связывавшая их с советскими учреждениями. Эта комиссия унаследовала институт заграничных уполномоченных «Комитета последствий голода»⁴⁷. В декабре 1924 г. возникла Комиссия Президиума ВЦИК по координации работы в этой области. Ряд различных органов информационного характера был создан при ВСНХ и некоторых наркоматах. В 1925 г. начало работу Международное бюро пролетарской литературы во главе с Луначарским. Однако любопытно, что еще в 1922 г. появился орган, призванный играть роль «идеологической таможни», — Особый комитет по организации заграничных турне и художественных выставок.

К развитию культурных связей активно подключилась официальная советская дипломатия. Ее позицию в этом вопросе можно проиллюстрировать на нескольких примерах. Полпред СССР во Франции В.С. Довгалевский как-то сообщил в Москву, что его посетил лорд Д.М. Стивенсон (бывший лорд-мэр Глазго, экс-председатель английской ассоциации углекспортёров, либерал, член Общества культурных связей с СССР)⁴⁸. В ответ нарком Г.В. Чичерин подчеркнул полезность поддержания контактов с подобными людьми, так как «в настоящих условиях, когда в Англии чрезвычайно мало людей в буржуазных и в особенности журналистских кругах, готовых в объективном или дружественном тоне высказываться по поводу англо-советских отношений, приходится дорожить каждой отдельной возможностью». Хотя сам Стивенсон, по мнению Чичерина, являлся не тем фигурантом, «заявление которого могло бы иметь надлежащий эффект в кругах консервативной партии и правительства»⁴⁹.

Полпред в Японии А.А. Трояновский в мае 1928 г. так аргументировал необходимость приглашения в СССР японского театра Кабуки: «...к нам едут знаменитые артисты, пользующиеся в Японии колоссальной славой; их впечатление от поездки, особенно при нынешнем положении, будет иметь большое значение»⁵⁰.

С одной стороны, уже в этот период особое внимание уделялось «правильной организации» поездок западных представителей по

⁴⁷ Сааков Р.Р. Движение общественности за дружбу между народами СССР и других стран // Вопросы истории. 1975. № 10. С. 16.

⁴⁸ Общество культурных связей с СССР (Society for Cultural Relations with the USSR; далее — ОКС).

⁴⁹ ДВП СССР. Т. XI. С. 232, 714.

⁵⁰ Там же. С. 78.

СССР с тем, чтобы добиться нужного результата. В письме полпреда Довгалева Литвинову можно найти любопытную формулировку, связанную с приездом в марте 1929 г. делегации английских промышленников: «*Организационное овладение* (курсив наш. — *Авт.*) такой разнообразной группой лиц, среди которых представлены будут различные по степени важности фирмы, большинство которых будет стремиться осуществить конкретные дела в своих интересах, представит, разумеется, организационную трудность»⁵¹. С другой стороны, поездки советских деятелей науки и культуры также использовались преимущественно в политических целях. Приезд в Италию в феврале 1929 г. участников спасения экспедиции У. Нобиле профессора Р.Л. Самойловича и летчика Б.Г. Чухновского предоставил советскому полпредству «возможность в некоторых сферах (например, административных и торговых в Милане) расширить наши связи, а в официальных римских — углубить их»⁵².

В первое время в СССР особым вниманием пользовались представители «прогрессивной» (т.е. левой) интеллигенции. Однако времена менялись. «Фиаско в октябре 1923 г. в Германии начертало “конец” московской политике иностранных революций», — писал Л. Фишер. И далее: «Иностранные коммунистические партии теперь перестали быть “локомотивами истории” и стали пятым колесом в телеге советской внешней политики»⁵³. Поменялась и ориентация советской культурной дипломатии. Главным объектом ее стала интеллектуально-художественная элита, составляющая часть истеблишмента.

Именно на эти круги ориентировалось ВОКС, созданное в 1925 г. по постановлению ЦИК и СНК СССР. Ярким примером этого является отношение берлинского представителя ВОКС А.А. Штанге к Обществу друзей СССР. Подчеркнув, что оно «ничем себя не проявило», представитель уделил гораздо больше внимания консервативному Обществу по изучению Восточной Европы, созданному еще в 1913 г.⁵⁴

Учредителями Всесоюзного общества культурной связи с заграницей являлись ЦИК, Наркоминдел, Академия наук СССР, ВЦСПС, Наркомпрос РСФСР, Академия художеств, Музей рево-

⁵¹ Там же. Т. XII. М., 1967. С. 118.

⁵² Там же. С. 100.

⁵³ Fischer L. Russian's Road from Peace to War. Soviet Foreign Relations. 1917—1941. N.Y., 1969. P. 118.

⁵⁴ См.: Дэвид-Фокс М. Указ. соч. С. 127—128, 138—139.

люции, Всесоюзная книжная палата и другие организации, а также видные представители науки и культуры. Устав Общества был утвержден 8 августа 1925 г. Цель деятельности ВОКС определялась в уставе как содействие «установлению и развитию научной и культурной связи между учреждениями, общественными организациями и отдельными научными и культурными работниками Союза ССР и заграницы». Оно обязывалось устанавливать связи с различными организациями с целью обмена информацией; сотрудничать с Обществами дружбы с СССР и содействовать их возникновению; организовывать выставки и гастроли, взаимное изучение языков, быта, культуры; содействовать научному обмену; публиковать материалы о культуре, науке, быте в Советском Союзе и передавать их за границу; и т.п.⁵⁵

Впервые в истории была создана организация, призванная заниматься вопросами культурных связей с заграницей и координировать эту работу в масштабе целого государства. Общество наделялось правом непосредственного сношения с зарубежными организациями и частными лицами по вопросам культурных связей и имело своих представителей за рубежом, частично унаследованных от Комиссии заграничной помощи. Впоследствии уполномоченные ВОКС назначались из числа работников различных советских организаций за рубежом — полпредств, торгпредств, Центросоюза и др.

Согласно уставу, Общество имело как коллективное, так и индивидуальное членство; бюджет складывался из членских взносов, доходов от различных мероприятий, а также субсидий заинтересованных организаций. Позднее ВОКС стал финансироваться исключительно из государственного бюджета.

Первоначально структура Общества состояла из правления, бюро, секретариата и референтуры. В двух секторах — научно-техническом и художественной культуры — сотрудничали на общественных началах научные работники, литераторы, деятели искусств СССР. Первый сектор включал педагогическую, медицинскую, сельскохозяйственную, правовую, химическую, этнографическую секции, а также комиссию по высшей школе. Второй сектор состоял из архитектурной, кинематографической, литературной, музыкальной и театральной секций. Работали еще две отдельные секции — студенческая и «иностранные языки в массы».

---

⁵⁵ ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 1. Д. 1. Л. 1—2.

Ключевым элементом структуры ВОКС была его референтура, которой вменялось в обязанность выявлять за границей «отдельных лиц, организации, учреждения, могущие явиться проводником советского культурного влияния», а также намечать «мероприятия для расширения и закрепления» связей с ними.

Во второй половине 1920-х гг. в составе Общества появилось еще пять бюро: приема иностранцев, международного книгообмена, выставок, печати и устройства вечеров. С 1925 г. издавался информационный бюллетень (с 1930 г. журнал) «ВОКС».

С самого начала среди учредителей не существовало единства относительно дальнейшей деятельности новой организации. На совещании в июне 1925 г. представитель Коминтерна подчеркивал, что Всесоюзное общество культурной связи с заграницей должно ориентироваться в своей деятельности на различные общественные слои за рубежом, но особенно — на рабочую прессу. Член Профинтерна настаивал на том, что результаты деятельности ВОКС должны быть в первую очередь интересны «рабочим массам». Однако бюро Общества предлагало ориентироваться на широкие круги интеллигенции, на «среднего читателя». По мнению его сотрудников, именно эта аудитория представляла собой особую ценность⁵⁶.

Первым председателем ВОКС стала О.Д. Каменева. Она считала, что главное в деятельности общества — это «организовать правильную информацию среди интеллигенции, так как интеллигенция в буржуазных странах играет доминирующую роль. Она является рупором общественного мнения, или она создает общественное мнение через прессу. Именно в среде интеллигенции необходимо распространять информацию о преимуществах социалистической культуры, которая не только не пострадала от политики большевиков, а наоборот — успешно развивается, используя положительный опыт дореволюционной культуры»⁵⁷.

Майский, некоторое время исполнявший обязанности председателя ВОКС, так писал о работе общества в конце 1920-х гг.: «Мы стремились в те дни к двум основным вещам: а) привлечь в СССР возможно более крупных деятелей западной культуры, чтобы они собственными глазами увидели Советскую страну и наглядно убедились, что ее люди не только не являются разрушителями культуры, но, наоборот, прилагают величайшие усилия к всемерному

---

⁵⁶ Там же. Д. 3. Л. 6—8.

⁵⁷ Там же. Оп. 1. Д. 100. Л. 2.

ее развитию — конечно, в социалистическом духе, и б) облегчить возможность максимальному числу крупных деятелей советской культуры выступать за рубежом, каждому по своей специальности, и тем самым наглядно опровергать лживые рассказы врагов о гибели или уничтожении видных советских ученых, писателей, артистов»⁵⁸. Как бы подтверждая эти слова, секретарь Сталина Б. Бажанов (после своего бегства за рубеж) весьма иронично охарактеризовал деятельность Общества и его первого председателя: «Ольга Давыдовна руководит ВОКСом — обществом культурной связи с границей — местом, где даются субсидии выезжающим для подкормки за границу советским литераторам (доверенным) типа Маяковского и Эренбурга и приезжающим подкормиться и восхититься советскими потемкинскими деревнями заграничным литераторам и прочим “деятелям культуры” пореволюционнее. Учреждение имеет вид большой театральной постановки. Ольга Давыдовна с ней справляется успешно»⁵⁹.

Общество претендовало на своеобразную монополию в развитии культурных связей. Как говорилось в 1927 г. на межведомственном совещании, «в виду невозможности допустить бесконтрольное проникновение из-за границы спорных или чуждых культурных течений, ВОКС должен стать таким фильтрующим и контролирующим органом. Отсутствие этих функций может привести к поддержке за границей тех течений нашей культурной жизни, которые не являются для нас чисто советскими, и против которых мы ведем культурную борьбу»⁶⁰.

Постепенно задачи Общества представлялись его руководству все более масштабными, причем они подразделялись «на политические и культурные». В одном из служебных документов 1926 г. утверждалось: «Пропагандируя преимущества социалистической культуры и социалистического строя, ВОКС стремится подтолкнуть широкие слои интеллигенции к активным действиям, направленным на решение в своих странах еще не решенных социальных проблем». Вызывая у мировой интеллигенции интерес к СССР, Общество имело «также целью нейтрализовать часть буржуазии и парализовать ее в значительной степени при всяком внешнеполитическом осложнении»⁶¹. Думается, что в этом документе в значи-

⁵⁸ Майский И. М. Б. Шоу и другие... С. 9—10.

⁵⁹ Бажанов Б. Воспоминания бывшего секретаря Сталина. М., 1990. С. 177—178.

⁶⁰ ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 1. Д. 100. Л. 119.

⁶¹ Там же. Л. 118.

тельной степени были определены цели не только ВОКС, но и советской культурной дипломатии в целом.

Большую роль в достижении этих целей играло сотрудничество с теми кругами за рубежом, которые также имели заинтересованность в развитии культурных обменов с Советским Союзом. Предполагалось, что идея таких международных связей «может быть проведена только при мобилизации вокруг нее общественных сил как в СССР, так и за границей»⁶².

В одном из документов достаточно откровенно говорилось о том, что в политической части своей работы Общество «организует в капиталистических странах общественное мнение в пользу Советского Союза. С этой целью за рубежом ВОКС основал Общества культурной связи с СССР. Эти Общества под руководством ВОКС создают благоприятную общественную обстановку для поддержки политической линии советских полпредств и влияют соответствующим образом на интеллигенцию капиталистических стран»⁶³.

На одном из совещаний (1928 г.) были сформулированы те задачи, которые следовало ставить в сотрудничестве с зарубежными партнерами: «укрепление Обществ сближения, которые являются ячейками ВОКС за границей»; «создание международной организации, объединяющей все эти Общества, своего рода “Интернационал”. Коминтерн — для рабочих, ВОКС — для интеллигенции». Оценивать же итоги работы следовало «с точки зрения того, в какой степени ВОКС становится такой организацией»⁶⁴.

Можно, впрочем, предположить, что эти амбициозные планы вряд ли получили поддержку советского руководства. Тем не менее направленное на развитие культурных связей с СССР движение, на руководство которым претендовал ВОКС (порой явно преувеличивая степень собственного влияния), в эти годы быстро росло.

* * *

Необходимо хотя бы вкратце коснуться вопроса о том, какое впечатление на советское общество производила деятельность по развитию культурной дипломатии (прежде всего с Германией). Ограничимся лишь немногими примерами. В августе 1925 г., когда слухи о близкой или даже начавшейся войне распространялись чуть ли не по

⁶² Всесоюзное общество культурной связи с заграницей. ВОКС. Цифры и факты. М., 1930. С. 51.

⁶³ ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 1. Д. 100. Л. 118.

⁶⁴ Там же. Оп. 2. Д. 61. Л. 54.

всем российским губерниям со скоростью лесного пожара, кое-где они пошли на убыль в результате приезда в СССР немецкой рабочей делегации. «Население истолковывает приезд делегации как предотвращение скорой войны», — говорилось в сводке ОГПУ⁶⁵. Но после того, как 13 августа те же самые германские представители прибыли в г. Владикавказ и встретились с советскими трудящимися, местное население начало сомневаться в подлинности рабочего состава этой делегации. Более того, заговорили вдруг о том, что это «последняя ставка Соввласти — показать наше богатство, еще не разработанное, и затем отдать все иностранцам в концессию»⁶⁶.

Существовало достаточно распространенное (и отнюдь не безосновательное) убеждение, что приезжавшим из-за границы делегациям показывали только то, что именно и хотели продемонстрировать. Так, некий «уполномоченный граждан слободы Подгорной и других сел Воронежской губернии» в своем заявлении в ЦИК в августе 1926 г. писал: «Мы читаем газеты и удивляемся относительно каких-то приезжих делегаций, нам кажется, эти гости, которые осматривают у нас действительно потемкинские слободки, какая от них польза»⁶⁷.

При этом в деревне постоянно говорили о том, что иностранцев «приглашали» только в города. Например, крестьянин Рыбкин из Тверской губернии в марте 1925 г. заявил: «Английской делегации показывали жизнь рабочих, поэтому она восхваляла Соввласть, а жизнь крестьян никому не показывали, англичан уверяли, что крестьянская жизнь великолепна»⁶⁸.

При этом, по мнению большей части крестьянства тех лет, в городах жили несравненно лучше. «Рабочим и служащим центра платят большие жалования, дабы иностранная делегация могла видеть хорошие условия жизни СССР», — утверждали крестьяне Коми области в феврале 1926 г.⁶⁹ Как бы откликаясь на это, рабочий из Архангельской губернии спрашивал в мае 1926 г.: «Калинин в “Крестьянской газете” отмечает, что получает больше потому, что для приема иностранных послов нужно иметь хорошие костюмы, а разве рабочим не нужно иметь костюмы, ведь они тоже встречаются с иностранцами?»⁷⁰.

⁶⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 189. Л. 33.

⁶⁶ Там же. Д. 196. Л. 31.

⁶⁷ Там же. Оп. 85. Д. 16. Л. 176 об.

⁶⁸ Там же. Оп. 87. Д. 195. Л. 53 об.

⁶⁹ ВЧК—ОГПУ о политических настроениях северного крестьянства. 1921—1927 гг. Сыктывкар, 1995. С. 116.

⁷⁰ Там же. С. 118.

Впрочем, рабочие, в свою очередь, были уверены, что их настоящую жизнь иностранцам не представят. В сентябре 1926 г. в связи с приездом в Москву германской рабочей делегации со стороны безработных, преимущественно металлистов, раздавались следующие замечания: «Зря деньги переводят на эти делегации, толку от них никакого <...>, показывать им будут только то, что можно; небось, на биржу труда их не приведут и не дадут побеседовать с нами о нашем положении»⁷¹. Среди записок, которые подавали московские безработные на различных собраниях начала 1928 г., имелась и такая: «Почему приезжающих рабочих делегаций из-за границы никто никогда не видел из наших рабочих на производстве. А только пользуются слухами из печати, которая так красиво пишет»⁷².

В апреле 1926 г. Бюро ЦК Социал-демократической рабочей партии России (меньшевиков) даже обратилось с письмом в Центральный комитет Австрийской социал-демократической партии по поводу приезда в СССР ряда иностранных рабочих делегаций, в частности английской, немецкой и, главное, австрийской (письмо было опубликовано в газете «Арбайтер Цайтунг»; в делах ЦК ВКП (б) остался обратный перевод публикации с немецкого языка). По мнению авторов письма, подобные делегации, как правило, «приходили к выводам, оправдывающим политические методы большевиков». С одной стороны, члены делегации могли видеть только то, что им показывали, с другой — «большинство делегатов было заранее склонно признавать и оправдывать все, что им предлагалось». Так, делегаты присутствовали на съезде строительных рабочих, где шла речь о тяжелых условиях труда, в первую очередь для сезонных рабочих, вынужденных иногда работать по 17 часов в сутки. Однако, выступая на съезде, австрийские представители утверждали, что именно в Австрии, в отличие от СССР, рабочие еще не добились 8-часового рабочего дня. После посещения тифлисской тюрьмы австрийцы убедились, что «советское правительство стремится облегчить судьбу политзаключенных». Отсюда следовал вывод: «Посещение австрийской делегации дало новое доказательство тому, что правдивая информация западноевропейских рабочих о русской действительности без гарантии компетентной подготовки членов делегации и свободного изучения общественно-политических условий Советской России при данной обстановке невозможна»⁷³.

⁷¹ ЦАОДМ. Ф. 3. Оп. 11. Д. 308. Л. 16.

⁷² Там же. Д. 440. Л. 87.

⁷³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 84. Л. 96—99.

Наряду с официальной культурной дипломатией существовали (и время от времени фиксировались) попытки, в первую очередь со стороны рабочих, прибегнуть в качестве средства давления на власти к собственной «культурной дипломатии». Так, в июле 1925 г., когда в Ленинграде ожидали приезда все той же немецкой рабочей делегации, осведомители ОГПУ зафиксировали на заводе «Красный путиловец» агитацию за то, «чтобы указать делегатам на тяжелые условия жизни в СССР»⁷⁴. И действительно, во время посещения завода одному из делегатов вручили анонимное письмо со следующим четверостишием:

«Весь мир насилья мы разроем —
Мы это пели прежде всем,
Теперь, как волки в поле, воем,
Оставшись, видите, ни с чем»⁷⁵.

Впрочем, иностранные гости не обратили на это внимания. Во время митинга на «Красном путиловце» глава делегации заявил: «Мы видим и чувствуем, как свободно работает русский рабочий <...>. Мы видим, что вы любите свое дело, свою Советскую власть». Иностранцы посетили еще несколько питерских заводов, а затем Москву, Урал, Украину и Кавказ. Позднее, вернувшись в Германию, делегаты провели более полутора тысяч собраний и распространили отчет, вполне благоприятный для гостеприимных хозяев, в количестве 200 тыс. экз.⁷⁶

Не осталось в стороне и крестьянство. Например, в 1926 г. крестьянин-бедняк направил письмо секретарю ЦК ВКП (б) В.М. Молотову, в котором жаловался на конфискацию зерна из-за неуплаты налога и грозно предупреждал: «Тов. Молотов, если вы не примете меры, то мы, беднота, будем писать за границу письма и пушай заграничный пролетариат читает, как нам здесь беднякам живется»⁷⁷.

Приезды в СССР делегаций иностранной общественности пытались использовать в собственных целях различные конфессии. Так, прибывшие в Москву в июле 1926 г. американские общественные деятели встречались сначала с представителями Русской пра-

⁷⁴ Там же. Оп. 87. Д. 197. Л. 8.

⁷⁵ Питерские рабочие и «диктатура пролетариата». Октябрь 1917—1929. Экономические конфликты и политический протест. Сб. документов. СПб., 2000. С. 346.

⁷⁶ Там же. С. 349.

⁷⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 16. Л. 46 об.

вославленной церкви, пообещав предоставить им денежные средства, а затем (на конспиративном собрании) — и с членами всех крупных сект, существовавших в Москве. Делегаты интересовались правовым положением верующих и вновь предложили материальную помощь. Различные национальные меньшинства (немцы, поляки, чехи, греки и др.) самостоятельно пытались установить связи с исторической родиной в области культуры и образования с тем, чтобы повлиять прежде всего на местные власти⁷⁸.

Культурная дипломатия многими воспринималась как некая избыточная деятельность, бессмысленная трата ограниченных ресурсов государства. Так, в январе 1927 г. в Северо-Двинской губернии некто Долинин, возвратившийся из Москвы, рассказывал: «После окончания съезда ученых физиков, на котором были и заграничные ученые, им был дан бал, на который были собраны офицеры со всей республики, и заграничные ученые говорили, что нам нигде еще на таком бале бывать не пришлось, как устроили для нас СССР, вот тут и видно, куда уходят наши денежки»⁷⁹. При всей своей фантастичности (никаких балов, тем более при участии «офицеров, собранных со всей республики», повесткой научных конгрессов обычно не предусматривалось) подобные слухи всегда производили соответствующее впечатление на людей, лишенных порой самого необходимого.

Иногда культурная дипломатия внутри страны давала результаты, обратные тем, на которые она была рассчитана. В октябре 1926 г. чехословацкий посланник Й. Гирса сообщал в свой МИД о результатах визита делегации из Англии: «Рабочие ленинградских путиловских заводов, где занято более 5 тысяч человек, постановили, что не будут выплачивать часть заработка для поддержки английских горняков. Это решение было вызвано посещением английскими делегатами рабочих и работниц на заводах. [Рабочие] высказались против политики правительства в этом вопросе и свое отрицательное отношение мотивировали тем, что оборванные, не одетые русские рабочие [не] должны выплачивать на британских бастующих, делегаты которых приезжают сюда одетые в дорогие меха, в накрахмаленных воротничках и шелковых чулках»⁸⁰.

Анонимный ленинградский коммунист в декабре 1929 г. писал И.В. Сталину, что «приехавшие делегаты из России рассказыва-

⁷⁸ См.: «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину... Т. 4. 1926 г. Ч. 1. М., 2001. С. 466; Т. 6. 1928 г. М., 2002. С. 276—280, 593.

⁷⁹ ВЧК—ОГПУ о политических настроениях северного крестьянства... С. 135.

⁸⁰ Цит. по: *Шишкин В.А.* Указ. соч. С. 245.

ют о том, что у нас свободно дышится, что у нас свобода в полном смысле, что у нас рабочий живет в 100 раз лучше, чем где-либо. Неужели ты думаешь, за границей не знают, что у нас не свобода, а каторга, неужели же, по-твоему, пишут не ложь? Да мы нищие, жалкие люди против рабочих буржуазных стран!»⁸¹.

Но, пожалуй, самую любопытную характеристику советской культурной дипломатии дал бывший генерал-лейтенант К.Л. Гильчевский в письме на имя М.И. Калинина в августе 1927 г.: «Лозунг “всякая кухарка должна уметь править государством” — очень красивый лозунг. Но многие кухарки и обеда порядочного сварить не могут. А те, что приезжают в Москву, в Кремль, решать якобы государственные дела, — всякий знает, что они только статисты, и приезжают для приманки дикарей других стран и для показа иностранцам»⁸².

* * *

В целом можно согласиться с выводами А.Е. Иоффе о том, что основными направлениями культурной дипломатии СССР в 1920-е гг. являлись: получение доступа к использованию достижений передовых стран в области науки и техники, передача опыта строительства социализма рабочему классу и интеллигенции капиталистических стран, распространение правдивой (точнее, приукрашенной. — *Авт.*) информации о социалистическом строительстве (в том числе культурном) в СССР⁸³.

Но основным итогом данного периода были не те или иные конкретные результаты, а то, что в течение 1920-х гг. постепенно складывалась инфраструктура, позволявшая с успехом координировать и направлять этот процесс. Под инфраструктурой в данном случае понимается система стабильных элементов в отношениях между странами на двусторонней (или многосторонней) основе, включающая в себя комплекс соглашений, регулирующих развитие сотрудничества в различных областях, совокупность организаций, содействующих осуществлению такого сотрудничества и созданных специально для этой цели, и, наконец, устоявшиеся формы, каналы и механизмы сотрудничества. При этом усиливалась роль организаций, призванных, казалось бы, способствовать лишь расширению свободного и взаимовыгодного культурного

⁸¹ Питерские рабочие и «диктатура пролетариата»... С. 406.

⁸² РГАСПИ. Ф. 78. Оп. 1. Д. 284. Л. 2 об.

⁸³ Иоффе А.Е. Интернациональные научные и культурные связи... С. 5.

обмена, но вместо этого пытавшихся (и не без успеха) играть роль своеобразного идеологического фильтра. Все больше возрастали масштабы этого обмена. Но «звездный час» советской культурной дипломатии был еще впереди.

§ 2. «Звездный час» советской культурной дипломатии

Советская культурная дипломатия 1930-х гг. имела ряд особенностей. Ее характерной чертой являлось использование классических духовных достижений для пропаганды культуры, существовавшей в рамках «социалистического реализма». Время формальных исканий ушло в прошлое.

Подобные тенденции порой критически оценивались на Западе. Признавая высокий уровень классической литературы, многие западные интеллектуалы считали социалистический реализм политизированным эпигонством, в лучшем случае — разновидностью «массовой культуры». А, скажем, придерживавшийся левых взглядов известный немецкий искусствовед В. Беньямин, побывав в СССР и посетив выставку АХРР⁸⁴, сделал вывод, что в советской культурной политике «предпочтение отдается реакционному крестьянскому искусству»⁸⁵.

Одновременно классические русская литература и искусство стали активно использоваться в культурной дипломатии. Постоянно и не без успеха демонстрировалось бережное отношение к наследию классиков (в том числе — западному), его широкое использование для просвещения масс, что вызывало за рубежом искреннее одобрение. Возникали даже явные курьезы: так, ВОКС, несмотря на протесты ОКС, постоянно пополнял его библиотеку новыми переводами изданий В. Шекспира, Ч. Диккенса и других английских писателей.

В программу концертов русской музыки, привлекавших неизменное внимание западной публики, включались произведения советских композиторов — так Москва использовала дореволю-

⁸⁴ АХРР — Ассоциация художников революционной России, существовавшая в 1922—1932 гг. (с 1928 г. Ассоциация художников революции), массовое художественное объединение. Для художников АХРР были характерны развитие традиций передвижников в новых условиях, историко-революционная тематика. Объединение имело около 40 филиалов в РСФСР и других республиках, издавало журнал «Искусство в массы» (1929—1930 гг.).

⁸⁵ Беньямин В. Московский дневник. М., 1997. С. 55.

ционное музыкальное наследие России для пропаганды «новой» культуры.

Однако порой такая настойчивость приводила к негативным последствиям. Например, в 1936 г. сорвалась организация выставки советской живописи в Великобритании и Канаде, так как английская сторона потребовала включить в экспозицию картины старых русских мастеров (в том числе из коллекций эмигрантов). Заместитель председателя ВОКС Л.Н. Чернявский заявил по этому поводу, что цель его ведомства, как и ОКС, состоит в том, чтобы «знакомить Англию, прежде всего, с достижениями советской культуры»⁸⁶. Но это не означало, что Запад полностью утратил интерес к тому, что происходило в культурной жизни Советского Союза.

Как отмечал У. Лакер, «левая интеллигенция Веймарской Германии живо интересовалась литературой и искусством авангарда. В конце 20-х годов, когда в России закончился период экспериментов в искусстве, этот интерес спал. Но появился интерес к социальной и экономической реконструкции в СССР. Эта тема привлекала множество людей, что было вызвано тяжелым экономическим кризисом в Германии. Такой же интерес вызывали театральные постановки в Москве и их режиссура, новинки советской живописи и музыки... В некоторых кругах стали модой поездки в Москву, что было тогда большим приключением, чем впоследствии; рассказы о таких поездках и очерки о России на политические и культурные цели появлялись, как грибы»⁸⁷.

На зарубежных гостей производили впечатление масштабы государственного финансирования культуры и науки в СССР. Экономическое положение Запада в тот период оставляло желать лучшего, что не могло не сказаться на положении деятелей культуры. Другое отличие культурной дипломатии 1930-х гг. — дальнейшее усиление политического и бюрократического контроля над культурными связями.

В мае 1929 г. в печати вышла статья некоего профессора Коровина⁸⁸ (о публикациях советских ученых за границей), в которой, в частности, отмечалось: «Эта научная масса выносит на суд мировой науки не важнейшие достижения нашего культурного и политического опыта, не те вопросы, которыми болеет наше хозяйственное

⁸⁶ См.: ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 3. Д. 738. Л. 98.

⁸⁷ Лакер У. Указ. соч. С. 184.

⁸⁸ Речь, видимо, идет о Е.А. Коровине (1892—1964), видном специалисте в области международного права.

строительство и над разрешением которых оно бьется, но случайные темы — случайный продукт кабинетных раздумий и лабораторного творчества. Если выступления эти в громадном своем большинстве не приносят вреда советскому строительству, то в значительной своей части они все же остаются для него глубоко безразличными <...> А это значит, в частности, что организованными усилиями науки и общественности (ВАРНИТСО⁸⁹, союз работников просвещения, ВОКС, НКПрос, НКИД и др.) должен быть поставлен предел нашей научной кустарщине, и в первую очередь — в ее международных проявлениях. Речь идет не о какой-то цензуре для заграничных писаний советских ученых, но именно о планировании этих выступлений в заграничной печати по отдельным секторам нашего государственного строительства и по отдельным дисциплинам, с ним связанным. Иначе говоря, на определенный отрезок времени соответствующими научно-общественными организациями должна быть проработана программа комплексных тем и вопросов, обсуждение которых и постановка на страницах заграничной печати представляют в данный момент наибольший интерес для СССР». И.И. Шитц, вырезавший статью Коровина для собственного дневника, прокомментировал ее следующим образом: «Словом, дело свелось бы к надзору за тем, что дать печатать русским ученым за границей»⁹⁰.

Менялось ВОКС, которое все более утрачивало черты общественной организации и превращалось в государственное учреждение. Формально оно сохраняло свой характер, что, возможно, несколько облегчало контакты с представителями Запада, но зато резко снижало его статус в советской бюрократической системе⁹¹. Наркоминдел рассматривал Общество как одно из второстепенных своих подразделений; другие организации зачастую игнорировали его просьбы или обращения. Впрочем, и за границей ВОКС, как

⁸⁹ ВАРНИТСО — Всесоюзная ассоциация работников науки и техники для содействия социалистическому строительству в СССР; существовала в 1927—1938 гг.

⁹⁰ Шитц И.И. Дневник «великого перелома» (март 1928 — август 1931). Париж, 1991. С. 119—120.

⁹¹ Так, в плане работы ВОКС на 1940 г., направленном в Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), содержалось любопытное утверждение: «Подчиненный по существу Наркоминделу ВОКС по форме является добровольной общественной организацией». См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 11. Л. 18. О том же писала в своих воспоминаниях Р.Д. Либерзон (Орлова): «Всесоюзное? Да. Общество? Нет, государственное учреждение, маскирующееся под общество... Культурной связи с заграницей? Ведь «связь с заграницей» — сочетание зловещее... Но мы-то — дозволенная связь. Наша». См.: Орлова Р.Д. Воспоминания о непростом времени. М., 1993. С. 123—124.

отметил однажды его председатель, пользовалось репутацией «самого неаккуратного учреждения»⁹².

Одной из первых примет «новой эпохи» в культурной дипломатии явилась всесторонняя проверка ВОКС, устроенная в 1928 г. Рабоче-крестьянская инспекция нашла множество недостатков в деятельности О.Д. Каменевой (главным из которых, очевидно, были ее родственные связи), и вскоре новым председателем Общества стал старый большевик Ф.Н. Петров.

Усилился повседневный контроль над деятельностью ВОКС. В 1929 г. в Берлине издали книгу Б.А. Пильняка «Красное дерево», не разрешенную к печати в СССР. По этому поводу Главлит принял расследование обстоятельств передачи рукописи за границу. Предполагалось, что это было сделано через ленинградское отделение Общества. Более того, ленинградскому обллиту поручили «проследить — какую роль играет ВОКС в пересылке за границу рукописей советских писателей». Из ответа ленобллита становилось очевидным, что книга Пильняка попала в Германию через систему Главнауки, которая не обеспечила должный контроль над содержанием вывозимых рукописей⁹³.

Были случаи, когда Общество подвергалось серьезным нареканиям за то, что за границу попадали и «не та» музыка (считалось, что рабочие Запада хотят слушать в первую очередь революционные песни), и «не те» пьесы (например, «Дни Турбиных» М.А. Булгакова).

К середине 1930-х гг. ВОКС окончательно превратился в государственное учреждение со своей бюрократической структурой и особенностями функционирования. В основу этой структуры были положены принципы, заимствованные у Наркомата иностранных дел (сочетание территориальных и функциональных отделов). Кроме того, были образованы секции, существовавшие в составе отдела культуры ВОКС (изобразительная, литературная, театральная, кино и др.), где на общественных началах работали видные советские писатели, художники, ученые и актеры.

Главную роль в перестройке структуры Общества играл А.Я. Аросев, занимавший пост председателя его правления в 1934—1937 гг. В 1935 г. исполнилось 10 лет со дня образования ВОКС. К этой дате Аросев подготовил статью, в которой, в частности, говорилось: «Самим фактом организации такого общества Совет-

⁹² ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 1. Д. 142. Л. 27.

⁹³ Цензура в СССР. Документы 1917—1991. М., 2004. С. 163—164.

ский Союз показал, что он стремится к мирному культурному общению с другими народами, к освоению всех подлинных духовных ценностей современности, а также всего так называемого “культурного наследства”. Наряду с этим перед обществом культурной связи стоит задача знакомить широкие круги зарубежной интеллигенции с культурным строительством нашей страны во всех областях и проявлениях»⁹⁴.

Далее Аросев отмечал, что перспективы расширения культурных связей со всем миром чрезвычайно благоприятны везде, кроме Германии. Как говорил сам председатель правления общества в докладе на заседании Иностранной комиссии Союза писателей, «интеллигенция Германии, вернее некоторые слои ее, не прочь продолжать с нами культурные отношения <...> Но у нас такие отношения с Германией, что я отвечал довольно холодно. Я не скрывал и говорил, что политические отношения вынуждают меня к этой холодности и, если бы не это, мы были бы рады продолжить наши культурные отношения. К сожалению, ваша страна идет враждебным для нас путем»⁹⁵.

Этот раздел доклада был основан на тех впечатлениях, которые Аросев вывез из поездки в Европу. В секретном отчете, направленном в отдел культуры и пропаганды ленинизма ЦК ВКП (б) на имя А.И. Стецкого 5 марта 1935 г., он так писал о своем пребывании в Германии: «В телеграмме за подписью т. Крестинского мне было указано не встречаться в Берлине ни с кем и не устанавливать связей. Однако, по своей инициативе и еще до моего приезда в Берлин, общество “Ост-Европа” во главе с министром Курциусом⁹⁶, приготовило мне прием. Мне был дан завтрак, где присутствовало до 50 человек, главным образом профессоров и академиков. От нашего полпредства был т. Гиршфельд»⁹⁷. Очевидно, именно на этом приеме Аросев и говорил о том, что политические отношения мешают культурным связям.

Можно сделать вывод, что к весне 1935 г. советское руководство потеряло всякую надежду на продолжение нормальных культурных связей с Германией. На самом деле, как явствует из доклада самого

⁹⁴ ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 1. Д. 382. Л. 105.

⁹⁵ Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 631. Оп. 14. Д. 3. Л. 27.

⁹⁶ Немецкое общество по изучению Восточной Европы было основано в 1913 г., распушено в 1935 г., возобновило свою деятельность в 1949 г.

⁹⁷ ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 1-а. Д. 276. Л. 62.

Аросева, определенные возможности для контактов еще оставались. Вместе с тем о том, в каких условиях приходилось действовать, например, обществу «Друзья новой России», сообщалось в письме от 9 июля 1933 г. представительницы Всесоюзного общества культурной связи с заграницей в Кёнигсберге Р.Н. Раговер-Сметанич: «Журнал “ВОКС” забирается при обыске как уличающая литература, советские газеты не поступают в продажу совершенно: несмотря на то, что “официально” они разрешены <...> Что касается общества “Друзей новой России”, то списки его членов, протоколы, содержание докладов, имевших место, списки членских взносов — все это хранилось в абсолютно безопасном месте, и было сожжено»⁹⁸.

В вышеупомянутой статье Аросев особо остановился на организации книгообмена, который занимал важное место в работе ВОКС. Еще в 1931 г., после очередной комиссии, вопрос о деятельности Общества рассматривался на Политбюро. Тогда перед ним была поставлена первоочередная задача — изучение научно-технического опыта развитых стран⁹⁹. В этой работе оно участвовало, во-первых, направляя по соответствующим адресам конкретные запросы советских организаций по тем или иным техническим вопросам, и, во-вторых, как посредник книгообмена.

В документе, подготовленном соответствующим отделом ВОКС в 1931 г., говорилось, что оно действовало «под именем Бюро книгообмена Комиссии заграничной помощи и вело свою работу весьма кустарно: случайные материалы, случайно поступавшие от тех или иных учреждений Союза, пересылались с предложением обмена наугад намеченным иностранным учреждениям. Наша задача сводилась тогда к тому, чтобы таким путем развить культурную связь с заграницей и увязать заграничные учреждения с нашими. Аккуратная рассылка материалов в обе стороны должна была создать условия для возобновления научного книгообмена между Союзом ССР и заграницей, совершенно прекратившегося в годы войны и блокады».

⁹⁸ Там же. Д. 218. Л. 34. Раговер-Сметанич Розалия Наумовна (1897—1973), жена Соломона Доновича Сметанича (1896—1975), советского консула в Кёнигсберге (1932—1934); участвовала в работе Общества друзей новой России (1932—1933). О ее деятельности и работе этого Общества см.: *Костяшов Ю.В.* Общество друзей Новой России в Кёнигсберге (по материалам ГА РФ) // Проблемы источниковедения и историографии. Вып. 3. Калининград, 2004. С. 76—81. К сожалению, автор упомянутой статьи не обнаружил процитированного выше письма, в котором, помимо прочего, есть сведения о трагической судьбе активистов этого общества.

⁹⁹ ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 11. Д. 142. Л. 27.

Второй этап деятельности отдела, по утверждению авторов документа, носил гораздо более планомерный и систематический характер — расширили сеть корреспондентов Общества и заключили соглашения со многими центрами книгообмена. В завершение делался вывод: «ВОКС ставит перед собой задачу дальнейшего расширения корреспондентской сети, как по загранице, так и по СССР. Этот рост должен идти главным образом за счет вовлечения в книгообмен новых учреждений, работающих в области техники и сельского хозяйства, что вызывается бурными темпами работы в этих направлениях в связи с усиленным осуществлением пятилетнего плана»¹⁰⁰. Действительно, масштабы книгообмена быстро росли. За первые четыре года существования ВОКС за границу было отправлено около 550 тыс. экз. различных изданий и примерно столько же получено, а в 1935 г. соответственно — около 700 тыс. и более 1 млн 200 тыс. экз. При этом за рубеж шли в основном книги и брошюры, пропагандировавшие достижения СССР, и марксистская литература, а оттуда поступало то, что было необходимо для социалистического строительства, в первую очередь книги по сельскому хозяйству, точным наукам и технике¹⁰¹.

В начале 1930-х гг. Германия занимала в этом процессе одно из ведущих мест. Так, в 1935 г. (данные за январь—сентябрь) по масштабам книгообмена она уступала только США. Примерно 650 тыс. экз. было получено из Соединенных Штатов Америки, а отправлено туда около 190 тыс., из всей Европы — соответственно 520 тыс. и 420 тыс., в том числе из Германии — 210 тыс. и 115 тыс. экз.¹⁰² Советская сторона установила контакты по книгообмену с 637 немецкими организациями (для сравнения, в США — с 729)¹⁰³.

Между тем в 1935 г. отмечалось резкое падение личных контактов; за первые 10 месяцев 1935 г. ВОКС посетили свыше 1 300 иностранцев, но немцев среди них было только 11 человек¹⁰⁴. Затем стал снижаться объем книгообмена. В апреле 1936 г. и.о. председателя Общества Л.Н. Чернявский писал в Берлин: «С 1933 г. вся работа ВОКСа с постоянными корреспондентами — отдельными лицами и организациями — прекратилась, сохранился лишь кни-

¹⁰⁰ Там же. Оп. 1. Д. 207. Л. 29.

¹⁰¹ *Каменева О.Д.* ВОКС // Большая советская энциклопедия. Т. 12. М., 1929. С. 670; ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 1. Д. 278. Л. 59—60.

¹⁰² ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 1. Д. 278. Л. 68—69.

¹⁰³ Там же. Л. 70—72.

¹⁰⁴ Там же. Л. 95.

гообмен. Несмотря на резкий антисоветский курс нового правительства, обмен научных книг между Германией и нами остался почти в полном объеме и не показывает тенденции к снижению <...> У нас нет никаких иллюзий насчет того, что посылаемый в Германию материал изъят в библиотеках из общего пользования и доступен только весьма узкому кругу людей. Но мы все же стараемся расширить наш книгообмен с Германией отчасти и потому, что в некоторых областях науки, особенно в технике, научная мысль Германии все еще является для нас ценной»¹⁰⁵.

Как утверждалось в годовом отчете отдела книгообмена ВОКС, «в Германии за 1936 год было 14 новых корреспондентов; наряду с резкими или формальными отказами от книгообмена с советскими учреждениями¹⁰⁶, от некоторых организаций поступают запросы о высылке изданий, благодарность за организацию книгообмена (например, Академия естествоиспытателей в Галле). Получение литературы через обменный центр Германии по сравнению с 1935 г. увеличилось: вместо 19 545 экз. — 21 519 экз.»¹⁰⁷.

Здесь проявилась советская привычка рапортовать об успехах: вместо итоговых цифр приводились отдельные примеры, не дававшие полной картины. «Рост книгообмена» отмечался на примере одной-единственной (хотя и важной) организации. Но в другом месте отчета обнаружились цифры, позволившие говорить о катастрофическом падении масштабов книгообмена. Так, в первом полугодии 1936 г. из Германии получили 7 128 экз., а отправили в эту страну 3 495 экз. За первые шесть месяцев 1937 г. эти показатели составили соответственно — 7 898 и 2 982 экз.¹⁰⁸ Характерно, что и здесь прослеживался некоторый рост числа полученных книг (в рамках отдельного периода), но общий объем их обмена сократился, по сравнению с 1935 г., в десятки раз.

В 1936 г. отдел выставок ВОКС организовал за рубежом 53 экспозиции, однако в Германии не состоялось ни одной. В плане работы отдела на 1937 г. организовывать их в этой стране вообще не предполагалось¹⁰⁹. Более того, в связи с подготовкой Обществом

¹⁰⁵ Там же. Оп. 1-а. Д. 300. Л. 3, 5.

¹⁰⁶ Так, в мае 1933 г. редакция газеты «Зонтагс-Цейтунг», с которой ВОКС обменивалось изданиями, прислала следующее письмо: «Настоящим просим вас прекратить в дальнейшем посылку нам всех ваших изданий». См.: Там же. Оп. 1. Д. 328. Л. 51.

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ Там же. Д. 356. Л. 40.

¹⁰⁹ Там же. Д. 328. Л. 25, 27—28.

экспозиции, посвященной новой советской Конституции, уполномоченный ВОКС заявил, что «устройство подобной открытой выставки в Германии совершенно исключено. Было бы желательно узнать, каков характер этой выставки; если речь идет о небольшой выставке, то, может быть, ее имеет смысл показать в полпредстве на одном из приемов»¹¹⁰.

В марте 1936 г. новый уполномоченный Н.Г. Поздняков писал Л.Н. Чернявскому: «Ясно, конечно, что при существующей обстановке в Германии систематически и хорошо поставленная воксовская работа невозможна». В ответ он получил следующее указание: «Перед ВОКСом стоит сейчас огромная задача по изучению культурной и политической жизни Германии»¹¹¹. Теперь отчеты уполномоченного Общества из Берлина превратились в информационные бюллетени о разных событиях из немецкой культурной жизни, преимущественно связанных с процессом нацификации.

Итог был подведен в отчете за первое полугодие 1937 г. 2-го Западного отдела ВОКС — в сферу его компетенции входила Германия: в этой стране работа не проводилась¹¹². В таких условиях на первый план вышло налаживание культурных связей с многочисленными эмигрантами-антифашистами.

В докладной записке на имя Сталина председатель ВОКС Аросев в марте 1935 г. подчеркивал: «Мы, осуществляя за границей пропаганду достижений советской культуры, вынуждены считаться со следующими двумя развивающимися положениями: во-первых, с резким количественным и особенно качественным ростом интереса к нам со стороны зарубежной интеллигенции; во-вторых, с усилением, особенно за последнее время, так называемой международной культурной экспансии со стороны, в первую очередь, наиболее реакционных государств (Япония, Германия, Польша) <...> Несомненно, что баланс сил в основном все более решительно складывается в нашу пользу. Это характеризуется хотя бы тем фактом, что в антивоенном и антифашистском движении все активнее участвуют возрастающие, все более влиятельные группы интеллигенции. Об этом свидетельствуют многочисленные признания авторитетнейших ученых Европы и Америки того положения, что Советский Союз становится подлинным центром мировой культуры и науки»¹¹³.

¹¹⁰ Там же. Оп. 19. Д. 327. Л. 32.

¹¹¹ Там же. Оп. 1-а. Д. 300. Л. 3.

¹¹² Там же. Оп. 1. Д. 356. Л. 78.

¹¹³ Там же. Оп. 1-а. Д. 276. Л. 72—73.

Действительно, поляризация в настроениях европейской интеллигенции становилась все более заметной, антифашистские настроения росли, и это во многом определило дальнейшее развитие советской культурной дипломатии.

* * *

В связи с этим показательна деятельность советско-германского общества «Культура и техника», созданного еще в марте 1924 г. по инициативе Наркомпроса, а с германской стороны — А. Эйнштейна и Союза немецких инженеров¹¹⁴. Эйнштейн выступил тогда с докладом, в котором предложил через это общество распространять научно-технические новшества в Советской России и знакомить немцев с ее успехами, достигнутыми в процессе восстановления народного хозяйства и развития науки и производства. Эти задачи впоследствии и стали основными направлениями деятельности «Культуры и техники». С советской стороны его возглавил член коллегии НКВД Б.С. Стомоняков. Эйнштейна избрали почетным председателем. Но в секретных документах правления его функционеры откровенно признавали, что «данное общество формально является смешанным советско-германским обществом и ставит своей официальной задачей сотрудничество СССР и Германии в научно-технической области. Однако фактически общество является советской организацией, восполняющей функцию использования по общественной линии достижения германской науки, техники в интересах нашего социалистического строительства»¹¹⁵.

Наиболее активно «Культура и техника» работала в 1929—1932 гг. Проводились различные мероприятия, издавалось несколько специальных журналов, в том числе — «Русско-германский вестник науки и техники». Издательство общества распространяло подписку в кредит. Как утверждалось в записке руководства этого издательства, «последнее совершенно сознательно шло на это в целях широкого развития тиража журналов, чтобы морально окупить расход валюты на закупку материалов у германских ученых и специалистов. Издательство считает, что директива партии о широком внедрении в нашу сопромышленность достижений иностранной техники должна быть выполнена издательством путем значительного увеличения тиражей своих журналов, порой даже с учетом некоторого недобо-

¹¹⁴ Союз немецких инженеров (VDI) был создан в 1855 г.

¹¹⁵ ГА РФ. Ф. 5006. Оп. 1. Д. 155. Л. 1.

ра запроектированных по подписке средств. Это с одной стороны. С другой стороны, такая система работы вызывает общий подъем распространения журналов. Не случайно органы Книгоцентра¹¹⁶ дали по “Вестнику” только 2 тыс. подписчиков, а издательство — 18 тыс., а по журналу “Техника”¹¹⁷ Книгоцентр — 3 тыс., в то время как издательство завербовало свыше 45 тыс. подписчиков¹¹⁸.

Представитель общества «Культура и техника» в Берлине А.А. Третлер помимо помощи командированным из СССР специалистам при посещении предприятий и институтов Германии, получения консультаций у ведущих специалистов занимался также размещением публикаций в немецких журналах, выявлением соотрудников для работы, распространением информации о Стране Советов. По его рекомендации туда приглашались немецкие инженеры и ученые, в том числе — за счет советской стороны.

Например, приглашенный на Менделеевский съезд¹¹⁹ профессор Хесс просил оплатить расходы (помимо собственных) на поездку и пребывание в СССР его жены. «Просим Вас иметь в виду, что проф. Хесс чрезвычайно внимательно и сочувственно относится к Советскому Союзу и что удовлетворение его просьбы представляется весьма желательным», — писал Третлер из Берлина¹²⁰.

О значении общества «Культура и техника» достаточно открыто было сказано в секретной справке, подготовленной для заседания правления: «С какой бы капиталистической страной нам ни приходилось иметь дело, мы всегда встречаемся с враждебным отношением некоторых групп ученых этой страны, придерживающихся реакционно-капиталистической ориентации к Советскому Союзу. Если непосредственно обращаться к ним по линии наших государственных учреждений, всегда имеется риск отказа дать нам нужную справку, консультацию или оказать нам како-

¹¹⁶ Постановлением СНК РСФСР от 8 августа 1930 г. был создано Объединение государственных книжно-журнальных издательств РСФСР (ОГИЗ). В его состав входил Книгоцентр, преобразованный в 1931 г. в Книготорговое объединение государственных издательств, на который возлагалась организация сбыта книжной продукции.

¹¹⁷ Имеется в виду журнал «Техника коллективному промысловому хозяйству», издававшийся обществом.

¹¹⁸ ГА РФ. Ф. 5006. Оп. 1. Д. 92. Л. 4.

¹¹⁹ VII Менделеевский съезд, посвященный 100-летию со дня рождения Д.И. Менделеева, проходил 10—13 сентября 1934 г. в Ленинграде и Москве. В работе съезда приняли участие 274 советских делегата и 28 иностранных ученых из 13 стран.

¹²⁰ ГА РФ. Ф. 5006. Оп. 1. Д. 96. Л. 36.

ю-либо иную услугу научно-технического характера. Если мы не получили отказа, то в лучшем случае мы встречаем лишь сугубо формальное отношение, либо стремление за нужный нам ответ сорвать с нас возможно больше средств и дать нам возможно меньше. Другой результат получается, если воздействовать на ученых по общественной линии через других ученых данной страны (а такие есть в каждой крупной стране), которые понимают всю важность и выгодность для их страны и науки научно-технического сотрудничества с СССР и находящихся или стремящихся войти с нами в ту или иную форму общественной связи»¹²¹. И далее приводились примеры экономии валюты, которую в ином случае пришлось бы платить за консультации немецких специалистов, полученные при посредстве «Культуры и техники» «на общественных началах».

После прихода к власти нацистов это общество вначале продолжало работу в прежнем режиме. Представитель его даже с удовлетворением отмечал тот факт, что при новой власти различные вопросы решались намного быстрее. Он писал: «Считаю нужным отметить этот факт уже потому, что несмотря на введенные нынешним правительством более строгие правила на этот счет, я получил разрешение министерства иностранных дел уже на третий день после подачи соответствующего заявления ФДИ [общества «Культура и техника»]. При прежнем режиме во всех таких случаях, где требовалось разрешение министерства иностранных дел, нужно было действовать через полпредство, которое писало соответствующую ноту в министерство и получало ответ нормально 3—4 недели спустя»¹²².

Тем не менее ситуация в Германии постоянно осложнялась. Большинство немецких специалистов, сотрудничавших с «Культурой и техникой», было вынуждено эмигрировать; оставшимся запрещались любые контакты с Советской страной. В этой обстановке его деятельность стала утрачивать практическую ценность, и в марте 1937 г. оно было закрыто по решению советской стороны. Берлинское представительство ликвидировали еще раньше, в декабре 1936 г.

* * *

Одной из характерных черт советской культурной дипломатии 1930-х гг. являлась острая конкуренция между ВОКС и «Интуристом» (акционерным обществом, созданным в 1929 г.) — эти учреж-

---

¹²¹ Там же. Д. 155. Л. 1.

¹²² Там же. Д. 166. Л. 1.

дения претендовали на монополию по культурному обслуживанию иностранцев.

Так, в июне 1935 г. Аросев писал Сталину о «провале» фестиваля искусств, организованного в Ленинграде «Интуристом». В качестве меры, «которая могла бы радикальным образом упорядочить работу с иностранцами», Аросев предлагал осуществить слияние ВОКС с «Интуристом» таким образом, чтобы последний занимался лишь коммерческой стороной деятельности Общества¹²³.

Еще в плане работы ВОКС на 1929—1930 гг. необходимость подобной монополии мотивировалась следующим образом: «Во всех областях, в которых соприкасается социалистическое государство с капиталистическим миром, оно выработало особые формы взаимоотношения с ним». Документ разъяснял, что речь шла о монополии внешней торговли и централизованном характере дипломатических отношений. По аналогии и в области культурных связей был необходим такой же подход, при этом именно «Всесоюзное Общество культурных связей с заграницей должно явиться призмой, отражающей за границей те области культурной жизни народов Союза, которые нам полезно показывать под углом наших политических задач <...> Ввиду невозможности допустить бесконтрольное проникновение из-за границы спорных или чуждых культурных течений, таким фильтрующим и контролирующим органом должен являться ВОКС»¹²⁴.

Однако важно отметить, что на самостоятельную роль «Интернационала для интеллигенции» функционеры Общества 1930-х гг. уже не претендовали¹²⁵. Подразумевалась лишь координация деятельности по развитию связей с Западом таких организаций, как «Интурист», «Международная книга», Иностранная комиссия Союза советских писателей СССР, Академия наук и др. под общим руководством Наркомата иностранных дел.

В докладной записке на имя Сталина Аросев предлагал существенно укрепить правление ВОКС за счет видных деятелей науки и культуры. Он подчеркивал, что при этом условии могла значительно повыситься организаторская роль Общества. В таком случае оно в большей мере смогло бы, «по заданиям ЦК партии, содействовать в деле учета и координации тех культурных связей с заграницей, которые осуществ-

¹²³ Там же. Ф. 5283. Оп. 1-а. Д. 276. Л. 136.

¹²⁴ Там же. Оп. 1. Д. 100. Л. 119.

¹²⁵ Подробнее об этом см.: Голубев А.В. Становление советской культурной дипломатии (1917—1929 гг.) // Проблемы российской истории. Вып. 9. М.; Магнитогорск, 2009. С. 133—135.

вляются и будут осуществляться непосредственно, помимо ВОКСа, рядом наших организаций, учреждений и отдельных лиц». Также Аросев считал, что Общество, «будучи специальной организацией, располагающей опытом широких заграничных связей», может и должно «стать (на основе теснейшего контакта с органами Наркомвнудела, а через его посредство и с органами Наркомата обороны) инструментом политической проверки, по возможности, всех русел, по которым протекают культурные связи СССР и заграницы»¹²⁶.

Как правило, решение даже относительно частных вопросов, возникавших в повседневной деятельности ВОКС, требовало санкции НКВД. В апреле 1935 г. Аросев издал специальное распоряжение, в соответствии с которым копии всех важнейших писем, полученных или отправленных Обществом, направлялись в Наркомат иностранных дел¹²⁷. Подобная практика действовала и в отношении отчетов сотрудников ВОКС по поводу обслуживания иностранцев, посещавших СССР.

Конечно, главным органом, контролировавшим и направлявшим советскую культурную дипломатию, оставались ЦК ВКП (б), его отделы и в качестве конечной «инстанции» (как принято было именовать его в служебной переписке тех лет) Политбюро. Именно оно, например, своим решением от 10 декабря 1935 г. ликвидировало Международное объединение революционных писателей и одновременно разрешило Союзу советских писателей СССР приглашать ежегодно 10—12 иностранных литераторов для ознакомления с нашей страной. Причем «Интурист» должен был взять на себя их обслуживание и оплачивать проезд¹²⁸. Вопрос о приезде того или иного видного деятеля культуры, как правило, требовал отдельной санкции Политбюро¹²⁹.

В марте 1936 г. высший партийный орган принял постановление «О мерах, ограждающих СССР от проникновения шпионских, террористических и диверсионных элементов». Один из пунктов этого документа гласил: «Запретить ВОКСу (т. Аросеву) приглашение в СССР из-за границы отдельных лиц и делегаций без санкции ЦК ВКП (б)»¹³⁰.

¹²⁶ ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 1-а. Д. 276. Л. 76.

¹²⁷ Там же. Оп. 1. Д. 330. Л. 62.

¹²⁸ Власть и художественная интеллигенция... С. 279.

¹²⁹ Примеры этому см.: Куликова Г.Б. Указ. соч.

¹³⁰ Лубянка. Сталин и ВЧК—ГПУ—ОГПУ—НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Январь 1922 — декабрь 1936. М., 2003. С. 740.

Наркомат иностранных дел стремился максимально использовать средства культурной дипломатии для установления связей прежде всего с ближайшими соседями, главным образом — со странами Прибалтики (в их число обычно включалась и Финляндия), хотя в целом в процессе культурного обмена на первый план выходили двусторонние контакты с крупнейшими европейскими державами — Францией, Германией (до 1933 г.), Великобританией, а также США.

Например, в 1933—1934 гг., когда потребовалось активизировать политический диалог со странами Прибалтики, Политбюро приняло предложенную НКВД программу действий в политической и экономической областях (речь шла о приглашении в СССР видных политиков и военных этих стран и о размещении там советских заказов). Одновременно была предусмотрена и развернутая программа «мероприятий по общественно-культурной линии». Планировали организовать гастроли, выставки, научный обмен, приезд в СССР групп деятелей культуры, журналистов и т.д. При этом Секретариату ЦК предлагалось «разрешать такие вопросы в ускоренном порядке при условии отсутствия для нас валютных расходов и отсутствия персональных возражений против отдельных поездок»¹³¹.

В 1930-е гг. расширение политических и экономических связей СССР со странами Запада сопровождалось возвращением к практике и методам традиционной дипломатии, что в некоторой степени вело к ограничению роли ВОКС и подобных ему организаций. По крайней мере, на Западе эта тенденция была подмечена активистами Обществ дружбы и культурной связи с СССР. Советская сторона попыталась развеять подобные впечатления. Так, уполномоченный ВОКС в Великобритании С.И. Виноградов на обеде для членов Исполкома ОКС, устроенном в июне 1936 г., заявил: «Если некоторые из вас думают, что московский ВОКС потерял смысл своего существования и что теперь, когда престиж Советского Союза так вырос на международной сцене, он превратился в некое излишество, то позвольте заметить, вы глубоко ошибаетесь; такие идеи совершенно лишены оснований, и все подобные сомнения должны быть отброшены»¹³². Эту позицию Виноградова подтвердил и Аросев, писавший примерно в то же время советскому полпреду в Великобритании Майскому: «Мы здесь считаем,

¹³¹ Политбюро ЦК РКП (б)-ВКП (б) и Европа. Решения «особой папки». 1923—1939. М., 2001. С. 308—309.

¹³² ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 3. Д. 740. Л. 55.

что ставить вопрос о ликвидации Общества (культурных связей с СССР. — *Авт.*) совершенно не своевременно. Общество может иметь широкое поле деятельности, ибо вопрос завоевания на нашу сторону английской интеллигенции еще далеко не решен»¹³³.

Впрочем, беспокойство членов Обществ культурных связей с СССР не было лишено оснований. ВОКС действительно стремился переориентировать свою деятельность, хотя и не столь радикальным образом. Еще в октябре 1934 г. состоялся разговор только что назначенного председателя ВОКС Аросева с Майским. Советский полпред отметил, что отношение к СССР на Западе и, в частности, в Англии, заметно улучшилось, и есть все условия для расширения культурных связей, причем в первую очередь через полпредство. Майский предложил целую программу действий: провести в Англии советскую кинонеделю и, в перспективе, организовать съемки совместного с британцами кинофильма; обменяться гастрольями крупнейших советских английских театров соответственно в Лондоне и Москве; направить в Англию команду советских футболистов и др., однако большая часть его предложений так и не была осуществлена. Важнее другое: Майский определенно заявил, что на данном этапе ОКС «уже не соответствует растущей возможности культурной связи между двумя странами. Общество слишком левое, его можно охарактеризовать как Общество левой интеллигенции. Видные деятели в Общество не пойдут. Почетные вице-президенты Общества, среди которых имеются очень видные лица, в Обществе только номинально и, собственно говоря, совсем с ним не связаны. Реформировать Общество очень трудно, так как оно имеет определенное лицо и определенную репутацию, и выкидывать одних лиц, заменяя другими, невозможно. Разрушать Общество тоже нельзя, потому что оно все же ведет и имеет большое значение для работы среди кругов левой интеллигенции. Может быть, нужно будет подумать об организации еще одного органа культурного сближения»¹³⁴. Забегая вперед, отметим, что никаких новых организаций создать не удалось; впрочем, и серьезных попыток в этом направлении, по крайней мере, в Англии, советская дипломатия в те годы не предпринимала.

Конечно, подобные предложения приходили и в ВОКС, и в Наркомат иностранных дел не только из Англии; речь может идти

---

¹³³ Там же. Л. 44.

¹³⁴ Там же. Оп. 2. Д. 311. Л. 72 об.

об общей тенденции в советской культурной дипломатии. В ноябре 1935 г. на заседании актива ВОКС было сказано, что его аудитория — это «правый центр», «люди, достигшие определенного уровня»¹³⁵. О том же писал Аросев Майскому летом 1936 г.: «Центр тяжести, как нам кажется, должен быть перенесен в верхние слои средней буржуазии, и особенно в сторону углубления работы среди интеллектуальной — художественной и научной — элиты»¹³⁶.

В результате к концу 1930-х гг. переориентация Всесоюзного общества культурной связи с заграницей была завершена. В мае 1939 г., отвечая на запрос заместителя заведующего отделом агитации и пропаганды ЦК ВКП (б) Г.Ф. Александрова, временно исполняющий обязанности председателя ВОКС В.Ф. Смирнов направил ему докладную записку. Характеризуя основные направления деятельности Общества, Смирнов подчеркнул, что его работа «проводится, главным образом, среди интеллигенции и только в отдельных случаях ВОКС имеет непосредственную связь с обществами друзей Советского Союза, т.е. обществами радикального типа, обществами рабочими»¹³⁷. В начале 1930-х гг. важными проводниками советского культурного влияния по-прежнему являлись международные организации левого толка: Международное объединение революционных писателей (МОРП, в 1925—1930 гг. — Международное бюро революционной литературы), Международное бюро революционных художников, Международное рабочее театральное объединение и др. Однако к середине 1930-х гг. стало ясно, что «классовый подход» и стремление ориентироваться исключительно на левую интеллигенцию снижали эффективность культурной дипломатии.

В сентябре 1934 г. И.Г. Эренбург сообщал И.В. Сталину о том, что на прошедшем I-м съезде советских писателей практически отсутствовали крупные представители литературы Запада. По его мнению, в этом был виноват МОРП, руководители которого «оторвались, живя в СССР, от жизни Запада. А перемены большие в толще западной интеллигенции после фашистского наступления». Эренбург высказался за роспуск или коренную реорганизацию МОРП, превращение его в широкую антифашистскую организацию. «Такая организация за редкими исключениями объединит всех крупных и непродажных писателей», — утверждал он. В чис-

¹³⁵ Цит. по: Голубев А.В., Невежин В.А. Указ. соч. С. 339.

¹³⁶ ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 3. Д. 740. Л. 44—45.

¹³⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 3. Л. 83.

ле прочих в эту организацию, подчеркивал Эренбург, вошли бы такие крупные мастера, как Р. Роллан, А. Жид, А. Барбюс, Л. Арагон, Т. и Г. Манны, Л. Фейхтвангер, Т. Драйзер, Д. Дос Пассос и др. По мнению Эренбурга, «политическая программа такой организации должна быть широкой и в то же время точной: 1. Борьба с фашизмом. 2. Активная защита СССР». И, наконец, стоит привести последнюю фразу этого интереснейшего письма: «Мне кажется, что и помимо нашей литературной области такая организация теперь будет иметь общеполитическое боевое значение»¹³⁸.

И.В. Сталин, отдыхавший тогда в Гаграх, ознакомившись с этим письмом, почти сразу же, 23 сентября 1934 г., направил секретарю ЦК ВКП (б) Л.М. Кагановичу записку следующего содержания: «Прочтите письмо т. Эренбурга. Он прав. Надо ликвидировать традиции РАПП в МОРПе. Это необходимо. Возьмитесь за это дело вместе со Ждановым. Хорошо бы расширить рамки МОРП: а) борьба с фашизмом, б) активная защита СССР и поставить во главе МОРПа т. Эренбурга. Это большое дело. Обратите на это внимание»¹³⁹. Важно отметить, что Сталин практически дословно повторил то, что писал Эренбург о программе реорганизованного МОРП. Однако ни Эренбург, ни Сталин не упомянули о такой, казалось бы, естественной для организации *революционных писателей* цели, как *мировая революция*.

Приглашенные в ЦК ВКП (б) представители руководства МОРП тут же признали свои ошибки и подготовили постановление об элементах «рапповщины» в деятельности своей организации, о необходимости ее ликвидации и созыве международной конференции писателей. Ликвидация, впрочем, состоялась уже после Парижского конгресса писателей в защиту культуры.

Своим постановлением от 10 декабря 1935 г. Политбюро ЦК ВКП (б) запретило деятельность находившегося в Москве Международного объединения революционных писателей и его секций, «за исключением тех стран, где они являются самостоятельными, жизнеспособными организациями (Франция, США)»¹⁴⁰. Важно подчеркнуть, что секции МОРП существовали более чем в 20 странах, но, очевидно, за исключением двух государств, особо отмеченных в постановлении, не были ни самостоятельными, ни жизнеспособными.

¹³⁸ Сталин и Каганович. Переписка. 1931—1936 гг. М., 2001. С. 718—719.

¹³⁹ Там же. С. 493.

¹⁴⁰ Власть и художественная интеллигенция... С. 279.

На рубеже 1920—1930-х гг. произошли изменения не только в культурной дипломатии СССР, но и отношении Запада к СССР, что было связано с целым рядом факторов.

Как подчеркивал Э. Карр, начиная с середины 1920-х гг. «рабочие в западных странах больше не были революционными рабочими; они боролись за то, чтобы улучшить свое положение внутри капиталистической системы, а не за то, чтобы сломать ее. “Народные фронты” тридцатых годов были в преобладающей мере делом либералов и интеллектуалов»¹⁴¹. Сталинский «великий перелом», как ни странно, вызвал скорее позитивные, чем негативные отклики на Западе. Теория «социализма в одной стране» воспринималась как неизмеримо меньшее зло в сравнении с теорией «мировой революции». Коллективизацию расценивали как жесткую, но в целом удачную и даже необходимую меру. Все, побывавшие в СССР, отмечали повышение жизненного уровня его населения. Вызывали уважение и пятилетние планы Страны Советов. Наконец, по крайней мере, до 1937 г. на Западе существовала и даже усиливалась иллюзия о прекращении в СССР «революционных эксцессов» и о росте демократии. Определенную роль в закреплении этой иллюзии сыграла «сталинская конституция» 1936 г. Даже значительная часть консервативно настроенных политиков и общественных деятелей приветствовала стабилизацию жизни в России. Так, видный славист Б. Пэрс, неоднократно бывавший в России до 1917 г., после поездки в СССР в 1935 г. заявил, что сталинский «переход к практической работе» дал хорошие результаты, а коммунизм — лишь поверхностное явление советской жизни¹⁴². «Это было то время, когда Остин Чемберлен считал Сталина вполне приемлемым, потому что тот был озабочен построением социализма в собственной стране, в отличие от более зловредных для Запада Троцкого и Зиновьева, думавших о том, как разжечь мировую революцию», — писал Карр¹⁴³.

Молодой член парламента Г. Макмиллан, впоследствии премьер-министр Великобритании, побывавший в СССР в 1932 г., в своих мемуарах вспоминал: «В то время как капиталистический мир, казалось многим наблюдателям, находился в упадке, если не в смертельной агонии, большевики заметно консолидировали свою власть и стабильность <...>. К 1932 г. многие британцы начинали интересоваться, не является ли, после всего, режим, который уста-

¹⁴¹ Карр Э. Революция в России и Запад // Свободная мысль. 1991. № 16. С. 22.

¹⁴² ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 3. Д. 728. Л. 15.

¹⁴³ Карр Э. Указ. соч. С. 23.

новился на значительной части мировой территории, заслуживающим внимательного и по возможности объективного изучения»¹⁴⁴.

Заведующий отделом печати Наркоминдел И.(Ж.)Л. Аренс записал свою беседу с заведующим Восточным отделом «Банк оф Ингланд» Хобардом 6 октября 1930 г.: «Хобард получил негласное поручение от “Банк оф Ингланд” выяснить экономическое положение СССР. Он говорит по-русски и бывал в России в дореволюционное время. Все свое путешествие они проделали вполне самостоятельно, т.е. без всяких гидов и лишь при содействии местных отделений “Интуриста”. Впечатление Хобарда можно резюмировать следующим образом. Он поражен размахом строительства. Всюду он находил большой энтузиазм и большие успехи. Он считает, что пятилетка в основном будет выполнена <...> Предоставление кредитов советской промышленности Хобард считает вполне здоровым предложением с финансовой точки зрения и собирается в этом духе высказываться после своего приезда в Лондон»¹⁴⁵.

Конечно, подобные результаты культурной дипломатии можно было только приветствовать. Но если размах советского строительства производил такое впечатление на людей, не замеченных ранее в симпатиях к СССР, тем более это относится к тем, кто и раньше ему сочувствовал. Г. Уэллс, вернувшись из второй поездки в Советскую Россию в 1934 г., рассказывал: «По сравнению с тем, что я видел в 1920 году, две вещи поразили меня больше всего. Первая — несомненный материальный прогресс <...> Однако есть и другая вещь, которая поразила меня в Москве: изменение духа людей по сравнению с 1920 годом. Люди стали как будто более земными, практичными, деловыми; я сказал бы, в них появилось что-то “американское” <...> Тогда была голая земля, а люди горели на ней ярким пламенем, — сейчас земля застроена, а люди на ней трудятся, работают, думают о будущем, но не горят»¹⁴⁶.

Изменения в настроениях западной общественности активно эксплуатировались советской стороной. Когда в 1930 г. в связи с «процессом Промпартии» на Западе в очередной раз заговорили о репрессиях в Советском Союзе, Международное бюро революционной литературы разослало специальную анкету, отвечая на которую видные западные литераторы должны были определить свои позиции в возможном конфликте. Большинство опрошенных, в том чис-

¹⁴⁴ Цит. по: *Keeble C. Britain & the Soviet Union. 1917—1989. L., 1990. P. 118.*

¹⁴⁵ ДВП СССР. Т. XIII. М., 1967. С. 547—548.

¹⁴⁶ *Майский И.М. Б. Шоу и другие... С. 78—79.*

ле М. Андерсен-Нексе, Т. Драйзер, А. Зегерс, Р. Роллан, Э. Синклер, Б. Шоу и др. заявили о своей поддержке СССР. В августе 1932 г. в Амстердаме состоялся международный антивоенный конгресс, в котором приняли участие А. Барбюс, М. Горький и Р. Роллан, призвавший «защитить Советский Союз против всех угроз со стороны объединенных империалистов»¹⁴⁷.

Надо сказать, что обострение международной ситуации в конце 1920-х гг. вызывало определенную обеспокоенность на Западе, причем независимо от усилий советской дипломатии. Однако культурная дипломатия Страны Советов, как уже отмечалось, относилась к западным инициативам в этом направлении весьма скептически. Советский полпред Г.Я. Сокольников в феврале 1930 г. записал очень любопытную беседу с Д. Ллойд Джорджем: «Ллойд Джордж считает проводимую консерваторами религиозную кампанию против СССР чрезвычайно серьезной и несколько раз в разговоре обращал мое внимание на то, что было бы весьма желательно, чтобы кто-нибудь из “религиозных” людей поехал бы в СССР и мог бы дать беспристрастный отчет о существующем там положении. В особенности он рекомендовал поездку к нам известного баптиста Рашбрука, который, по его словам, относится к СССР весьма положительно <...>. Я отвел предложение Ллойд Джорджа о поездке к нам Рашбрука, указав на то, что в данный момент поездка Рашбрука была бы истолкована как своего рода контроль над нашей внутренней системой. Ллойд Джордж с этим очень быстро согласился. Я сказал, что в настоящее время, как и всегда, в СССР находится довольно значительное количество иностранных туристов, которые собственными глазами видят, что распространяемые в консервативной печати нелепые слухи совершенно не имеют никакого основания»¹⁴⁸.

В полном соответствии с позицией, высказанной Сокольниковым, все попытки пацифистских организаций ряда стран Запада завязать отношения с советской общественностью не встретили никакого отклика. Причиной послужило то, что в таких организациях видную роль играла церковь; кроме того, хотя антивоенные настроения на Западе преобладали, пацифистские организации как таковые особого влияния там не имели.

Зато в тех случаях, когда речь шла о действительно влиятельных фигурах, усилий советская дипломатия не жалела. Так, в 1930 г.

¹⁴⁷ *Иоффе А.Е.* Международные связи советской науки... С. 247—249.

¹⁴⁸ ДВП СССР. Т. XIII. С. 103—104.

полпред Советского Союза в Норвегии А.М. Коллонтай вела с М.М. Литвиновым оживленную переписку по поводу организации в СССР гастролей сына премьер-министра и министра иностранных дел Норвегии Ю.Л. Мувинкеля.

В январе 1930 г. норвежский дипломат обратился к ней со следующим «личным» делом: его сын, довольно популярный композитор и дирижер оркестра, был приглашен дирижировать симфоническим оркестром в Финляндии. В связи с этим Мувинкель просил «навести справки, не предвидится ли возможности для его сына дать несколько концертов в Союзе (в качестве дирижера оркестра)». Литвинов тут же ответил согласием. В следующем письме Коллонтай продолжила эту тему: «Я уже договорилась с Мувинкелем-сыном об условиях, валютном вопросе и т.д. и информировала ВОКС и СОФИЛ (а/о “Советская филармония”. — *Авт.*), следует возможно скорее послать приглашение на концерты осенью (скандинавская музыка) Мувинкелю-сыну. Важен факт приглашения <...> Приглашением сына на дирижерство концертами в Москву Мувинкель остался весьма доволен и даже заявил, что если обстоятельства позволят, он сам охотно приедет осенью в Москву <...> Мувинкель благодарил меня за устройство концертов в Союзе для его сына-дирижера и выражал надежду, что его сын найдет контакт с союзным музыкальным миром. Я переписываюсь по этому поводу с ВОКС и СОФИЛ»¹⁴⁹. Для этой переписки характерны как настойчивость, с которой советский полпред вновь и вновь возвращалась к частному, казалось бы, вопросу, так и внимание, уделявшееся ему руководством НКВД.

На первую половину 1930-х гг. приходится, пожалуй, пик интереса к СССР на Западе. «Россия пользовалась кратковременной популярностью, — писал английский историк Ч. Моват. — Она была открыта для гостей, которых опекал “Интурист”, ее посещали и затем описывали великие — Бернард Шоу, лорд Лотиан, леди Астор, Вебб»¹⁵⁰.

Если в 1929 г. СССР посетило около 1 тыс. туристов, то в 1932 г. — свыше 10 тыс., в основном представителей делового мира и студентов¹⁵¹. Только в Британии в 1933 г. вышло 12 исследований о Советской России. Особенно привлекали внимание на Западе ее система социального страхования и плановая экономика.

¹⁴⁹ Там же. С. 13, 30, 135, 172, 269.

¹⁵⁰ *Mowat Ch. Britain between the Wars. 1918—1940. L., 1956. P. 462.*

¹⁵¹ Всего в 1920—1930-е гг. СССР посетило около 100 тыс. иностранных туристов, т.е. примерно 5 тыс. человек в год. См.: *Лельчук В.С., Пивовар Е.И. Указ. соч. С. 75.*

Большинство иностранцев, посетивших СССР, отзывались об увиденном доброжелательно. В этом определенную роль играли усилия, затраченные учреждениями, подобными ВОКС, на организацию таких поездок. Не случайно Б. Шоу, посетивший СССР в 1931 г., проехал по многим колхозам и не заметил никаких следов голода. Этому вояжу английского писателя вообще придавалось большое значение: в его организации участвовали Наркомат иностранных дел, Ученый комитет при ЦИК СССР, Объединенное государственное издательство и др. Заранее планировались встречи с известными писателями и учеными, молодежью, артистами, политическими деятелями и представителями прессы. Это расписание после утверждения директивными органами становилось законом.

В результате поездки по СССР Б. Шоу и его спутников — лорда Ф.Г.К. Лотиана и супругов лорда У. Астора и леди Н. Астор — оказалась одной из удач советской культурной дипломатии. Порой парадоксальные, иногда даже сомнительные с точки зрения советского официоза, высказывания Шоу и в ходе, и по окончании визита (он, в частности, выражал удивление тем, что в Советском Союзе пропагандируются и прославляются террористы-народовольцы — а если кто-то пожелает по их примеру организовать покушение на Сталина?) оказались тем не менее весьма благоприятными для СССР. Следует отметить, что в данном случае английские гости были вполне искренни. Сохранилось свидетельство П.Л. Капицы, случайно оказавшегося попутчиком Шоу и других во время их возвращения из нашей страны. Они, писал Капица в частном письме, делились впечатлениями от путешествия, причем говорили примерно то же самое, что потом появилось в газетах. Капица привел следующий диалог с Н. Астор: «Как же это возможно, леди Астор, что вы, будучи таким закоренелым консерватором, так восторженно описываете Россию? — Я не могу отрицать правды, хотя, по всей вероятности, это будет мне стоить моего места в парламенте». И тут же Капица отметил, что «в особенности ей понравилась забота о детях, и с еще большим одобрением она говорила о женском законодательстве и о положении женщины в СССР»¹⁵². Позднее Астор, рассказывая о своей встрече со Сталиным, утверждала даже, что убедила собеседника в том, что Англия придет к коммунизму раньше России¹⁵³.

¹⁵² Публикацию письма П.Л. Капицы см.: Известия. 2001. 8 сентября.

¹⁵³ Майский И.М. Воспоминания советского дипломата... С. 200.

В 1932 г. в СССР приезжали видные английские социологи, супруги Веббы. Они собрали богатый фактический материал, что позволило им в 1935 г. выпустить уже упоминавшийся выше двухтомный труд «Советский коммунизм — новая цивилизация?». Майский назвал эту книгу «большой идеологической победой Советской страны»¹⁵⁴. Действительно, Веббы (не скупясь и на критические замечания) доказывали, что коммунизм советского образца является новой цивилизацией, которая во всем мире придет на смену старой, капиталистической.

Большую часть своего материала они получили через ВОКС или через советское полпредство в Лондоне. Что же касается их неоднократных поездок по СССР, то там они видели то, что им положено было видеть. Так, в 1934 г. С. Вебб посетил два показательных колхоза и после этого объявил, что считает «гнусностью» все «легенды о голоде» в Советском Союзе¹⁵⁵.

Вообще говоря, тот факт, что голод начала 1930-х гг. был как бы «не замечен» на Западе в определенной степени (как бы цинично это ни звучало) можно отнести к успехам советской культурной дипломатии. Летом 1933 г. и летом 1935 г. на Украине побывал ведущий английский специалист по советскому сельскому хозяйству Дж. Мэйнард, автор книги, на которую ссылались и Веббы. Он также писал, что западные утверждения о страшном бедствии необоснованны¹⁵⁶. Организатором его поездки выступал Наркомат земледелия, с помощью которого Мэйнард посетил ряд колхозов и совхозов и даже прожил несколько дней в одном из советских хозяйств, находившемся около Харькова. Позднее, во время беседы с сотрудником ВОКС, он утверждал, что «система коллективизации, очевидно, удалась, хотя, конечно, многое зависит от урожая». Мэйнард добавил, что совхоз, который он посетил, получил «хорошее наследство от старого имения». Сотрудник ВОКС тут же прочел ему лекцию «о примитивности нашего сельского хозяйства до революции, о механизации сейчас, о тракторах и т.п.». Это повлекло за собой небольшую дискуссию о «свободе в области мысли и философии», после которой сотрудник Общества сделал следующий вывод: «Считаю, что с Мэйнардом стоило бы устроить беседу на общие темы философского порядка. *Им стоит позаняться* (курсив

---

¹⁵⁴ Там же. С. 205.

¹⁵⁵ «Основная цель его приезда...»... С. 138.

¹⁵⁶ *Конквест Р. Жатва скорби // Вопросы истории. 1990. № 4. С. 96.*

наш. — *Авт.*)»¹⁵⁷. За подобным выводом могло последовать либо новое приглашение в СССР, уже за счет ВОКС, либо настоятельная рекомендация ввести его в руководство ОКС¹⁵⁸.

Впрочем, дело было, конечно, не только в усилиях ВОКС, «Интуриста» или Наркомата иностранных дел. На Западе не хотели и слышать о голоде в СССР; даже среди русской эмиграции, вряд ли просоветски настроенной, эта информация почти не распространялась. В мае 1941 г. академик В.И. Вернадский записал в дневнике: «Я помню, что в 1932—1933 гг., когда я был за границей, меня поразило в заграничной эмигрантской печати малое влияние, которое в ней занимал голод [в СССР]. И близкие мне этого не сознавали. Иностранные корреспонденты в Москве указали на это много позже»¹⁵⁹.

Как правило, гости приезжали в Советский Союз с определенной установкой и, в зависимости от нее, были склонны критически, объективно или восторженно воспринимать советскую действительность. Можно привести достаточно наглядную иллюстрацию этого тезиса. В июне 1935 г. в Москве одновременно находились известные англичане — бывший член компартии, преподаватель из Оксфорда Дж. Томас и член парламента, консерватор, сэр Генри Бритон. С промежутком в два дня они посетили Центральный парк культуры и отдыха им. Горького и высказались следующим образом: «На ничего подобное у нас в стране рассчитывать нельзя» (Томас); «Обычный парк, ничем особым не отличается от других» (Бритон)¹⁶⁰.

Вместе с тем у гостеприимных хозяев порой отсутствовало понимание того, что даже самые восторженные поклонники СССР из числа иностранных посетителей отнюдь не рассматривали его опыт в качестве позитивного примера для Запада. Как отмечал один из современных российских авторов, «даже приверженцы советского эксперимента считали ценности и нормы либерального общественного устройства само собой разумеющимися. Те, кто испытывал чувство радикальной неудовлетворенности настоящим, тем не менее не выходили за рамки национальной политической культуры, отдавая приоритет демократическим ценностям»¹⁶¹.

¹⁵⁷ ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 3. Д. 602. Л. 10.

¹⁵⁸ См.: Голубев А.В., Невежин В.А. Указ. соч. С. 347.

¹⁵⁹ Вернадский В.И. «Коренные изменения неизбежны...». Дневник 1941 года // Новый мир. 1995. № 5. С. 193.

¹⁶⁰ ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 2. Д. 311. Л. 219—220.

¹⁶¹ Фадеева Л.А. Очерки истории британской интеллигенции. Пермь, 1995. С. 146.

5 сентября 1931 г. Совнарком принял постановление «О развитии иностранного туризма в СССР и об обеспечении выполнения программы по интуризму в 1932 г.». План был определен в 75—80 тыс. туристов и 30 тыс. транзитных пассажиров; предполагавшаяся прибыль — не менее 30 млн в валюте¹⁶².

Однако действительно широкий прием иностранцев начался с 1934—1935 гг. К нему тщательно готовились: переоборудовали отели, открывали курсы гидов-переводчиков и т.п. В 1935 г. в ВОКС создали специальный отдел для обслуживания зарубежных гостей — он должен был подбирать объекты демонстрирования, «могушие дать правильное представление иностранцам о подлинном содержании и объеме победоносного строительства в СССР во всех важнейших областях»¹⁶³. В свою очередь «Интурист» в декабре 1936 г. обратился в Наркомат земледелия с просьбой определить список колхозов, расположенных близ крупных городов и разрешенных для соответствующего показа, так как «посещающие СССР иностранные туристы проявляют огромный интерес к нашим успехам в деле коллективизации сельского хозяйства». В ответном письме заместитель наркома земледелия порекомендовал согласовывать такие посещения с местными организациями¹⁶⁴.

Понятие «технология гостеприимства» ввел американский исследователь П. Холландер. Высоко оценивая опыт СССР в этой области, он писал: «Используемая в таком масштабе технология гостеприимства, включающая визиты в образцовые тюрьмы, была чем-то исторически новым. Высоко организованные усилия советского режима произвести впечатление на иностранцев являлись подлинным нововведением, реализуемым огромным пропагандистским аппаратом и его дотошным вниманием к деталям — предприятие одновременно неизвестное и недоступное пониманию для большинства представителей Запада»¹⁶⁵.

По мнению Холландера, в СССР (а позднее и в других странах) использовались следующие способы «обработки иностранцев»: высокий уровень их обслуживания (проживание, питание, транспорт); стремление подчеркнуть их значимость (демонстрация зна-

¹⁶² Советское руководство. Переписка... С. 159.

¹⁶³ ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 1. Д. 353. Л. 32.

¹⁶⁴ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 7486. Оп. 1. Д. 1377. Л. 81—82.

¹⁶⁵ *Hollander P. Political Pilgrims. Travels of Western Intellectuals to the Soviet Union, China & Cuba. 1928—1978. N.Y., 1981. P. 153.*

комства с творчеством данного гостя, торжественные встречи, беседы с лидерами страны и т.д.); изоляция от повседневной жизни и общения с гражданами СССР; подбор специальных маршрутов и объектов показа при жестком расписании времени; наконец, создание «инсценировок», в том числе подготовка «групп населения» или даже специальный завоз продуктов в магазины или столовые¹⁶⁶. «Разумеется, любое общество предпочитает показывать иностранцам свои лучшие стороны (как и отдельные хозяева своим гостям), но стремление и решимость добиться этого увеличиваются одновременно с ростом тех областей и аспектов жизни, которые правительство провозглашает как относящиеся к его власти и ответственности <...> могущественные правительства этого типа также склонны рассматривать идеи и убеждения (в том числе впечатления иностранных посетителей) как важные политические ресурсы. Далее, особенности внутреннего устройства способствуют контролю над передвижениями как собственных граждан, так и гостей из-за рубежа», — подчеркивал Холландер¹⁶⁷.

Впрочем, впечатление, которое требовалось создать у иностранных гостей, часто портили весьма скромные бытовые условия, которые предоставляли им ненавязчивый советский сервис и советское снабжение. Любопытное описание своего путешествия по Каспию на советском пароходе, затем поездом из Баку в Батуми оставила английская писательница А. Кристи. Она отмечала отсутствие привычного для европейцев сервиса, полное незнание языков (немецкого, французского, английского, арабского) у обслуживающего персонала, хотя и подчеркивала вместе с этим его приветливость, доброжелательность, желание услужить. Подобное крайне ироничное отношение к советским реалиям характерно для Кристи. Она совершенно серьезно описывала свои путешествия в Турцию и Иран. Удобств и сервиса тогда было еще меньше, европейских языков там также не знали, однако это воспринималось ею как должное и не вызывало негативной реакции¹⁶⁸.

Следует подчеркнуть, что средства, которые государство могло вложить в культурную дипломатию и в 1920-е, и в 1930-е гг., были весьма и весьма ограниченными. Не случайно в 1932 г. Политбюро приняло специальное постановление «О международных конкурсах», где указывалось: «Установить, что все международные конкурсы, на-

---

¹⁶⁶ Ibid. P. 347—399.

¹⁶⁷ Ibid. P. 349.

¹⁶⁸ См.: Кристи А. Автобиография. СПб., 1997. С. 500—505.

мечаемые органами СССР и связанные с валютными платежами, могут объявляться лишь с разрешения ЦК»¹⁶⁹ (на практике же подобные вопросы, как правило, решал сам высший партийный орган).

Неудивительно, что в начале 1930-х гг. приезд иностранной делегации мог стать источником серьезных материальных (а вследствие этого и политических) проблем, позитивные же результаты были отнюдь не гарантированы. В июле 1932 г. заместитель наркома иностранных дел Н.Н. Крестинский писал полпреду в Чехословакии А.Я. Аросеву по поводу возможного приезда в СССР делегации пражского Института Масарика: «В настоящий момент для того, чтобы у делегации получилось благоприятное впечатление, нужно затратить на ее обслуживание очень много сил. Все же силы сейчас идут на организацию уборочной кампании»¹⁷⁰.

В том же 1932 г. партийное руководство не поддержало инициативу Аросева, а также писателей Р. Роллана и Зд. Нееды о создании Института советской культуры в Праге, ссылаясь на нехватку валюты, а в 1933 г. отказалось ассигновать средства на приезд делегации радикальных финских писателей. В течение ряда лет (по крайней мере, с 1928 по 1933 г.) в Политбюро рассматривался проект создания в Прибалтике печатного органа для пропаганды советских достижений, однако дело кончилось лишь финансированием издания одной из рижских газет в 1933—1936 гг.¹⁷¹

О реальных проблемах в материальном обеспечении культурной дипломатии в 1930-е гг. говорят, в частности, протоколы заседаний ленинградской комиссии содействия организации международного конгресса физиологов, проходившего в Москве и Ленинграде в августе 1935 г. Комиссию возглавлял председатель исполкома Ленсовета И.Ф. Кодацкий. Для обслуживания делегатов конгресса были использованы легковые автомобили всех учреждений города, включая гараж ГПУ, причем нередко транспорт не прибывал вовремя в распоряжение комиссии, несмотря на угрозы Ленсовета снять за это номерные знаки. Срочно приводились в порядок улицы, по которым должны были ездить делегаты, и гостиницы — места их проживания (для этого Управление дворцов Ленинграда в срочном порядке выделяло из своих запасников мебель и ковры). Но осо-

---

¹⁶⁹ Цит. по: *Кен О.Н., Рупасов А.И.* Западное приграничье: Политбюро ЦК ВКП (б) и отношения СССР с западными соседними государствами, 1928—1934. М., 2014. С. 462.

¹⁷⁰ Там же. С. 461.

¹⁷¹ Там же. С. 462.

бенно трогательно выглядит пункт о выдаче участникам конгресса (очевидно, советским) новых костюмов и нательного белья¹⁷².

Тем не менее «технология гостеприимства» постепенно совершенствовалась и развивалась. Ее высокоэффективными методами были встречи и беседы «на высшем уровне». Известно, что советские лидеры, в том числе Сталин, время от времени принимали наиболее известных и авторитетных гостей, порой удостаивая их продолжительной беседы. Так, в 1927—1934 гг. Сталин четырежды принимал А. Барбюса, в 1931 г. встречался с Б. Шоу и Э. Людвигом, в 1934 г. разговаривал с Г. Уэллсом, в 1935 г. — Р. Ролланом, в 1937 г. — Л. Фейхтвангером. Г.Б. Куликова отмечала по этому поводу: «Сталин как великий прагматик видел необходимость представить общественному мнению Запада официальную политическую доктрину Советского Союза, цели и перспективы его внутренней и внешней политики. То, что звучало непосредственно из уст Сталина, казалось особенно убедительным»¹⁷³. Не случайно практически все, с кем встречался советский вождь, в той или иной форме оставили очень благоприятные, порой восторженные впечатления от общения с ним¹⁷⁴. А. Жид надеялся встретиться со Сталиным во время своего пребывания в Москве. Однако когда стало известно о его намерении говорить с вождем о преследованиях в СССР гомосексуалистов, встреча стала невозможной¹⁷⁵. А жаль: интересно, что бы написал об этой встрече Жид в своей книге «Возвращение из СССР» и не сместились бы несколько ее акценты?

Существовали и другие способы «закрепления» дружеских чувств видных представителей западной интеллигенции к СССР. Так, глава советской писательской делегации А.И. Безыменский писал секретарю Союза писателей А.С. Шербакову из Парижа в декабре 1935 г.: «Статьи Арагона в “Правде” не печатают, хотя два раза экстренно их заказывали. Сообщите Мехлису, что надо заказать снова и *поместить*, ибо приласкать Арагона надо **обязательно** (выделено и подчеркнуто в документе. — *Авт.*). Самоотверженность этого парня исключительная, и работа его большевистская»¹⁷⁶.

¹⁷² Центральный государственный архив Санкт-Петербурга. Ф. 1000. Оп. 71. Д. 178. Л. 8.

¹⁷³ Куликова Г.Б. Указ. соч. С. 160—161.

¹⁷⁴ Подробнее о встречах Сталина с видными представителями западной интеллигенции и их реакции на эти встречи см.: Куликова Г.Б. Указ. соч.; «Тысячи людей видят в СССР воплощение своих надежд». Запись беседы Ромена Роллана и И.В. Сталина 28 июня 1935 г. // Источник. 1996. № 1. С. 140—152.

¹⁷⁵ Фрадкин В.А. Дело Кольцова. М., 2002. С. 210.

¹⁷⁶ РГАСПИ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 515. Л. 3.

Американский писатель и социолог У. Франк, побывавший в СССР в 1932 г. и выпустивший книгу «Рассвет в России» («Down in Russia»), вспоминал о своей переписке с М.Е. Кольцовым. Франк спросил, хватит ли у него денег (полученных за публикации его книг и статей в Советском Союзе) на счету в советском банке, чтобы взять с собой сына. Кольцов ответил: «У вас достаточно рублей, чтобы приехать в Россию с сыном. У вас достаточно рублей, чтобы определить его в школу и снять виллу в Крыму. У вас достаточно рублей, чтобы поселить любовницу на вашей вилле. А если вам понадобятся еще рубли, мы всегда можем заказать вам несколько статей в «Правде»»¹⁷⁷.

Широко известны критические воспоминания о «советском гостеприимстве» А. Жида, изложенные в его знаменитой книге «Возвращение из СССР». Менее известны впечатления А. Кёстлера, примерно в то же время побывавшего в Стране Советов и на себе почувствовавшего все прелести советского «организационного овладения». В частности, в Тбилиси «были организованы обычные банкеты и встречи с политическими лидерами и представителями интеллигенции города, кого-то тут же приставили ко мне, меня познакомили с редактором местного литературного журнала и директором государственного издательства — в данном случае государственного издательства Грузинской советской республики. Редактор журнала объявил, что в течение многих лет его дорогой мечтой было опубликовать мой рассказ. Я дал ему копию рассказа, опубликованного некоторое время тому назад в Германии; в тот же день чек на две или три тысячи рублей был послан в мой отель. Директор государственного издательства попросил о праве на грузинское издание книги, которую я собираюсь написать; я подписал готовый договор и мне был послан другой чек, на три или четыре тысячи рублей (средняя заработная плата в то время была 130 рублей в месяц). Я таким образом продал тот же самый короткий рассказ в восемь или десять литературных журналов от Ленинграда до Ташкента и продал права на русское, немецкое, украинское, грузинское и армянское издание моей ненаписанной книги в обмен на выплаченные авансы, которые составили маленькое состояние». Характерно, однако, что написал об этом Кёстлер не в 1930-е, а только в 1960-е гг.¹⁷⁸

¹⁷⁷ Цит. по: *Hollander P. Op. cit. P. 176.*

¹⁷⁸ *The God that Failed. P. 50.*

Конечно, далеко не все иностранцы, прибывавшие в СССР, полностью доверялись гидам из ВОКС или переводчикам из «Интуриста». Многие, даже не зная языка, пытались тем или иным способом разобраться в реальном положении дел в стране. Комментируя пребывание в СССР английской делегации, И.И. Шитц 19 апреля 1929 г. записал в своем дневнике: «Информация у англичан, по-видимому, всесторонняя, ибо они, как утверждают, днем ходят по предприятиям, учреждениям, а вечером по знакомым. По всей вероятности, среди приезжих многие знали Москву раньше, а теперь имеют адреса по указанию зарубежных русских»¹⁷⁹. Подобная активность, конечно, моментально фиксировалась советскими организациями.

В июле 1933 г. иностранная делегация посещала Свердловскую область. Тут же в горком ВКП (б) поступила информация о том, что «в Свердловск приехала иностранная делегация, каждый из них имеет свою пишущую машинку. После осмотра достопримечательностей города, машинки имеют полную загрузку. Переводчик иностранцев, в беседе с информатором Инснаба¹⁸⁰, говорит, что иностранцы записывают каждую мелочь. Например, увидят ничего, просящего и сразу же фотографируют его и спрашивают: “А почему именно он хлеб собирает, а не спрашивает денег?” Ответы записывают»¹⁸¹.

Видный деятель лейбористской партии, бывший лорд-хранитель печати в правительстве Р. Макдональда, Т. Джонстон, будучи в Москве в 1934 г., посещал частные квартиры, где беседовал с жильцами о бюджете, питании и др., причем «в результате этих обывательских разговоров у мистера Джонстона получилось впечатление, что материальное благосостояние населения находится на довольно низком уровне», — отмечал один из сотрудников ВОКС¹⁸².

И все же довольно часто советская «технология гостеприимства» достигала желаемых результатов. Как правило, в своих опубликованных отчетах все (или почти все) иностранные делегации подчеркивали, что сами выбирали маршрут, места для посещения

¹⁷⁹ Шитц И.И. Указ. соч. С. 109. Сын Шитца в те годы работал в «Интуристе», возможно, отсюда осведомленность автора дневника о многих деталях пребывания иностранцев в СССР. Впрочем, большую часть записей Шитца — со ссылкой на «разговоры» и «слухи».

¹⁸⁰ Областное учреждение, занимавшееся снабжением иностранных специалистов.

¹⁸¹ ЦДОО СО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 107. Л. 67.

¹⁸² ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 2. Д. 311. Л. 25—26.

и т.п., однако эти «самостоятельно выбранные» объекты странным образом повторялись (скажем, для 1932 г. наиболее «популярными» оказывались завод «Шарикоподшипник» в Москве, Днепро-строй, нефтепромыслы Баку и т.д.); менялся только порядок их посещения.

Особый интерес (а нередко и восторженные отзывы) у большинства иностранных гостей вызывали системы образования и детского здравоохранения, поэтому школы, родильные дома, санатории и больницы регулярно включались в число тщательно отобранных «объектов показа». Как правило, московские школы производили хорошее впечатление на посетителей. Так, в мае 1935 г. бывший министр просвещения Великобритании сэра Ч. Тревельяна посетил школу № 25 и оставил следующую запись в книге посещений: «Это первая школа, которую я видел в СССР. Вы добились многого такого, что я очень хотел бы видеть в Англии. У нас по-прежнему в школе учатся только до 14 лет. И мы еще не ввели мудрого правила организовывать обеды для всех детей в общей столовой. Я боюсь, что если мы не поторопимся, то вы нас опередите на целое поколение». На следующий день запись, оставленная Тревельяном, была полностью опубликована в «Известиях»¹⁸³. Особое впечатление производил размах школьного строительства. В 1936 г. французская делегация попросила показать здания, построенные в 1935 г. После посещения нескольких школ усталые гости поинтересовались их общим количеством и долго не верили переводчику, объяснившему, что таких зданий насчитывалось 70 (а не 7, как несколько раз переспрашивали изумленные французы)¹⁸⁴. Можно привести и другие многочисленные позитивные отклики о жилищном строительстве, здравоохранении, советских судах и перевоспитании преступников (знаменитая колония в Болшеве стала популярнейшим для иностранцев местом посещения).

Нельзя не согласиться с замечанием Ф. Баргхорна, что имели место «эксплуатация Кремлем идеологических предрассудков и личных слабостей многих выдающихся гостей», а также «открытый обман и сокрытие реальности наряду с колоссальным невежеством гостей». Но тот же Баргхорн справедливо отмечал, что, по крайней мере, до начала «великого террора» «были черты советской жизни, на которые многие западные интеллектуалы склонны были реаги-

---

¹⁸³ Известия. 1935. 16 мая.

¹⁸⁴ Центральный муниципальный архив г. Москвы. Ф. 528. Оп. 1. Д. 1530. Л. 30.

ровать с искренним одобрением, независимым от официального гостеприимства»¹⁸⁵.

* * *

Дополнительным фактором, повлиявшим на отношение к СССР в странах Запада, стал приход к власти Гитлера в 1933 г. С этого момента занятый собственными проблемами сталинский режим стал рассматриваться как возможный противовес нацистскому. В 1930-е гг. диктаторский характер обоих режимов не вызывал особой реакции; гораздо более Запад был обеспокоен внешней политикой Гитлера, направленной на ревизию Версальской системы. В тот период, как уже отмечалось, многие либералы склонялись к поддержке авторитаризма, и с этой точки зрения сталинский СССР, проповедовавший более позитивную и «научную» идеологию, имел определенный приоритет.

Аросев, выступая с докладом на заседании Иностранной комиссии Союза советских писателей СССР в мае 1935 г. (после своей поездки в Европу), отмечал: «Общую ситуацию в двух словах, по-моему, можно расценивать так; как она и расценивается западноевропейской интеллигенцией, а именно: совершенно явно оформившееся единоборство между фашизмом и социализмом. Насколько наше государство усиливается как экономически целое и как военное, настолько же старается и буржуазия, в форме фашизма, также мобилизоваться и укрепиться»¹⁸⁶.

В Москве первое время выжидали, пытаясь определить линию поведения в отношении нового германского правительства. Слишком велики были надежды на продолжение Рапалльской политики. Однако немецкая пропаганда и дипломатия принимали все более откровенно антисоветский характер. Убедившись в такой направленности политики Германии, руководство СССР решило принять адекватные меры. В декабре 1935 г. Литвинов предложил Сталину в ответ на кампанию в немецкой прессе дать директиву о начале систематической пропаганды против фашизма¹⁸⁷.

После этого антифашистская тема, каковы бы ни были подлинные чувства сталинского руководства по отношению к нацизму, надолго стала ведущей в советской пропаганде. «Это был, несомненно, очень искусный ход коммунистической пропаган-

¹⁸⁵ *Barghoorn F.C.* Op. cit. P. 36.

¹⁸⁶ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 14. Д. 3. Л. 27.

¹⁸⁷ Известия ЦК КПСС. 1990. № 2. С. 201–202.

ды — узурпировать антифашизм для коммунистического движения», — писала впоследствии М. Бубер-Нейман¹⁸⁸.

Представление о Советском Союзе как ведущей антифашистской силе утвердилось среди либеральной интеллигенции Запада. Эти, во многом обоснованные, настроения активно использовались советской стороной. Ярким примером может служить знаменитое обращение Горького к мастерам культуры и последовавшие три международных конгресса писателей в защиту культуры (Париж, 1935 г.; Лондон, 1936 г.; Мадрид, 1937 г.).

Первый конгресс был организован с целью создания широкой антифашистской организации ведущих писателей мира, в первую очередь Европы, которая должна была заменить собой МОРП. Идея созыва конгресса, возникшая по инициативе Эренбурга в советском политическом руководстве, стала активно воплощаться в жизнь с помощью уже налаженных каналов культурной дипломатии. Помимо самого Эренбурга, в этом принял активное участие Кольцов.

Формально конгрессы были инициированы западными писателями, обеспокоенными фашистской опасностью. На самом же деле они готовились с активным, хотя и тщательно скрываемым, участием советских организаций и, в значительной мере, на советские деньги. В мае 1935 г. вопрос о первом конгрессе писателей обсуждался на заседании Президиума Союза советских писателей СССР, причем подчеркивалось, что даже сам факт такой дискуссии являлся секретным. Тогда же М.Е. Кольцов писал из Парижа секретарю ССП А.С. Щербакову о том, что организаторы конгресса проявили «беспредельный и легкомысленный либерализм», утверждая, что любой писатель, независимо от его взглядов, будет иметь право взять слово на конгрессе. «После большой драки удалось несколько организовать это дело и добиться некоторой номенклатуры и контроля», — с удовлетворением подчеркнул он. И далее: «Все это мировое предприятие сидело без денег даже на почтовые марки. Дал пока 500 руб. из наших... Я раскопал в полпредстве 3 200 руб., некогда посланных Барбюсу на “Монд”, им не востребованных и ему, по-видимому, неизвестных. Пришлите разрешение воспользоваться этими деньгами для съезда, чтобы не тратить новых, может быть, обой-

---

¹⁸⁸ Бубер-Нейман М. Мировая революция и сталинский режим. Записки очевидца о деятельности Коминтерна в 1920—1930-х годах. М., 1995. С. 207.

демся»¹⁸⁹. Официально же съезд был организован на пожертвования писателей и гостей.

Позднее, в апреле 1939 г. уже арестованный Кольцов во время следствия так вспоминал о своей роли в организации конгресса: «С 1935 года мне давались поручения по организации связи советских писателей с зарубежными и по созданию широкого антифашистского фронта писателей в международном масштабе. За рубежом связями с иностранными писателями монопольно ведал И. Эренбург. Вначале я находился под его влиянием и лишь впоследствии, ознакомившись с истинным положением в литературных кругах, убедился во вредоносной линии Эренбурга и антисоветском поведении как его самого, так и окружающей его группы невозвращенцев и эмигрантов.

Весной 1935 года, приехав в Париж в период подготовки конгресса по созданию международной ассоциации писателей, я застал конфликт между его организаторами. Председательствовавший на конгрессе Андре Жид всячески демонстрировал свои восторги перед СССР и коммунизмом, однако одновременно, за кулисами, проявлял недоброжелательство и враждебность к советским делегатам и иностранным коммунистам.

Эренбург, являвшийся уполномоченным от Андре Жиды и французов, заявил от их и своего имени недовольство составом советской делегации и, в частности, отсутствием Пастернака и Бабеля. По мнению Андре Жиды и Эренбурга, только Пастернак и Бабель суть настоящие писатели, и только они по праву могут представлять в Париже русскую литературу. Дело дошло до того, что Андре Жид передал мне ультиматум: или Пастернак и Бабель будут немедленно вызваны в Париж, или он и его друзья покидают конгресс. Я передал эти требования в Москву — и вскоре Пастернак и Бабель прибыли на конгресс»¹⁹⁰.

В марте 1937 г. Политбюро ЦК ВКП (б) приняло постановление о созыве Международного антифашистского конгресса писателей в Испании, причем предполагалось «создать организационную комиссию по созыву антифашистского конгресса, составленную из строго проверенных антифашистских писателей»¹⁹¹.

К этому времени опыт СССР в области культурной дипломатии был замечен на Западе. Как уже отмечалось, начал свою дея-

¹⁸⁹ РГАСПИ. Ф. 88. Оп. 1. Д. 562. Л. 4—5. Об организации и проведении конгресса см. также: *Фрезинский Б.* Великая иллюзия — Париж, 1935...

¹⁹⁰ Цит. по: *Сопельняк Б.* Оговор // Смена // 1999. № 2. С. 124—125.

¹⁹¹ Власть и художественная интеллигенция... С. 355.

тельность Британский Совет. Однако попытка председателя ВОКС Аросева установить контакт с Британским Советом вызвала резкую отповедь НКВД, который в этом «не видел необходимости»¹⁹².

Но, пожалуй, активнее прочих действовала культурная дипломатия гитлеровского режима. И уже в середине 1930-х гг. перед советской стороной встал вопрос об обязательности учета немецкого опыта культурной пропаганды. В декабре 1936 г. советский полпред в Турции Л.М. Карахан писал К.Е. Ворошилову: «В частности, я считаю необходимым вмешаться в информационную работу, которую немцы поставили здесь блестяще, но это вопрос, который выходит за пределы Турции. Это в конечном итоге вопрос подготовки войны, и немцы это делают очень умело»¹⁹³.

В 1937 г. на собрании актива ВОКС один из членов его правления предложил изучать опыт немецкой культурной дипломатии, в частности, в области распространения нацистской литературы за рубежом. «Нечего отгораживать себя Китайской стеной и думать, что мы уже все знаем. У нас есть верный путь — изучать врага и тогда он будет пойман. А враг издает очень большое количество литературы. В смысле печати надо будет присматриваться к врагу»¹⁹⁴. Однако это предложение встретило негативную реакцию большинства, в том числе заместителя председателя ВОКС В.Ф. Смирнова, уверенного, что «никогда фашисты не обладали теми знаниями из практики в пропаганде и агитации, которыми обладала наша партия». Возмущен был и сам Аросев, который безапелляционно заявил: «Перенимать у фашистов нам нечего, учиться у них нам нечему, а изучать фашизм надо, и изучать-то его надо не для того, чтобы продолжать, а он нам должен показывать, как не надо идти по его пути»¹⁹⁵.

В конце 1937 г. Аросева арестовали и через некоторое время расстреляли. За этим последовала очередная проверка ВОКС под лозунгом борьбы с «аросевщиной», что заметно затормозило его работу.

В отличие от А. Жида, критически оценившего советскую действительность в своей книге, Р. Роллан, который побывал в СССР в 1935 г. и тоже многое увидел и понял, ограничился записями в дневнике (его он завещал не публиковать до 1985 г.). «Охраняющая

¹⁹² ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 3. Д. 749. Л. 130.

¹⁹³ Советское руководство. Переписка... С. 360.

¹⁹⁴ ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 1. Д. 357. Л. 61.

¹⁹⁵ Там же. Л. 51, 70, 71.

нацию великая коммунистическая армия со своими руководителями рискует превратиться в особый класс, — писал Роллан, — и, что всего серьезнее — в привилегированный класс»¹⁹⁶. Сложные впечатления остались и у Л. Фейхтвангера, посетившего советскую столицу в 1937 г., однако в его книге «Москва, 1937» об этом нет ни слова¹⁹⁷. Очевидно, эти писатели опасались «сыграть на руку» правым, в том числе фашистам. Эту опасность видел и Жид, тем не менее решивший, что «ошибки одной страны не могут скомпрометировать истину, которая служит общечеловеческому, интернациональному делу»¹⁹⁸.

То, о чем не решались сказать вслух Роллан и Фейхтвангер, было связано в первую очередь с «московскими процессами» и вообще репрессиями 1936—1938 гг. В этот период С. Цвейг подчеркивал сходство между террором в СССР и гитлеровской Германии¹⁹⁹. Уэллс прекратил дружеские встречи с Майским, который не смог дать ясного ответа на его вопросы. Майский вспоминал: «Такие же, а подчас и более резкие, реакции в то время можно было наблюдать среди широких кругов западной интеллигенции вообще»²⁰⁰.

Вместе с тем упреки в адрес тех западных деятелей культуры, в частности Роллана, которые якобы «не вмешивались», не всегда справедливы. В. Серж, например, цитируя свое обращение к Роллану («Вы один обладаете в СССР моральным авторитетом, который позволяет вам и обязывает вас вмешаться»), добавляет: «Ромен Роллан промолчал, и последовало тринадцать казней»²⁰¹.

На самом деле Роллан вмешивался, только делал это не публично, не без оснований полагая, что такой образ действий может быть эффективней. Он неоднократно писал Сталину, пытаясь заступиться за лично знакомых ему Н.И. Бухарина, А.Я. Аросева, доктора О. Гартоха²⁰². Ответа на свои письма Роллан не получил.

В январе 1937 г. он обратился к председателю ЦИК СССР М.И. Калинину с просьбой помиловать осужденных на «процессе

¹⁹⁶ Два взгляда из-за рубежа... С. 265.

¹⁹⁷ О его впечатлениях см.: Л. Фейхтвангер в Москве (из отчетов сотрудницы ВОКС) // Советские архивы. 1989. № 4. С. 55—63.

¹⁹⁸ Два взгляда из-за рубежа... С. 11.

¹⁹⁹ Там же. С. 32—33.

²⁰⁰ Майский И. М. Б. Шоу и другие... С. 82.

²⁰¹ Серж В. От революции к тоталитаризму: Воспоминания революционера. М., 2001. С. 408.

²⁰² «Мы, Ваши друзья, совершенно беззащитны». Пять безответных писем Ромена Роллана // Источник. 1996. № 2. С. 125—126.

17-ти», ссылаясь на неблагоприятную для СССР реакцию западного общественного мнения. Калинин собственноручно подготовил проект ответного письма, в котором подчеркнул: «Ваше беспокойство о настроении в пользу СССР мелкобуржуазных масс интеллигенции и т.п. заслуживает большого внимания и, разумеется, мы не можем к нему относиться небрежно. Но бережное отношение не значит приспособлять политику к умонастроению этих слоев населения, Вы сами понимаете, куда бы это нас завело. Да и приспособлять не к чему, ибо оно постоянно шарахается из стороны в сторону — от реакции к революции и обратно»²⁰³. К сожалению, и это ответное письмо, скорее всего, не было отправлено.

Впрочем, для заявлений, подобных тому, что содержались в послании Калинина, имелись некоторые основания. Общественное мнение Запада не склонно было придавать большого значения репрессиям в СССР: сообщения о терроре особенно сильно действовали на представителей левой и либеральной интеллигенции, которые не определяли политический курс ведущих держав.

В 1937 г. в документах ВОКС, в частности, применительно к Великобритании, появились упоминания о том, что одновременно проводятся «периодические антисоветские кампании, поднимаемые не только консервативной, но и (даже главным образом) либеральной прессой. Последняя кампания была в связи с расстрелами троцкистско-шпионских банд»²⁰⁴.

Однако не стоит преувеличивать негативное воздействие «московских процессов» даже и на либеральное общественное мнение Запада. С одной стороны, наиболее убежденные «друзья Советского Союза» принимали официальную советскую версию происшедшего и даже вслух отстаивали ее. Например, известный юрист Д.Н. Притт, в 1936 г. избранный председателем лондонского отделения ОКС, выступал с лекциями, в которых, отвечая «клеветникам», доказывал правомерность выносимых приговоров²⁰⁵. А помощь республиканской Испании вызвала новый прилив симпатий к СССР.

С другой стороны, для правых и консервативных кругов террор служил, по справедливому замечанию английского историка Дж. Хаслэма, лишь чем-то вроде алиби для их нежелания идти на

²⁰³ РГАСПИ. Ф. 78. Оп. 1. Д. 669. Бл. 20. Л. 51.

²⁰⁴ ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 3. Д. 725. Л. 38.

²⁰⁵ Там же. Оп. 1. Д. 328. Л. 36.

сближение с СССР²⁰⁶. Вместе с тем, как писал в 1936 г. Троцкий, «вся буржуазия, в том числе и белая эмиграция, в истребительном походе Сталина против большевиков-ленинцев и других революционеров видит лучший залог “нормализации” сталинского режима. Серьезная и ответственная капиталистическая печать всего мира дружно аплодирует борьбе против “троцкистов”»²⁰⁷.

Практически не затронутая иллюзиями о «новой цивилизации» консервативная часть западной общественности была обеспокоена лишь массовыми репрессиями в армии, ослаблявшими потенциального союзника.

Обострение международной ситуации в конце 1930-х гг. привело к тому, что даже весьма консервативная часть западной интеллигенции начала склоняться к мысли о необходимости скорейшего сближения — вплоть до военного союза — с СССР. Об этом говорит, в частности, запись беседы заведующего англо-американским отделом ВОКС М.И. Гринева с Б. Пэрсом 18 августа 1939 г. Во время проводов группы англичан на Белорусском вокзале Пэрс подошел к Гриневу и стал объяснять, почему он не член Британского общества культурной связи с СССР: «Находясь вне рядов этого общества я могу быть более полезен, т.к. для России важно, чтобы о ней говорили лица, не примыкающие ни к одной организации, имеющей какое бы то ни было отношение к России. Я же буду вам полезен, находясь вне этого общества. В частности я уже принес вам пользу, организовав переговоры между английским правительством и СССР. Об этом знает т. Майский»²⁰⁸.

В настоящий момент очень мало конкретных данных о связи между советской культурной дипломатией и разведкой, но связь такая, несомненно, была. ВОКС и другие подобные учреждения собирали информацию о «перспективных иностранцах», а те, в свою очередь, иногда, под влиянием советской действительности и пропаганды, давали согласие сотрудничать с советской разведкой. Например, осенью 1935 г. будущий видный искусствовед и личный советник Георга VI Э. Блант посетил СССР по линии «Интуриста». В группе были в основном преподаватели и студенты университетов, как правило, левые по своим убеждениям. К тому времени Блант, близкий друг Г. Берджесса и К. Филби, уже по-

²⁰⁶ Haslam J. The Soviet Union & the Struggle for Collective Security in Europe, 1933—1939. L., 1984. P. 140.

²⁰⁷ Цит. по: *Роговин В.З.* Сталинский неонэп. Б. м., б. г. С. 142.

²⁰⁸ ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 3. Д. 1071. Л. 1.

пал в поле зрения советской разведки. Во время поездки к Бланту, очевидно, присматривались. Сотрудники «Интуриста» отнеслись к нему с особым вниманием, разрешили осматривать Москву по индивидуальной программе, всячески стремились расположить к себе (вплоть до организации его работы в запасниках московских музеев), но представители разведки на прямой контакт с ним не выходили. После возвращения Блант опубликовал в «Спектейторе» восторженную статью об СССР. Отметил огромные масштабы строительства, систему образования, похвалил московское метро и поддержку реалистических тенденций в искусстве, а также то, что «искусство в стране поставлено на службу решению социальных проблем <...>, более чем когда-либо со времен средневековья связано с жизнью». Пребывание в СССР сделало его убежденным сторонником социалистического общества и в августе 1937 г. Блант стал советским разведчиком²⁰⁹.

Выше приводились примеры, когда различные высказывания зарубежных гостей приводили сотрудников ВОКС и «Интуриста» к выводу о том, что кем-то из иностранцев «стоит позаняться». Это мнение, которое, понятно, попадало в НКВД, скорее всего, теми или иными путями доходило и до НКВД.

Сама сеть советских культурных учреждений за рубежом использовалась порой для прикрытия разведывательной деятельности²¹⁰. Однако эта тема заслуживает отдельного скрупулезного изучения, основанного, прежде всего, на архивных материалах, пока большей частью закрытых от исследователей.

* * *

В том, что СССР вызывал наибольший интерес именно в начале и середине 1930-х гг., решающими оказывались все же настроения и предубеждения, существовавшие на Западе. Как отмечал П. Холландер, «советский пример предлагал наиболее многообещающую альтернативу экономическому и социальному хаосу <...> Восхищение советской системой достигло апогея не тогда, когда ее достижения были самыми впечатляющими или политика наиболее гуманной, но тогда, когда по западному миру ударил серьезный экономический кризис, что способствовало созданию представления о Советском Союзе как острове стабильности, порядка, эконо-

---

²⁰⁹ Цит. по: Попов В.И. Советник королевы — суперагент Кремля. М., 1995. С. 53.

²¹⁰ Подробнее см. далее, в главах 3—4.

номической рациональности и социальной справедливости»²¹¹. Эту же мысль повторял и известный советолог Ст. Коэн: «Американцы обычно находили в Советском Союзе то, что искали. Так, у сталинского террористического режима 1930-х годов было много американских поклонников, в то время как намного менее репрессивный брежневский режим не имел практически ни одного»²¹².

Однако справедливо и то, что благоприятной для советской культурной дипломатии ситуацией необходимо было суметь воспользоваться. В какой степени это удалось в 1930-е гг.? Очевидно, что однозначного ответа не существует.

По мнению М. Дэвид-Фокса, «какими бы компетентными и преданными делу не были Каменева, Аросев и прочие, неизменными чертами международной деятельности ВОКСа оставались проволочки, путаница, отвратительные переводы, нехватка квалифицированных кадров и непонимание культурных особенностей других стран и народов. В этом смысле зарубежная деятельность ВОКСа была поистине продуктом и отражением общественной и политической системы, которая его создала»²¹³.

Именно в этот период проявились как плюсы, так и минусы той модели культурной дипломатии, которая создавалась в СССР. С одной стороны, всеобъемлющая роль государства и «закрытость» общества позволяли эффективно ограждать большинство иностранных гостей от нежелательной информации о реальной жизни в стране, демонстрируя при этом именно то, что выбирали сами гостеприимные хозяева. С другой стороны, и финансовые, и, что еще более важно, организационные ресурсы государства были ограничены, и подобная практика могла иметь эффективность лишь в условиях относительно незначительных по своим масштабам контактов.

---

²¹¹ Hollander P. Op. cit. P. 7, 12.

²¹² Cohen St. *Sovieticus. American Perception & Soviet Realities*. N.Y., 1985. P. 21.

²¹³ Дэвид-Фокс М. Указ. соч. С. 175.

Глава 3

Культурная дипломатия в начальный период Второй мировой войны (1939–1941 гг.)

§ 1. В тени пакта Риббентропа – Молотова

Летом 1939 г. Москва оказалась перед выбором своего дальнейшего внешнеполитического курса. Мир или война — такие альтернативы имелись в распоряжении И.В. Сталина. Территория нацистской Германии после Мюнхенского договора 1938 г. расширилась: немцы оккупировали большую часть Чехословакии, стали реально угрожать Польше. Договориться с Англией и Францией о создании военного союза против Гитлера летом 1939 г. не удалось. В этих условиях Сталин пошел на беспрецедентный шаг. 23 августа 1939 г. в Москве был подписан договор о ненападении между СССР и Германией (пакт Риббентропа — Молотова).

Непродолжительный период сближения обеих стран (конец августа 1939 — 22 июня 1941 г.) среди прочего имел одну отличительную особенность: политическая ситуация во многом способствовала возобновлению советско-германских контактов в области культуры.

Буквально с первого дня действия пакта Риббентропа — Молотова в Советском Союзе развернулась политико-идеологическая кампания (инициируемое режимом сосредоточение внимания на определенной группе актуальных вопросов для достижения заранее определенных государственных целей) по обеспечению курса на сближение с Германией. В СССР в конце 1930-х гг. при наличии системы тотальной пропаганды данный процесс осуществлялся путем активного воздействия на общественное сознание с помощью всех имевшихся средств, начиная от устной агитации и кончая СМИ.

Развертыванию политико-идеологической кампании, как правило, предшествует «посыл сверху», когда публично провозглашается установка высшего руководства относительно ее характера, направленности и содержания. После этого органы политической пропаганды и агитации начинают проводить организационные мероприятия по перестройке своей работы в

соответствии с «руководящими указаниями». Затем в дело последовательно вступают высшее, среднее и низовое звенья пропагандистской структуры, что, как правило, и составляет начальную стадию кампании.

Ее второй этап состоит в непосредственном внедрении в общественное сознание тех или иных конкретных установок, сформулированных высшим политическим руководством страны и подхваченных агитацией и пропагандой. На этом этапе массы овладевают основополагающей идеей¹.

Начальными импульсами кампании, развернувшейся сразу после подписания пакта Риббентропа — Молотова и призванной обеспечить идеологическое обоснование начавшегося советско-германского сближения, явились: передовая статья в газете «Правда» (24 августа 1939 г.); выступление главы советского правительства, народного комиссара иностранных дел В.М. Молотова на внеочередной сессии Верховного Совета СССР (31 августа 1939 г.).

В «Правде» отмечалось, что различия в идеологии и политических системах СССР и Германии не должны и не могут служить препятствием для установления добрососедских отношений между ними. Дружба обеих стран, «загнанная в тупик стараниями врагов», — отмечалось в газете, — «отныне должна получить необходимые условия для своего развития и расцвета»².

Спустя неделю, выступая на внеочередной сессии Верховного Совета СССР, Молотов почти слово в слово повторил данный тезис. Он также подчеркнул, что в СССР некоторые «близоручкие люди» увлеклись «упрощенной антифашистской агитацией»³. Молотов «озвучил» основные указания по перестройке советской пропаганды, начавшейся после подписания пакта о ненападении:

---

¹ Подробнее о политико-идеологических кампаниях см.: *Гречухин П.Б.* Власть и формирование исторического сознания советского общества в 1934—1941 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 1997. С. 172—173; *Ушакова С.Н.* Идеолого-пропагандистские кампании как способ социальной мобилизации советского общества в конце 1920-х — начале 1940-х гг. (на материалах Западной Сибири). Автореферат дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2001. С. 13—14; *Невежин В.А.* Политико-идеологические кампании Кремля (1939—1941 гг.) // *Международный кризис 1939—1941 гг.: от советско-германских договоров 1939 г. до нападения Германии на СССР.* Материалы международной конференции, организованной Институтом всеобщей истории Российской академии наук, Университетом Латвии, Институтом современной истории (Мюнхен), Московским отделением Фонда им. Конрада Аденауэра. Москва, 3—4 февраля 2005 г. М., 2006. С. 307—327.

² Правда. 1939. 24 авг.

³ Известия. 1939. 1 сент.

теперь следовало отказаться от прежних установок и свернуть открытую пропагандистскую кампанию против фашизма.

Для людей, вовлеченных в партийно-пропагандистскую работу, начало сближения с нацистской Германией оказалось подлинным испытанием, чреватым опасностями и непредсказуемыми последствиями. В двусмысленном положении очутились сотрудники центральных СМИ, различных пропагандистских ведомств и организаций. Д.Ф. Краминов вспоминал, что члены редколлегии газеты «Известия» восприняли договор о ненападении как коренной поворот в советской внешней политике. Данное обстоятельство повергло их в изумление: оставалось лишь разводиться руками и пожимать плечами. Сам Краминов, получивший уже 24 августа поручение подготовить для публикации в «Известиях» первый вариант передовой статьи о пакте, не знал, что писать, поскольку все еще был настроен в соответствии с прежними антифашистскими установками. Потребовалось вмешательство Я.Г. Селиха⁴, который, в свою очередь, обратился за разъяснениями к наркому обороны К.Е. Ворошилову. Последний «подсказал», что договор о ненападении с Германией следует трактовать как некую передышку, подобную по своему значению Брестскому миру 1918 г.⁵

Аналогия между Брестским миром и советско-германским соглашением от 23 августа 1939 г., вероятно, была инициирована «сверху» (скорее всего, самим Сталиным). Она встречается, например, и в сделанных «по горячим следам» событий дневниковых записях Вс.В. Вишневского за сентябрь 1939 г.⁶, и в воспоминаниях К.М. Симонова, датированных более поздним временем — мартом 1979 г.⁷

28 сентября 1939 г. в Москве Й. фон Риббентроп и В.М. Молотов подписали новое дипломатическое соглашение — договор о дружбе и границе между СССР и Германией. Это стало катализатором демонстрации расположения к Берлину и дальнейшего развития политико-идеологической кампании, направленной на улучшение советско-германских отношений.

9 октября в «Известиях» появилась передовая статья «Мир или война?», текст которой был предварительно отредактирован Стали-

⁴ Селих Яков Григорьевич (1892—1967), исполняющий обязанности главного редактора газеты «Известия» (1938—19.04.1941).

⁵ Краминов Д.Ф. В орбите войны: Записки советского корреспондента за рубежом. 1939—1945 годы. М., 1980. С. 55.

⁶ РГАЛИ. Ф. 1038. Оп. 1. Д. 2076. Л. 43, 48.

⁷ Симонов К.М. Глазами человека моего поколения: Размышления о И.В. Сталине. М., 1988. С. 83—84.

ным⁸. Данная публикация стала своеобразной реакцией Кремля на выступление Гитлера в германском рейхстаге 6 октября 1939 г. Фюрер предложил западным союзникам прекратить военные действия в Европе и созвать мирную конференцию великих держав. «Известия» давали ссылку на британские газеты, утверждавшие, что «“гитлеровский дух” является главным и единственным источником военной опасности не только в Европе, но и во всем мире». Далее делалось предположение, что приведенные материалы западной прессы «отражают точку зрения и правительственных кругов Англии и Франции». Затем следовал вопрос: могут ли аргументы западных противников Германии, высказывавшихся в пользу продолжения войны против нее, быть признаны сколько-нибудь обоснованными и убедительными? С целью объяснения позиции Москвы по данному поводу для начала утверждалось, что каждый человек волен не только выражать собственное отношение к той или иной идеологии, но и имеет право защищать или отвергать ее. Однако, подчеркивалось в публикации, истребление людей из-за того, что кому-то не нравятся определенные взгляды и мировоззрение, является «нелепой и бессмысленной жестокостью».

При редактировании статьи «Мир или война?» Сталин после этих слов переписал целый фрагмент и добавил собственный знаменательный вывод: «Это возвращает нас к мрачным временам средневековья, когда велись опустошительные религиозные войны во имя уничтожения еретиков и инакомыслящих. Однако история показала, что подобные идеологические и религиозные подходы приводили лишь к истреблению целых поколений и культурному одичанию народов. Можно уважать или ненавидеть гитлеризм, как и всякую другую систему политических взглядов. Это дело вкуса. Но затевать войну из-за “уничтожения гитлеризма” — значит допускать в политике преступную глупость»⁹.

В Берлине не оставили без внимания сигнал, который был подан из Москвы. Из дневниковой записи Й. Геббельса от 10 октября 1939 г. следовало: публикация «Известий» — «очень позитивная», «враждебная Антанте» (т.е. Англии и Франции), а, главное, статья полностью совпала с точкой зрения нацистского руководства, «удивительно пришлась» ему ко времени, и поэтому «будет принята с благодарностью». Геббельс заключал по этому поводу: «Русские до сих пор исполняют все свои обещания... Москва непо-

⁸ Большая цензура: Писатели и журналисты в Стране Советов. 1917—1956. М., 2005. С. 513—516. Док. № 370.

⁹ Там же. С. 515.

воротлива, но, тем не менее, очень полезна нам». Гитлер и его ближайшее окружение даже предположили, что статью для «Известий» написал сам Сталин — «старый, опытный революционер»¹⁰.

31 октября 1939 г. Молотов, выступая на сессии Верховного Совета СССР, говорил о перспективах войны между Германией и западными союзниками. В полном соответствии со сталинскими установками, изложенными в статье «Мир или война?», глава советского правительства заявил: можно признавать или не признавать нацистскую идеологию, однако не только бессмысленно, но и преступно вести войну «за уничтожение гитлеризма»¹¹.

В конце 1939 г. «сверху» был дан еще один сигнал советской пропаганде для политико-идеологического обоснования сближения с Германией. 23 декабря по случаю 60-летия Сталина Гитлер прислал в Кремль поздравительную телеграмму. В ней высказывались пожелания «доброго здоровья» большевистскому лидеру и «счастливого будущего народам дружественного Советского Союза». Фюреру вторил имперский министр иностранных дел Риббентроп, который лишний раз напомнил о начавшемся повороте в отношениях между СССР и Германией, «создавших основу для длительной дружбы между ними». Сталин не остался в долгу и 25 декабря отправил ответное послание в адрес Гитлера и Риббентропа. В сталинском тексте, исходя из договора от 28 сентября 1939 г., утверждалось: «Дружба народов Германии и Советского Союза, скрепленная кровью, имеет все основания быть длительной и прочной»¹².

Вероятно, для того, чтобы сопроводить подобного рода политические декларации практическими шагами в области культуры, было принято решение о постановке на сцене Большого театра оперы Р. Вагнера «Валькирия», осуществление которой поручили кинорежиссеру С.М. Эйзенштейну. Ранее он был известен как деятель советской культуры, публично выражавший свои антинацистские взгляды¹³, а его фильм «Александр Невский» носил антигерманский характер и вышел на экраны в 1938 г., когда взаимоотношения между Берлином и Москвой достигли наибольшего напряжения.

¹⁰ *Ржевская Е.М.* Геббельс: Портрет на фоне дневника. М., 1994. С. 211.

¹¹ Правда. 1939. 1 нояб.

¹² Оглашению подлежит: СССР — Германия, 1939—1941: Документы и материалы. М., 1991. С. 166—167.

¹³ *Эйзенштейн С.М.* О фашизме, германском киноискусстве и подлинной жизни // Литературная газета. 1934. 22 марта.

После 23 августа 1939 г. ситуация сложилась иначе. Как предположил киновед Б. Шафганс, И.В. Сталин использовал постановку на советской сцене оперы особо почитавшегося в нацистской Германии композитора, чтобы «на основе внешних реакций разобраться в том, что же на самом деле немцы подразумевают под “дружбой”»¹⁴.

Одновременно на повестке дня оказался вопрос об использовании более благоприятной конъюнктуры с целью возобновления советско-германских культурных связей. Еще в ходе предварительных контактов по вопросу о политическом сближении немецкая сторона пыталась прозондировать почву в данной области. 8 августа Г.А. Астахов¹⁵, в частности, писал В.М. Молотову: в Германии «готовы были бы пойти на некоторую форму “культурного соглашения” в виде договора <...> об обмене книгами (с оговоркой, конечно), музыкальными произведениями, научными новинками и т.п. <...> взаимное участие на спортивных состязаниях, научных конференциях, выставках международного значения также мыслится ими как возможное. Немцы, правда, подчеркивал временный поверенный, «совершенно неофициально и через безответственных (sic. — *Авт.*) лиц» высказывались за активное участие СССР в торговых ярмарках в Кёнигсберге и Лейпциге¹⁶.

Так или иначе, после подписания пакта Риббентропа — Молотова культурные связи между СССР и Германией возобновились. Увеличился объем книгообмена. В Германию через Литературное агентство при Всесоюзном объединении «Международная книга» направлялись статьи, очерки, художественные произведения советских авторов.

Силами ВОКС была создана экспозиция «Народное творчество СССР», предназначавшаяся для отсылки в Германию. Однако ввиду плохой подготовки эта выставка в Берлине так и не открылась. Взамен руководство Общества предприняло неудачную попытку организовать в Германии экспозицию под неприемлемым для нацистов названием «Ломоносов и Интернационал»¹⁷.

Между тем получить в полной мере преимущества для развития культурных связей с Третьим рейхом, ожидавшиеся от совет-

¹⁴ Шафганс Б. «Валькирия» Эйзенштейна и германо-советские отношения // Киноведческие записки. 1998. № 39. С. 209.

¹⁵ Астахов Георгий Александрович (1897—1942), советник, временный поверенный в делах СССР в Германии (1937—19.08.1939).

¹⁶ Документы внешней политики (далее — ДВП). Т. XXII: В 2 кн. Кн. 1. Январь—август. М., 1992. С. 586. Док. № 455.

¹⁷ См.: Невежин В.А. Советская политика и культурные связи с Германией...

ско-германского политического сближения, Москве не удалось, прежде всего, по причинам идеологического характера.

В начале февраля 1940 г. редакторам берлинских газет цензурные органы направили указания: по возможности не печатать сообщений о культурной жизни в СССР. 8 марта Министерство народного просвещения и пропаганды предписало германским СМИ ни в коем случае не создавать впечатления, «будто речь идет о каком-то масштабном культурном обмене» с Советским Союзом¹⁸.

В то же время правление ВОКС, считавшее свою организацию монопольным органом проведения советской культурной пропаганды за рубежом, в июле 1940 г. было вынуждено констатировать, что реализовать подобную цель в условиях, когда германская сторона создавала препятствия на пути культурного обмена, нереально¹⁹. В этой связи комиссия НКВД, проверявшая результаты деятельности Общества, отмечала: «Общие условия работы в Германии диктуют сейчас исключительно обмен научными и культурными материалами специального характера <...> Центр тяжести во взаимоотношениях с Германией в том, чтобы взять как можно больше полезных для нас сведений из германской науки. Взять у них больше, чем дать им, и уметь взять именно то, что нужно нашему хозяйству»²⁰. Позднее руководство ТАСС на основе анализа содержания ведущих нацистских газет и журналов специального назначения предложило Управлению пропаганды и агитации ЦК ВКП (б) систематически изучать специфику представленной в них информации военно-экономического характера для учета подобного рода материалов при составлении директивных документов по организации цензуры в СССР²¹.

В июне 1940 г. Германия нанесла ощутимое поражение западным союзникам в ходе молниеносной военной операции. Французская армия подверглась разгрому, и страна была вынуждена принять унижительную капитуляцию. Сразу после этого из Парижа в Москву после длительной командировки возвратился И.Г. Эренбург. Не на шутку огорченный и встревоженный развернувшимися трагическими событиями, связанными с поражением и капитуляцией Франции, но, не ведая о том, насколько чувствительным был идеологический ущерб, нанесенный пактом Риббентропа — Молотова, он сохранял убеждение, что Германия вскоре нападет на СССР. Между

¹⁸ *Шафганс Б.* Указ. соч. С. 202—203.

¹⁹ *Невежин В.А.* Советская политика и культурные связи с Германией... С. 22—23.

²⁰ Цит. по: *Голубев А.В., Невежин В.А.* Указ. соч. С. 364. Прим. 8.

²¹ *Невежин В.А.* Советская политика и культурные связи с Германией... С. 28.

тем в Москве, по определению Эренбурга, «настроение было скорее свадобным», чем тревожным. Пресса восхваляла крепнувшую советско-германскую дружбу. Писатель обратился в НКВД, намереваясь поделиться собственными впечатлениями от увиденного во Франции, рассказать о морально-политическом облике солдат захватнической германской армии. И.Г. Эренбурга принял заместитель наркома иностранных дел С.А. Лозовский. Он разъяснил, что в данный момент требовалась «информация, подтверждающая правильность выбранной политики», а не наоборот: «наверху» не хотели слышать ничего, что омрачило бы советско-германскую дружбу²².

Своеобразным новым подтверждением этого курса стало выступление Молотова с докладом о внешней политике на заседании Верховного Совета СССР 1 августа 1940 г. Докладчик заявил, что «в основе сложившихся добрососедских и дружественных советско-германских отношений лежат не случайные соображения конъюнктурного характера, а коренные государственные интересы как СССР, так и Германии»²³.

В августе в Москве по-своему отмечали годовщину подписания пакта о ненападении — этой дате были посвящены специальные публикации в СМИ. Тон здесь задавали «Правда», печатный орган ЦК ВКП (б), и «Известия», советский официоз. В частности, по указанию Молотова была подготовлена рукопись передовой статьи, приуроченной к годовщине. Л.Я. Ровинский²⁴ переслал ее экземпляры Сталину и Молотову. В целом предложенный текст понравился вождю. Он подверг статью небольшой стилистической правке и после этого распорядился опубликовать в «Правде» и «Известиях»²⁵.

Тем временем 31 июля 1940 г. Гитлер сообщил главнокомандующему вермахта о своем твердом решении покончить с Советским Союзом, уничтожив его жизненные силы. Не случайно Геббельс отметил в дневнике в годовщину пакта о ненападении с СССР, что «снова запретил все дружественные русским статьи». А 24 августа министр просвещения и пропаганды Третьего рейха записал: «Я запрещаю всякое потакание России». Хотя и заметил далее: «Правда,

²² Эренбург И.Г. Люди, годы, жизнь. Воспоминания: В 3 т. Изд. исправ. и доп. Т. 2. Кн. 4—5. М., 1990. С. 222.

²³ Правда. 1940. 2 авг.

²⁴ Ровинский Лев Яковлевич (1900—1964), заместитель главного редактора газеты «Правда» (до 19.04.1941).

²⁵ СССР — Германия: 1933—1941. М., 2009. С. 254—299. Док. № 195. (Вестник Архива Президента Российской Федерации; Вып. 4).

красные газеты печатают памятные статьи о заключенном год назад германо-русском соглашении. Но ведь и мы это делаем»²⁶.

К исходу лета 1940 г. в Кремле, вероятно, поняли, что взаимных заверений со стороны нацистов в ответ на инспирированные им официальные заявления о нерушимости советско-германской дружбы уже не будет. Примечательно, что из представленной рукописи вышеупомянутой статьи, предназначавшейся для публикации в «Правде» и «Известиях», Сталин вычеркнул следующий абзац: «Залог прочности советско-германской дружбы в том, что она всецело отвечает интересам народов Германии и СССР. Советско-германский пакт от 23 августа 1939 г. заложил основу для могучего развития дружбы между народами СССР и Германии. И эта дружба будет процветать, несмотря ни на какие ухищрения и козни провокаторов, заинтересованных в дальнейшем раздувании пламени войны»²⁷.

Лишним подтверждением того, что в Кремле уже не испытывали прежней эйфории от сближения с нацистской Германией, явился перенос ранее назначенной на конец сентября 1940 г. премьеры оперы Р. Вагнера «Валькирия» в Большом театре. Беспокойство Эйзенштейна по этому поводу отразилось в его дневниковой записи от 25 сентября: «Вчера Репертком и Комитет [по делам искусств] глядели “Валькирию” <...>. Ко мне никаких упреков. Очень хвалят». Однако, по мнению Эйзенштейна, при оттяжке премьеры можно было «попасть в не те отношения» с немцами. С каждым днем тревожные предчувствия все более одолевали режиссера. 28 сентября 1940 г. (в годовщину советско-германского договора о дружбе и границе) он записал в дневнике: «Сегодня, в назначенный день премьеры “Валькирии” (в Большом театре. — *Авт.*), идёт “Иван Сусанин”. И, кажется, навсегда... Вина за Германией: военный союз и провоз войск по Финляндии <...> А все-таки жалко “Валькирию”»²⁸.

Между тем опасения Эйзенштейна по поводу дальнейшей судьбы его театрального детища оказались преждевременными. Шафганс высказал предположение, что в Москве в течение нескольких недель «ждали политически благоприятного момента, чтобы максимально эффективно подать “Валькирию”». Праздничных поводов

²⁶ Ржевская Е. М. Указ. соч. С. 235.

²⁷ Цит. по: СССР — Германия: 1933—1941. С. 297.

²⁸ Эйзенштейн С. М. Заметки к постановке «Валькирии» Рихарда Вагнера (Из дневников периода постановки «Валькирии») // Киноведческие записки. 1998. № 39. С. 190, 191.

недоставало, поскольку за лето [1940 г.] отношения с Германией явно ухудшились»²⁹.

«Непраздничным», но вполне подходящим поводом для премьеры оперы Вагнера на сцене Большого театра явился официальный визит советской делегации во главе с Молотовым в Берлин 12—13 ноября 1940 г. В ходе этого визита состоялись переговоры главы советского правительства с Гитлером, Риббентропом и другими представителями высшего нацистского руководства. Однако достичь консенсуса не удалось, что привело к дальнейшему охлаждению отношений между СССР и Германией.

О неудаче советско-германских переговоров в Берлине широкая общественность знать не могла, поскольку даже «информированные круги» «были заморочены спекуляциями», считал Шафганс. Он также был уверен, что премьеры «Валькирии» предполагалась «как своего рода приветствие вернувшейся из Берлина делегации, от которой все ожидали успешного проведения переговоров»³⁰.

18 ноября 1940 г. состоялась генеральная репетиция оперы «Валькирия» на сцене Большого театра («прогон» на публике). На спектакль был приглашен первый заместитель главы внешнеполитического ведомства СССР А.Я. Вышинский³¹. Спустя два дня, 21 ноября, наконец, прошла с большим нетерпением ожидавшаяся Эйзенштейном премьеры, на которой присутствовали представители советской элиты и дипломатического корпуса. Для немцев были зарезервированы почетные места, а в центре бывшей царской ложи разместился посол Германии в СССР Ф.В. Шуленбург.

Театральная постановка Эйзенштейна как социальный заказ Кремля, несмотря на все усилия талантливого режиссера, оказалась в целом неудачной. Присутствовавшие на ней немецкие дипломаты оценили интерпретацию Вагнера Эйзенштейном как нечто «сенсационное и очень своевольное». Во всяком случае, она коренным образом отличалась от того, как в Германии представляли постановку этой оперы. Официальная немецкая пресса в течение всего подготовительного периода работы советского режиссера над воплощением «Валькирии» на сцене Большого театра стремилась всячески обойти вниманием это событие. Лишь после московской премьеры имперский министр народного просвещения и пропаганды Геббельс разрешил поместить в политических разделах германской прессы краткие

²⁹ Шафганс Б. Указ. соч. С. 203.

³⁰ Там же. С. 204, 205.

³¹ Эйзенштейн С.М. Указ. соч. С. 191.

сообщения о постановке, но... «набранные мелким шрифтом». Трудно не согласиться со следующим выводом: читая подобного рода газетные заметки, «про себя можно было догадываться, что речь идет о главном культурном событии в плане германо-советского сотрудничества в Москве, но больше нельзя было говорить это вслух»³².

В Берлине не только обратили внимание на дискуссию, развернувшуюся в советской прессе по поводу премьеры, но и отметили роль газеты «Известия», которая позволила себе критические выпады в адрес постановщиков оперы. Прошедшее 27 февраля 1941 г. на сцене Большого театра последнее из шести представлений «Валькирии» осталось уже незамеченным³³.

Охлаждение отношений СССР с Германией привело к тому, что советская пропаганда начала использоваться в качестве орудия идеологического противоборства с ней, хотя и приглушенного в условиях действия пакта о ненападении и договора о дружбе и границе. Так, в «Труде» были опубликованы две статьи Л. Фейхтвангера. Из комментариев редколлегии следовало, что этот материал перепечатан (в переводе на русский язык) из американской газеты «Пост меридиэм» за 10, 11, 12, 13 и 14 ноября 1940 г.³⁴ Он поступил в иностранный отдел печатного органа ЦК ВЦСПС по звонку из секретариата Сталина. Сотрудники этого отдела пришли в замешательство, ибо Фейхтвангер в условиях действия советско-германских договоренностей 1939 г. являлся «нежелательным» автором. Более того, в его статьях содержались прямые выпады против Гитлера и фашистов, оккупировавших часть Франции и установивших на остальной ее территории подконтрольный Германии режим Виши во главе с маршалом Петеном.

Всё дело в том, что в начале января 1941 г. в Москве проходили переговоры по экономическим вопросам, которые вели народный комиссар внешней торговли СССР А.И. Микоян и высокопоставленный чиновник МИД Германии К.Ю. Шнурре. Немцы пытались навязать советской стороне невыгодные условия соглашения, и тогда «наверху» решили «подбросить им горькую пилюлю» в виде публикаций статей Фейхтвангера³⁵.

Этот шаг Берлин воспринял как недружественный, разрушавший образ СССР как сочувствующего Германии государства. Вечером

³² Цит. по: *Шафганс Б.* Указ. соч. С. 207.

³³ Там же. С. 208.

³⁴ Статья Лиона Фейхтвангера о Франции // *Труд*. 1941. 8, 9 янв.

³⁵ *Шейнис З.С.* Перед нашествием: Из записной книжки 1939—1941 годов // *Новая и новейшая история*. 1990. № 1. С. 106.

9 января 1941 г. Н.Г. Пальгунов³⁶ принял Г. Штарке³⁷, который выразил недовольство содержанием упомянутых публикаций. По словам Штарке, первая статья Фейхтвангера «была сравнительно нейтральной», однако следующая, как выразился Штарке, буквально «потрепала» германского посла в Москве Шуленбурга «самым фактом появления в советской прессе» — в ней содержались «многочисленные выпады» против Германии и Гитлера. Германское посольство, подчеркивал Штарке, «не может пройти мимо этих выпадов» и в связи с этим вынуждено совершить собственный «демарш в интересах предупреждения возможного демарша из Берлина». Появление статей Фейхтвангера показалась немецкой стороне странным, во-первых, потому что после договора о ненападении советская пресса не давала Берлину повода для недовольства. Во-вторых, они появились в преддверии обнародования совместного советско-германского коммюнике относительно демаркации границы и подписания нового соглашения о сотрудничестве в торгово-экономической области.

Пальгунов в ходе беседы спросил Штарке: почему он возражает против продолжения публикаций Фейхтвангера в «Труде», ведь их содержание еще не было известно? На это последовал ответ: «Мы не смеем возражать против выступления советской печати, содержащей критику и нападки на французских фашистов и на правительство Петена, но мы настойчиво просим не допускать выпадов против Германии, подобных тем, которые имеются в статье Фейхтвангера». Также Штарке сообщил, что до отправления в Берлин очередной дипломатической почты посол Шуленбург «хотел бы получить возможность сообщить о результатах настоящего демарша». В Берлине явно желали прекращения вышеупомянутых публикаций³⁸. Вечером 9 января Пальгунов сообщил Штарке по телефону, что просьба Шуленбурга удовлетворена³⁹.

В январе 1941 г. состоялась проверка «высшей инстанцией» содержания журнала «Интернациональная литература». Руководство этого издания, считавшегося традиционно антифашистским, в конкретных условиях сближения с Третьим рейхом уделяло мно-

---

³⁶ Пальгунов Николай Григорьевич (1898—1971), журналист, дипломат; заместитель заведующего (23.06.1940—17.06.1941); заведующий отделом печати Народного комиссариата иностранных дел СССР (17.06.1941—1944).

³⁷ Штарке Готтхольд (1896—1968), германский государственный деятель, дипломат; референт по печати посольства Германии в СССР (02.1940—22.06.1941).

³⁸ Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 06. Оп. 3 АВТО. П. 6. Д. 58. Л. 6—7.

³⁹ Там же. Л. 8.

го внимания воспроизведению на своих страницах позитивных откликов о советской литературе и искусстве, появившихся в германской периодике. Оно регулярно выписывало из Германии необходимые материалы (газеты, журналы и другие печатные издания). Естественно, германская пресса соответствующим образом отреагировала на предписания Геббельса о нежелании распространять позитивную информацию о советских достижениях и «культурных событиях, особенно в сфере кинематографии»⁴⁰. Вместе с тем в СССР реферировалась вся регулярно получаемая из Германии печатная продукция, скрупулезно выявлялось любое, даже самое незначительное упоминание об издании на немецком языке произведений русской классической литературы, о постановках пьес русских драматургов, опер русских композиторов и т.д. и т.п. После предварительной цензуры подобного рода информационные сообщения печатались на страницах «Интернациональной литературы». В 1941 г. их продолжали публиковать, причем наряду с ними печатались и сведения о культурной жизни в нацистской Германии⁴¹.

Данное обстоятельство было отмечено в составленном в начале марта 1941 г. отчёте В. Орловой, которая по поручению заместителя начальника Управления пропаганды и агитации (УПА) ЦК ВКП (б) Д.А. Поликарпова обследовала работу немецко-, англо- и франкоязычных изданий «Интернациональной литературы».

В этих предназначавшихся для заграницы изданиях, в частности, в немецкоязычном, по мнению Орловой, неудовлетворительно велись критико-публицистические разделы: «События культурной жизни СССР и процессы, происходящие среди иностранных писателей, не осмысливаются, не обобщаются и сводятся в основном к хронике». В итоге подававшиеся в таком виде материалы не могли удовлетворить «иностранных читателей, интересующихся литературой и культурой Советского Союза, творчеством прогрессивных и революционных писателей запада». А в № 7 за 1940 г. сообщалось, «как о положительном факте о выходе в Германии сборника сатирических рассказов советских писателей под названием “Спи, скорее, товарищ”». Проверяющая Орлова указала, что редакция журнала даже «не заметила издевательского названия этого издания»⁴².

⁴⁰ Шафганс Б. Указ. соч. С. 203, 204.

⁴¹ Интернациональная литература. 1940. № 3—4. С. 289, 345; № 5—6. С. 344—345; № 7—8. С. 321—322; № 9—10. С. 274—275; № 11—12. С. 343; 1941. № 1. С. 203; № 2. С. 192—196; № 3. С. 188; № 6. С. 199.

⁴² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 32. Д. 79—81.

В упомянутый сборник вошли переведенные на немецкий язык сатирические рассказы русских и советских писателей. По этому поводу Вс.В. Вишневский отметил: «С отвращением прочел, что у Гитлера издаются Зоценко, Катаев, Шишков, П. Романов и пр. Выбирают по крупницам сатиру, прикрытое мрачное описание быта нашего»⁴³. Самого Гитлера книга «Спи скорее, товарищ!» позабавила. 28 апреля 1940 г. Геббельс отметил в дневнике, что читал фюреру «анекдоты» из нее. «Мы вместе очень смеялись», — констатировал имперский министр⁴⁴.

Позднее, 7 июня 1941 г., Пальгунов направил Молотову докладную записку «О распространении периодических изданий, выходящих на иностранных языках». В ее преамбуле указывалось: «Ознакомление с газетами и журналами, издающимися в СССР на иностранных языках и по природе своей предназначенными служить целям советской пропаганды за границей, приводит к неотрадным выводам. Прежде всего, в значительной части, издания на иностранных языках не справляются с теми задачами, которые должны перед ними стоять и которые могут быть сформулированы как задачи максимальной яркого и убедительного показа достижений советской культуры, показа достижений советского народного хозяйства, показа советской хозяйственной, политической и военной мощи, показа морально-политического единства советского народа». Что касается тиражей подобного рода изданий, то, по словам Пальгунова, в некоторых странах речь шла буквально о нескольких экземплярах.

Далее упоминались три советских периодических издания, публиковавшихся на немецком языке: «Бюллетень ВОКС», «Интернациональная литература», «СССР на стройке». Немецкоязычный журнал «Интернациональная литература», согласно характеристике Пальгунова, не выказывал стремления «к ориентации на иностранного читателя». При общем тираже в 5 700 экз. за границу отсылались всего 180 экз., из них лишь 5 экз. — в Германию. Для сравнения, журнал «СССР на стройке» выходил общим тиражом в 350 экз., из которых 27 экз. пересылались в Германию.

В «Интернациональной литературе» публиковались преимущественно художественные произведения «немецких революционных писателей», но это издание недостаточно подробно знакомило читателей с произведениями советской литературы и культурной жизнью в СССР в целом. Понятно, что если бы даже редколлегия

⁴³ РГАЛИ. Ф. 1038. Оп. 1. Д. 2076. Л. 75.

⁴⁴ «Наступит эра абсолютной германской гегемонии...». Из дневника Й. Геббельса // Военно-исторический журнал. 1994. № 6. С. 51.

устранила перечисленные Пальгуновым издержки журнала, вряд ли его культурно-пропагандистская деятельность могла бы иметь успех в нацистской Германии.

В ряду изданий на иностранных языках, пересылавшихся за границу, Пальгунов особо выделил «Бюллетень ВОКС». Этот бюллетень, сообщал Молотову начальник отдела печати НКВД, «рассчитан на высококвалифицированную зарубежную интеллигенцию, проявлявшую интерес к СССР». Он состоял из четырех разделов, статьи для которых готовили профессиональные специалисты. Первый раздел посвящался общественно-политической жизни в СССР, второй — достижениям советской науки и техники, третий — литературе и искусству. Наконец, в четвертом разделе давалась хроника культурной жизни в Советском Союзе. Материалы «Бюллетеня ВОКС» были призваны отразить успехи СССР «во всех областях социалистического строительства». При общем тираже в 3 700 экз. немецкоязычное издание этого бюллетеня составляло 900 экз., а в Германию направлялось лишь 40 экз.⁴⁵

В начале 1941 г. немцы полным ходом вели подготовку к проведению очередной весенней выставки-ярмарки в Лейпциге. Политбюро ЦК ВКП (б) приняло решение об участии в этой выставке еще 4 июня 1940 г.⁴⁶

7 февраля 1941 г., в ходе очередного визита к Пальгунову, Штарке от имени оргкомитета этой ярмарки передал приглашение двум советским журналистам — прибыть для освещения ее работы⁴⁷. Пальгунов немедленно переслал текст приглашения Молотову, предложив направить в Лейпциг представителей газет «Правда» и «Известия». На другой день Молотов и Микоян переслали этот документ секретарю ЦК ВКП (б) А.А. Андрееву с резолюцией: «Считаем это желательным (послав хороших (подчеркнуто в документе. — Авт.) товарищей)»⁴⁸. 20 февраля Пальгунов по телефону сообщил Штарке, что в Лейпциг от редакции «Правды» командирован Л.Ф. Ильичёв⁴⁹, а от «Известий» — Е.П. Петров⁵⁰.

Традиционная весенняя Лейпцигская выставка-ярмарка проходила со 2 по 7 марта 1941 г. Неделю спустя после ее закрытия

⁴⁵ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3 АВТО. П. 6. Д. 57. Л. 216, 217, 221—224.

⁴⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 27. Л. 30.

⁴⁷ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3 АВТО. П. 6. Д. 58. Л. 22.

⁴⁸ Там же. Д. 57. П. 6. Л. 37.

⁴⁹ Ильичёв Леонид Фёдорович (1906—1990), член редколлегии и ответственный секретарь газеты «Правда» (1940—1944).

⁵⁰ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3 АВТО. П. 6. Д. 58. Л. 32.

В.Г. Деканозов⁵¹ прислал В.М. Молотову ее описание, составленное А.Н. Капустиным⁵². В сопроводительной записке Деканозов сообщил, что оно базировалось «на основании осмотра выставки и имевшихся там разговоров»⁵³.

В выставке-ярмарке участвовали Болгария, Германия, Иран, Испания, Италия, Румыния, СССР, Турция, Швейцария, Югославия и Япония. Помимо этого были представлены оккупированные Германией страны (Бельгия, Голландия, Дания, Норвегия), а также находившаяся под германским протекторатом Словакия. Капустин указывал: «Было видно, как велик интерес к картине действительной жизни Советской страны». По его наблюдениям, наибольшее внимание обычные посетители проявляли к «коврам, мехам, винам, кондитерским изделиям и табаку». В этом же отчете перечислялись и недостатки, выявленные в оформлении советского павильона. Во-первых, писал Капустин, помещенные на карте СССР сведения «с указанием природных богатств и промышленных успехов», а также сопровождавшие ее плакаты давали основание для вывода о том, что Советская страна занимает первое место в мире по уровню развития машиностроения. Однако никаких экспонатов машин и моделей, подтверждавших данный тезис (за исключением двух паровозов), представлено не было. Более того, модели советских паровозов имели плохую внешнюю отделку, отсутствовали их технические характеристики. Данное обстоятельство, по свидетельству Капустина, «вызывало недоуменные вопросы со стороны посетителей», создавая «впечатление, что Советский Союз остается в основном аграрной страной, которая еще долгое время будет нуждаться в импорте машин». Во-вторых, оформление некоторых стендов советского павильона «недостаточно выразительно» демонстрировало добротность и красоту товара, уступая в этом смысле немецким стендам. Так, образцы вин располагались на слабо освещенных витринах, в то время как германские вина, по словам Капустина, «освещались с задней стороны и искрились чуть ли не всеми цветами радуги». В-третьих, по его мнению, на советском стенде, как, впрочем, и на стендах других стран, участвовавших в выставке-ярмарке, опять же «невыразительно» были

⁵¹ Деканозов Владимир Георгиевич (1889—1953), сотрудник спецслужб, дипломат; комиссар государственной безопасности 3 ранга (02.12.1938); начальник 3-го отдела ГУГБ НКВД СССР (17.12.1938—13.05.1939); посол Советского Союза в Германии (11.1940—22.06.1941).

⁵² Капустин Александр Николаевич (1896—1965), третий секретарь посольства СССР в Германии (1940—22.06.1941).

⁵³ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3 АВТО. П. 13. Д. 160. Л. 2, 3.

представлены изделия деревообрабатывающей промышленности. То же относилось и к экспонатам, касающимся «рудных ископаемых».

В целом, согласно утешительному выводу Капустина, экспозиция СССР, занимавшая два больших зала на выставке, оказалась одной из лучших⁵⁴. Этот вывод совпадал с теми оценками, которые появились в советской прессе по окончании работы Лейпцигской ярмарки. Так, «Правда», ссылаясь на германскую газету «Дойче Альгемайне Цайтунг», утверждала, что павильон СССР на ней привлекал большое внимание посетителей, позволяя «особенно убедительно понять» его стремление «продемонстрировать объем своих сырьевых богатств в деле улучшения и увеличения производства». В официальном сообщении также говорилось, что с советской экспозицией ознакомились свыше 220 тыс. человек, а положительные отзывы посетителей составили три больших книги⁵⁵.

На самом деле все было не столь безоблачно, как это изображал центральный печатный орган большевистской партии. Еще в период строительства советского павильона немцы тщательно следили за тем, чтобы не допустить популяризации СССР. Их тревожили выставка советской книжной продукции и материалы из области кино. Даже портрет полководца Суворова, который было намечено поместить в центре павильона (это был увеличенный кадр из одноименного кинофильма), пришлось не по нраву устроителям Лейпцигской ярмарки. Кроме того, посетители помимо положительных отзывов оставляли и отрицательные, оценивавшие советские экспонаты как «чистую пропаганду»⁵⁶.

Несмотря на нежелание идти на открытую идеологическую конфронтацию с Германией, весной 1941 г. в Москве все-таки решили предпринять некоторые завуалированные антигерманские акции. Так, вновь учрежденной Сталинской премии удостоились создатели художественного фильма «Александр Невский», снятого с широкого кинопроката в СССР после подписания пакта Риббентропа — Молотова. В апреле 1941 г., когда возникла напряженность в связи с балканскими событиями, кинолента вновь появилась в прокате. Присуждение ей Сталинской премии было справедливо воспринято в качестве антигерманской акции⁵⁷. В связи с получе-

---

⁵⁴ Там же. Л. 5—7.

⁵⁵ Большой успех советского павильона на Лейпцигской ярмарке // Правда. 1941. 7 марта.

⁵⁶ Невежин В.А. Советская политика и культурные связи с Германией... С. 30.

⁵⁷ Баграмян И.Х. Так начиналась война. М., 1971. С. 55.

нием столь высокой награды в «Правде» вышла статья о творчестве С.М. Эйзенштейна, содержащая высокую оценку фильма⁵⁸.

В марте—апреле 1941 г. ТАСС начало непосредственную подготовку к пропагандистскому противоборству против ведомства Геббельса. Были собраны соответствующие материалы (выдержки из книги «Майн кампф» Гитлера, статьи о нацистском «новом порядке» в Польше и Югославии и т.д.). В составе ТАСС возникла (пока еще в большой тайне) новая редакция пропаганды во главе с Я.С. Хавинсоном⁵⁹. Однако официально эта редакция развернула свою работу лишь после 22 июня⁶⁰.

16 апреля 1941 г. в ходе беседы с заведующим отделом печати НКВД Н.Г. Пальгуновым, Г.В. Пёрцген⁶¹ признал, что пресса Германии почти ничего не печатала о Советском Союзе. По словам Пёрцгена, немецкие журналисты, работавшие в Москве, посылали в свои периодические издания «довольно большое количество статей и сообщений, но все это представляло собою работу на редакционный портфель». Он объяснял создавшуюся ситуацию тем, что «германской печати представляется неудобным много писать о Советском Союзе в тот момент, когда советская печать ничего не пишет о Германии»⁶².

22 апреля, в день рождения В.И. Ленина, в Кремле был организован банкет для участников декады таджикского искусства. Сталин выступил на нем с небольшой речью, в которой акцентировал внимание на особенностях большевистской политики в области национальных отношений. По его словам, Ленин создал партию, которая придерживалась совершенно «новой идеологии» дружбы и равенства народов, противостоящей «старым, отжившим идеологиям расовой и национальной вражды»⁶³.

Эти слова с обостренным интересом восприняли советские «идеологические работники». Так, Вс.В. Вишневский отметил в дневнике, что в сталинском выступлении «говорилось о Ленине, о новой идеологии, о братстве народов, о губительной и мертвой (подчеркнуто Вишневским. — *Авт.*) идеологии расизма». Он так-

⁵⁸ *Кассиль Л.* Кадры и роли // Правда. 1941. 16 марта.

⁵⁹ Хавинсон Яков Семенович (1901—1989), ответственный руководитель ТАСС (05.12.1939—19.06.1943).

⁶⁰ *Краминов Д.Ф.* Указ. соч. С. 169.

⁶¹ Пёрцген Герман Вильгельм (1905—1976), германский дипломат, журналист; корреспондент газеты «Франкфуртер цайтунг» в Москве (06.1937—22.06.1941).

⁶² АВР РФ. Ф. 06. Оп. 3 АВТО. П. 6. Д. 58. Л. 77.

⁶³ *Вежежин В.А.* Застольные речи Сталина. Документы и материалы. М.; СПб., 2003. С. 260.

же отметил для себя, что основное содержание этой речи Сталина было отражено в публикациях «Правды»⁶⁴. Действительно, 1 мая в газете появилась передовая статья, в которой утверждалось: Советский Союз — это страна, где «выброшена на свалку истории мертвая идеология, делящая людей на “высшие” и “низшие” расы»⁶⁵.

Определенный резонанс среди представителей интеллектуальной элиты имел телефонный звонок Сталина Эренбургу. Последний то и дело наталкивался на серьезные препятствия со стороны цензуры, которая не пропускала в печать его статьи и произведения, носившие антифашистский характер. Неудовольствие в ЦК ВКП (б) было проявлено активностью Вишневского, намеревавшегося опубликовать в журнале «Знамя» роман Эренбурга «Падение Парижа». В свою очередь, З.С. Шейниса⁶⁶ обвинили в том, что он «пригрел» в своей газете писателя, которого недоброжелатели называли «невозвращенцем».

Шейнис решил обратиться с письмом «в высшие сферы» для доказательства абсурдности выдвинутых против него обвинений. Скорее всего, это письмо возымело действие. 24 апреля 1941 г. Сталин позвонил Эренбургу, поинтересовался, будут ли изображены в романе «Падение Парижа» немецкие фашисты. Писатель ответил положительно, но выразил неуверенность по поводу возможности публикации третьей части произведения, где намеревался показать начало военных действий Германии против Франции и первые недели оккупации немцами французской столицы: ведь употребление им даже в диалоге слова «фашист» вызывало раздражение цензоров. Сталин обещал ему свое содействие.

Писатель вынес из этого разговора следующее: во-первых, что в скором времени неизбежна война между СССР и Германией, а во-вторых, что дело заключалось вовсе не в литературных пристрастиях советского вождя — тот прекрасно осознавал, что «о таком звонке будет говорить повсюду».

Эренбург направился в редколлегия журнала «Знамя» и рассказал о телефонном разговоре со Сталиным. Немедленно из ЦК ВКП (б) Вишневскому по телефону вежливо сообщили, что «произошло недоразумение»⁶⁷. По поводу этого инцидента сам Виш-

⁶⁴ РГАЛИ. Ф. 1038. Оп. 1. Д. 2079. Л. 31.

⁶⁵ Правда. 1941. 1 мая.

⁶⁶ Шейнис Зиновий Савельевич (1913—1992), заведующий иностранным отделом газеты «Труд» (1939—1941).

⁶⁷ Эренбург И.Г. Указ. соч. С. 228.

невский записал в дневнике 5 мая 1941 г.: «Впечатления последних дней. Рассказ Эренбурга о том, как ему позвонили из ЦК и как Сталин беседовал о “Падении Парижа” и пр. Видимо, это *политически нужная тема*» (выделено нами. — *Авт.*)⁶⁸. Интуиция его не подвела: в условиях нарастающего напряжения в советско-германских отношениях тематика, связанная с идеологическим противоборством с Германией, становилась первостепенной.

Между тем в конце 1940 г. Гитлер разрабатывал реальные планы нападения на СССР и демонстративно игнорировал договоренности, достигнутые в 1939 г. между Москвой и Берлином. 1 марта 1941 г. под сильнейшим нажимом со стороны Германии Болгария подписала Тройственный пакт. Немедленно вслед за этим на болгарскую территорию был введен контингент германских войск общей численностью в 680 тыс. человек. Таким образом, развернувшаяся еще в 1940 г. дипломатическая и политическая борьба за влияние на Болгарию между Советским Союзом и Германией завершилась в пользу последней⁶⁹.

В «запасе» у Москвы оставался вариант привлечения на свою сторону Югославии. В ходе произошедшего в этой стране военного переворота в конце марта 1941 г. от власти было отстранено правительство Д. Цветковича, подписавшее накануне Венский протокол о присоединении страны к Тройственному пакту. 5 апреля в Москве между Советским Союзом и Югославией был заключен Договор о дружбе и ненападении⁷⁰. Вслед за этим германские войска вторглись на территорию Югославии, которая 17 апреля 1941 г. была вынуждена капитулировать. Однако с советской стороны не последовало никаких официальных демаршей с осуждением агрессивных действий Берлина. СССР, в конечном счете, проиграл Германии в борьбе за противоборство на Балканах⁷¹.

Несмотря на достигнутые Германией геополитические успехи, Гитлер проявлял явное недовольство действиями Сталина весной 1941 г. Советско-югославский договор, другие (хотя и нерешительные) практические шаги, предпринятые Кремлем в связи с расширением экспансии Третьего рейха на Балканах (например, публикация нелицеприятного для Берлина официального заявления, сделанного в связи

⁶⁸ РГАЛИ. Ф. 1038. Оп. 1. Д. 2079. Л. 29.

⁶⁹ Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939—1941 гг. М., 1999. С. 402—403.

⁷⁰ Документы внешней политики. Т. XXIII. 1940 — 22 июня 1941 г.: В 2 кн. Кн. 2(2). 2 марта — 2 июня 1941 г. М., 1998. Док. № 747. С. 522—523.

⁷¹ Восточная Европа между Гитлером и Сталиным... С. 498—501.

с решением правительства Болгарии дать согласие на введение в страну германских войск⁷²), оставили у фюрера «неприятный осадок».

Одновременно распространялись упорные слухи о приближающейся войне между СССР и Германией. В связи с этим 5 мая 1941 г. Шуленбург в беседе с Деканозовым заявил, что, с одной стороны, подобные слухи следует рассматривать как «взрывчатое вещество», и их необходимо «пресечь», а, с другой — неизвестно, как это можно сделать практически⁷³.

Вечером того же дня, Сталин выступил в Кремле на традиционном приеме по случаю выпуска слушателей военных академий РККА. Данное выступление прозвучало в напряженной атмосфере, не предвещавшей дальнейшего позитивного развития советско-германских отношений.

Вначале Сталин произнес 40-минутную речь, в которой вкратце изложил свое видение создавшейся ситуации, а основное внимание сосредоточил на характеристике боеспособности Красной армии. Отличительной особенностью этого сталинского выступления стала неприкрытая апология советских Вооруженных Сил, сочетавшаяся с пренебрежительно-критической оценкой боеготовности и боеспособности не только англичан и потерпевших сокрушительное поражение французов, но и одержавших ряд побед в военных кампаниях 1939—1941 гг. немцев.⁷⁴ Одновременно антигерманский акцент речи Сталина указал на то, что столкновение между Красной армией и вермахтом было неизбежно.

Затем, уже на банкете в Кремле, советский лидер следующим образом отреагировал на тост одного генерала, предложившего выпить «за мирную сталинскую внешнюю политику». СССР, отметил Сталин, до определенного времени проводил линию на оборону, пока не была перевооружена и снабжена современными средствами борьбы Красная армия. Но отныне, когда она оказалась реконструированной, снабженной «техникой для современного боя», когда Советский Союз набрал силу, следовало «перейти от обороны к наступлению». Квинтэссенцией этой сталинской реплики стала ее итоговая часть: «Проводя оборону нашей страны, мы обязаны действовать наступательным образом. От обороны перейти к военной политике наступательных действий. Нам необходимо перестроить наше воспитание, нашу пропаганду, агитацию, нашу

⁷² Известия. 1941. 4 марта.

⁷³ ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (2). С. 655, 656. Док. № 814.

⁷⁴ 1941 год: В 2 кн. Кн. 2. М., 1998. С. 158—161. Док. № 437.

печать в наступательном духе. Красная армия есть современная армия, а современная армия — армия наступательная»⁷⁵.

Комментируя данное указание И.В. Сталина, Г.В. Костырченко пришел к такому выводу: «По сути, это означало возрождение известного еще с ленинских времен большевистского лозунга о наступательной войне, особенно активно пропагандировавшегося до заключения пакта Риббентропа — Молотова». Костырченко, квалифицируя упомянутые сталинские выступления 5 мая 1941 г. как «сигнал к началу форсированной милитаризации пропаганды», одновременно назвал их «воинственными заклинаниями в узком кругу военных»⁷⁶.

С последним утверждением трудно согласиться. Вызывает возражение тезис об «узком круге военных» как аудитории, к которой обращался Сталин. В действительности на приеме, а затем на банкете, проходившем в Георгиевском, Владимирском и других залах Большого Кремлевского дворца, помимо собственно выпускников 16 военных академий РККА и 9 военных факультетов гражданских вузов, их начальников, профессоров и преподавателей присутствовали также: члены ЦК ВКП (б), народные комиссары, депутаты Верховного Совета СССР, представители высшего командования Вооруженных Сил, Герои Советского Союза, Герои Социалистического Труда⁷⁷.

Но главное — в другом. Общепризнанной специфической особенностью сталинского режима являлось то, что советский вождь практически единолично (либо с привлечением «узкого круга» своих ближайших соратников) принимал важнейшие решения по основным проблемам внутренней и внешней политики. Эти решения, в свою очередь, устно и письменно передавались затем по различным каналам с целью доведения партийных и государственных директив до исполнителей и, в конечном счете, до сознания широких слоев советского общества.

Особую значимость сталинским выступлениям 5 мая 1941 г. придает и то, что, по сути, они являлись *инаугурационными*. Буквально накануне, 4 мая, согласно постановлению Политбюро ЦК ВКП (б) (одобренному путем заочного голосования всеми членами ЦК), Сталин сменил Молотова на посту Председателя Совета Народных Комиссаров, т.е. главы правительства⁷⁸.

---

⁷⁵ Там же. С. 162.

⁷⁶ Костырченко Г.В. Сталин против «космополитов»: власть и еврейская интеллигенция в СССР. М., 2010. С. 220—221.

⁷⁷ Правда. 1941. 6 мая.

⁷⁸ 1941 год. Кн. 2. С. 155. Док. № 436.

Кроме того, упомянутые выступления Сталина перед выпускниками военных академий РККА стали отправной точкой для развертывания очередной политико-идеологической кампании, носившей теперь уже (хотя и скрытый) антигерманский характер. В рамках этой кампании действовали и пропагандистские структуры, отвечавшие за проведение советской культурной дипломатии.

7 мая в Берлине Г.В. Пёрцген беседовал с И.Ф. Филипповым⁷⁹. В ходе разговора Пёрцген посетовал на то, что ему трудно работать в Москве как журналисту, поскольку «он не может получить интересного материала для сообщений». В качестве примера он привел следующий случай. Намереваясь написать статью о структуре и деятельности НКВД, он обратился к Пальгунову с просьбой предоставить информацию о структуре и руководящем составе советского внешнеполитического ведомства, однако тот отказался помочь. В результате германский журналист все-таки написал запланированную статью, но для этого ему пришлось лично обзванивать сотрудников НКВД и узнавать от них, кто каким отделом заведует и кого имеет в заместителях.

В ответ Филиппов заявил Пёрцгену, что в МИД Германии никогда не сообщали работавшим в Берлине советским журналистам сведений о структуре и руководящем составе своего ведомства, а Министерство народного просвещения и пропаганды не предоставляло им никаких данных об издававшихся в Германии и генерал-губернаторстве газетах на украинском, белорусском и русском языках.

В ходе беседы оба ее участника предъявили друг к другу ряд претензий, в частности, касавшихся вопроса об освещении в прессе текущих политических событий. Филиппов отметил, что в газете «Фёлькишер беобахтер» «с давних пор» не появлялось сообщений от ее московского корреспондента, т.е. от Пёрцгена. В ответ тот заявил, что если германские журналисты предпочитают молчать и не пишут о своих «друзьях», то советская печать делала «недружественные выступления по отношению к Германии». В качестве примера он сослался на то, как именно освещались в газете «Красная звезда» военные действия на Балканах, которые вел вермахт против Югославии. В СССР, по словам Пёрцгена, односторонне освещали факты, а комментарии по поводу этой кампании вермахта оказывались «не в пользу Германии». «Советские газеты не от-

---

⁷⁹ Филиппов Иван Филиппович (1907—1989), советский дипломат; заведующий отделением ТАСС в Берлине (1939—22.06.1941).

мечают успехов германских войск», — с таким упреком выступил корреспондент нацистского официоза⁸⁰.

Пёрцген не знал (да и не мог знать), что в это время уже начала набирать обороты политико-идеологическая кампания, которая проводилась в духе сталинских указаний, данных 5 мая 1941 г. В частности, секретарь ЦК ВКП (б) А.С. Щербаков провел важное совещание с представителями СМИ (8—9 мая), в ходе которого разъяснил цели их предстоящей работы.

С закрытыми докладами и лекциями выступали представители государственных структур, разъясняя основные задачи по перестройке пропаганды. Так, 6 мая 1941 г. заместитель народного комиссара иностранных дел СССР А.Я. Вышинский прочел лекцию для своих подчиненных, расставив «некоторые акценты», которыми в дальнейшем руководствовался Н.Г. Пальгунов при подготовке документа «Предложения о мероприятиях по освещению вопросов международного положения»⁸¹.

Этот документ был «навешан» также докладом Щербакова на вышеназванном совещании с работниками СМИ⁸². Первый и наиболее важный раздел тезисов данного доклада — «Воспитание армии и народа» — начинался с такой формулировки: «Лозунг — наступательной войны». В третьем разделе имелся сходный пункт — «Лозунг обороны, лозунг наступления. Готовить политику войны». Понятно, что подобного рода обороты вытекали из сталинской антитезы «оборона — наступление», озвученной на банкете в Кремле. Опираясь на нее, секретарь ЦК хотел, скорее всего, в контексте идеологической подготовки СССР к войне, акцентировать внимание аудитории на смене оборонительных лозунгов на наступательные.

Примечательно, что Щербаков, работая во второй половине мая 1941 г. над текстом директивы ЦК ВКП (б) «О ближайших задачах пропаганды», ссылаясь на следующее ленинское положение: «Страна социализма, используя благоприятную сложившуюся обстановку, должна и обязана будет взять на себя инициативу наступательных военных действий против капиталистического окружения с целью расширения фронта социализма». В условиях крайнего обострения ситуации на мировой арене (в связи расширением театра военных действий между Германией и Англией), по утверждению Щербакова, «ленинский лозунг “На чужой земле за-

⁸⁰ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3 АВТО. П. 6. Д. 57. Л. 119—120.

⁸¹ Там же. Л. 121—124.

⁸² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 128. Л. 35—44.

щищать свою землю” может в любое время обратиться в практическое действие»⁸³.

Следует отметить, что не встречающаяся в записях сталинских выступлений 5 мая 1941 г., а принадлежавшая Ленину формулировка «На чужой земле защищать свою землю» широко использовалась в ходе развернувшейся в СССР политико-идеологической кампании. Об этом свидетельствует содержание двух докладных записок Пальгунова. Первая из них, направленная Молотову 9 мая, явно «навеяна» впечатлениями от совещания, которое проводил Щербаков с представителями СМИ. Пальгунов, сообщал, что «в связи с выступлением тов. Сталина на заседании в Кремле, посвященном выпуску военных академий и факультетов», УПА ЦК ВКП (б) предложило ему «представить свои соображения и предложения относительно мероприятий, которые должны быть в ближайшее время проведены в нашей печати». В приложении к этому письму Пальгунов представил список подобного рода предложений и просил Молотова разрешить передать их на рассмотрение в Управление пропаганды и агитации ЦК партии⁸⁴.

По мнению Пальгунова, советская областная и районная печать (малодоступная иностранцам, в том числе немцам) должна была «показать, что при известных обстоятельствах нужна наступательная тактика». Среди предложенных им мероприятий по освещению международного положения упоминалось следующее. Пресс-бюро «Правды» следовало разослать «в течение ближайшего полумесяца областным, городским и районным газетам» статьи по нескольким темам (в их числе — «Клязуевиц⁸⁵ о наступлении и обороне»). При этом исполняющий обязанности заведующего отделом печати НКВД призвал использовать ленинские маргиналии («на полях книги Клязуевица — “На чужой земле защищать свою землю”»)⁸⁶. Напомним, что эта формулировка содержалась в тезисах Ленина по поводу книги «Война», автором которой являлся немецкий военный теоретик XIX в. К. Клаузевиц, перешедший на русскую службу⁸⁷.

Молотов удовлетворил просьбу Пальгунова, и уже 10 мая тот направил свои вышеизложенные предложения в УПА ЦК

⁸³ Две директивы 1941 г. о пропагандистской подготовке СССР к войне // Археологический ежегодник за 1995 год. М., 1997. С. 200. Док. № 1.

⁸⁴ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3 АВТО. П. 6. Д. 57. Л. 121—124.

⁸⁵ Правильно: Клаузевиц.

⁸⁶ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3 АВТО. П. 6. Д. 57. Л. 123.

⁸⁷ Ленинский сборник. 2-е изд. Вып. 12. М.: Л., 1931. С. 417.

ВКП (б) — А.А. Пузину⁸⁸. Характерно, что этот документ был снабжен собственноручной пометой Пальгунова: «Срочно. С нарочным», причем эту помету, очевидно, исходя из ее значимости, он дважды подчеркнул красным карандашом⁸⁹.

Что касается встречающейся в обеих докладных записках Пальгунова ленинской формулировки «На чужой земле защищать свою землю», то, несомненно, она была «спущена» куратором УПА ЦК ВКП (б) Щербаковым. Скорее всего, тот довел ее до сведения представителей СМИ на совещании 8—9 мая, она же зафиксирована и в упомянутом проекте директивы ЦК ВКП (б) «О ближайших задачах пропаганды».

28 мая 1941 г. Вышинский принял Шуленбурга. В ходе 25-минутной беседы первый заместитель наркома иностранных дел СССР среди прочего затронул и вопрос о переговорах относительно германского имущества, находившегося в СССР. Он вручил Шуленбургу ответ на меморандум посольства Германии в Москве от 22 мая. Немецкая сторона, в частности, выдвигала требования о передаче ей научного наследия российского академика Э. фон Берга; остеологической и палеонтологической коллекций профессора Тартуского ветеринарного института Розенберга; картин профессора Российской академии художеств и хранителя собраний Эрмитажа Т.А. Неффа; материалов, связанных с именем героя обороны Севастополя 1854—1855 гг. генерала Э.И. Тотлебена. В советском меморандуме, врученном Вышинским Шуленбургу, подчеркивалась необоснованность всех этих требований⁹⁰.

Упомянутая беседа — едва ли не последняя из тех, где рассматривались вопросы, относившиеся к культурным связям между Москвой и Берлином. Чуть более трех недель после этого разговора, 22 июня 1941 г., Гитлер, нарушив договор о ненападении, развязал против Советского Союза кровопролитную и разрушительную войну.

В целом, в 1939—1941 гг. так и не удалось возобновить культурные связи, существовавшие между СССР и Германией в период Веймарской республики. Советско-германские дипломатические договоры августа—сентября 1939 г. не были дополнены официальными соглашениями о сотрудничестве в области культуры. Хотя некоторые сдвиги в данном направлении наблюдались (прежде

⁸⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 60. Л. 59—61. Пузин Алексей Александрович (1904—1987), заместитель начальника, заведующий отделом печати Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП (б) (1940—1942).

⁸⁹ Там же. Оп. 25. Д. 60. Л. 58.

⁹⁰ СССР — Германия: 1933—1941. С. 335, 337.

всего, это касалось научных контактов, обмена книгами и информацией о литературе и искусстве обеих стран), но на пути советской культурной дипломатии стояло объективное препятствие: нацистское руководство не желало активизации связей, поскольку считало непреодолимыми идеологические разногласия с советским режимом. Выдвинутый Кремлем осенью 1939 г. лозунг «о дружбе народов СССР и Германии» и развернувшаяся политико-идеологическая кампания по его осуществлению воспринимались в Берлине настороженно, со скрытой враждебностью.

Ухудшение советско-германских отношений, начавшееся после официального визита главы советского правительства в столицу Германии в ноябре 1940 г., привело к тому, что этот лозунг по существу был снят с повестки дня. Экспансия Гитлера на Балканах весной 1941 г., которая шла вразрез с геополитическими интересами СССР, и все нарастающая напряженность между Берлином и Москвой предвещали неизбежное вооруженное столкновение. В этих условиях в начале мая Сталин выдвинул пропагандистский лозунг — о подготовке к наступательной войне. Однако развернувшаяся было новая политико-идеологическая кампания, носившая уже антигерманский характер, в условиях существования пакта Риббентропа — Молотова оказалась малоэффективной. В сложнейшей международной обстановке Кремль был вынужден соблюдать конспирацию (прежде всего, в открытой периодической печати). Тем более что в Берлине внимательно следили за содержанием публикаций центральных советских газет. Поэтому развернуть данную кампанию с использованием всех возможностей политико-пропагандистского аппарата, с привлечением средств культурной дипломатии, так и не удалось. В конечном счете она была прервана с началом войны Германии против Советского Союза.

§ 2. На фоне ухудшения взаимоотношений с Западом

Накануне Великой Отечественной войны внутри- и внешнеполитические акции советского руководства оказывали большое (преимущественно, негативное) влияние на развитие культурных связей с крупнейшими западными державами — Великобританией и Соединенными Штатами Америки. Доверие к СССР было подорвано после подписания упоминавшихся ранее советско-германских дипломатических соглашений.

Постоянно ухудшались отношения с Великобританией. Во многом это обуславливалось антибританской позицией Сталина. Он негативно высказывался в адрес Англии, например, в ходе прошедших в Москве переговоров с Риббентропом 28 сентября 1939 г.⁹¹ В подобном ключе была настроена и советская внутривластная пропаганда: с подачи Сталина и Молотова Великобритания и Франция попали в разряд государств, считавшихся «поджигателями войны».

Не случайно работавшая по заданию УПА ЦК ВКП (б) комиссия, анализирувавшая содержание публикаций русскоязычного издания журнала «Интернациональная литература», посчитала правильным, что в статье Т.А. Рокотова⁹² (№ 3—4 за 1940 г.) имелась «вполне законная резкость политических формулировок, лишенная всяких околичностей характеристика современной буржуазной зарубежной прессы, буржуазных политических деятелей и т.п.». Автор позволил себе, согласно определению ревизора Орловой, «такие злобные словечки», как «лживая англо-французская пропаганда», «прожженный агент английского империализма», «звериная ненависть “Таймса”, этого лейб-органа британского империализма» и т.п.⁹³

Цензура бдительно следила за тем, какой характер носили материалы официальной британской прессы, связанные с СССР. Просматривалась и анализировалась также периодика других стран Запада (в частности, США). Цензоры болезненно реагировали на недружественные, негативные на их взгляд, оценки внешней и внутренней политики Советского государства. В период, когда Вторая мировая война уже охватила целый ряд стран Европы, органы цензуры предпринимали попытки воспрепятствовать распространению за границей сведений о внутреннем положении СССР, мотивируя это стремлением сохранить государственную тайну. В некоторых случаях подобного рода запреты расценивались как чрезмерные даже некоторыми чиновниками НКВД. 8 января 1941 г. Н.Г. Пальгунов обратился к В.М. Молотову с письмом, в котором сообщил о неуместной, по его мнению, инициативе начальника Главлита Н.Г. Садчикова. Он предложил ЦК ВКП (б) запретить вывоз за границу 60 наименований советских периодических изданий (главным образом, ведомственных и специальных), выпускавшихся в Москве. УПА ЦК партии рекомендовало отделу

⁹¹ ДВП СССР. Т. XXII. Кн. 2. М., 1992. С. 609—610. Прим. 225.

⁹² Рокотов Тимофей Арнольдович (Адольфович) (1895—1945), ответственный редактор журнала «Интернациональная литература».

⁹³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 32. Л. 106.

печати НКВД «определить отношение» внутривластного ведомства к «предложенной Главлитом мере».

Пальгунов в упомянутом письме просил дать указания по данному вопросу и одновременно изложил свою точку зрения. Он считал, что предложение Главлита следовало отклонить «как совершенно не достигающее той цели, которую оно преследует». По мнению Пальгунова, аккредитованные в Москве дипломатические миссии и иностранные корреспонденты были вправе выписывать или приобретать советские периодические издания, распространявшиеся по открытой подписке. Запрещение вывоза этих печатных материалов за рубеж, считал он, повлечет за собой лишь изменение способа проникновения их за границу — они будут отправляться из Советского Союза не простой почтой, а дипломатической. Кроме того, рассуждал Пальгунов, подобный запрет неизбежно приведет зарубежные страны к ответным мерам, а это, в свою очередь, создаст риск лишения СССР «возможности получать серьезную техническую литературу из-за границы». Молотов согласился с мнением Пальгунова⁹⁴.

Как уже отмечалось, политико-идеологическая кампания под лозунгом наступательной войны, начатая в мае 1941 г., разворачивалась с соблюдением конспирации, под бдительным оком руководящих сотрудников партийно-пропагандистских структур и прикрытием советских цензурных органов. В задачу последних входило стремление «не раскрыть карты врагу» до времени, не дать повода не только Германии, но и западным державам обвинить СССР в военных приготовлениях. Однако определенная «утечка» информации по этому вопросу все-таки произошла, а «виновниками» ее оказались британские СМИ.

17 мая 1941 г. в передовой статье газеты «Комсомольская правда» были даны прямые ссылки на недавнюю речь Сталина перед выпускниками военных академий, в которой вождь подчеркнул, что «на основе опыта современной войны Красная Армия перестроилась организационно и серьезно перевооружилась». В этой статье содержался призыв «еще более разжечь интерес молодежи к военной истории нашей родины, привить вкус к военной книге, на героических примерах воспитывать молодежь в боевом наступательном духе советских воинов»⁹⁵.

На следующий день редколлегия «Комсомольской правды» предоставила возможность выступить на своих страницах В.Н. Ка-

⁹⁴ АВР РФ. Ф. 06. Оп. 3 АВТО. П. 6. Д. 57. Л. 22.

⁹⁵ Готовить молодежь к военной службе // Комсомольская правда. 1941. 17 мая.

шубе⁹⁶, который, в частности, утверждал: «В бою особенно ярко и полно раскрываются замечательные черты людей сталинской эпохи: воинственный, наступательный дух, умение наносить стремительный и сокрушительный удар всему, что мешает нам двигаться вперед, умение уничтожить, снести с лица земли любые препятствия при достижении цели»⁹⁷.

На фоне упомянутых публикаций, казалось бы, как вполне рутинная должна была восприниматься статья полкового комиссара И. Баканова, помещенная в той же газете под рубрикой «Консультация»⁹⁸. Она настраивала на всемерное развитие качеств, необходимых в экстремальных военных условиях. Следует отметить, что Баканов не был новичком в освещении темы, связанной с «ленинско-сталинским учением о войне», его публикации появлялись, например, на страницах журнала «Пропагандист и агитатор РККА»⁹⁹.

Его статья в «Комсомольской правде» начиналась с традиционного для советской пропаганды утверждения: не та сторона ведет несправедливую войну, которая напала первой, а та, которая «является представителем реакции, контрреволюции, империализма». «Всякая революционная война является справедливой войной», — делал вывод полковой комиссар. Далее, ссылаясь на Молотова, он указывал на необходимость «ещё настойчивее крепить мощь обороны» СССР и «боевой наступательный характер советского народа». Первый и самый важный предварительный итог новой «империалистической войны», по словам автора статьи, состоял в том, что «в военном отношении» не следует уступать своим противникам. «Красная Армия, — подчеркивал он, — должна быть самой сильной армией в мире. Современная международная обстановка обязывает нас серьезно, изо дня в день готовиться к войне». Затем Баканов ссылался на ту часть сталинского выступления перед выпускниками военных академий 5 мая 1941 г., где речь шла о завершении процесса перестройки и перевооружения РККА. Полковой комиссар выступил против «пацифистских настроений», которые якобы навязывались «некоторыми агитаторами».

---

⁹⁶ Кашуба Владимир Несторович (1900—1963), участник «Зимней войны», Герой Советского Союза (15.01.1940); генерал-майор танковых войск (04.06.1940).

⁹⁷ Кашуба В.Н. Люди сокрушительного натиска // Комсомольская правда. 1941. 18 мая.

⁹⁸ Баканов И. Учение Ленина — Сталина о войне // Там же. 21 мая.

⁹⁹ Он же. Военные вопросы в «Кратком курсе истории ВКП(б)» // Пропагандист и агитатор РККА. 1939. № 24. С. 4—9; Он же. Марксистско-ленинская теория и военное дело // Там же. 1940. № 3. С. 6—12.

Примечательно, что предназначавшаяся исключительно «для внутреннего потребления» статья Баканова вызвала неожиданную реакцию на Западе. 23 мая 1941 г. из Лондона по линии ТАСС была получена информация под заголовком «Агентство Рейтер о статье в “Комсомольской правде”». Московский корреспондент Рейтера передавал, что активное обучение допризывников, которые «уже являются хорошими летчиками или хорошими стрелками», и другие факты свидетельствуют о подготовке СССР к войне. Здесь же приводились обширные пассажи из статьи Баканова о необходимости повседневно готовиться к ней, искореняя проявления пацифизма, борясь со всем, что тормозит укрепление обороноспособности СССР. «Тассовка», полученная вскоре из английской столицы, имела заголовок «“Морнинг пост” о статье Баканова». В этом сообщении давались выдержки из публикации в газете «Дейли телеграф энд Морнинг пост», также пересказывавшей (с комментариями) материал, появившийся 21 мая в «Комсомольской правде». Московский корреспондент британской газеты, подчеркивая, что в этой статье Англия и ее союзники не назывались уже «поджигателями войны», расценивал это «как знаменательную перемену в советской политике» и партийной пропаганде, способствующую «укреплению советского национального чувства» в период, когда СССР находится вне войны, но обязан «смотреть опасности в лицо».

Сильный резонанс, который имела в Англии статья Баканова, не на шутку встревожил руководство партийных структур. 23 мая состоялось заседание Секретариата ЦК ВКП (б), на повестке дня которого стоял единственный вопрос: «О “Комсомольской правде”». Проект постановления по этому вопросу состоял из пяти пунктов. Было признано, что редакция газеты нарушила установленный порядок опубликования статей на внешнеполитические темы, проявив «беспечность и политическое легкомыслие». За это Н.Н. Данилов¹⁰⁰ получил выговор, а работавшие в газете Ц.А. Степанян¹⁰¹ и Я.М. Кадер были уволены.

УПА ЦК ВКП (б) и ЦК ВЛКСМ получили замечание в свой адрес за то, что недостаточно хорошо контролировали содержание периодических изданий, в частности, «Комсомольской правды». На УПА возлагалась обязанность «обеспечить строгий контроль за пуб-

¹⁰⁰ Данилов Николай Николаевич (1905—1970), главный редактор газеты «Комсомольская правда» (03.1940—03.1942).

¹⁰¹ Степанян Цолак Александрович (1910/11—2002), член редколлегии, заведующий отделом пропаганды газеты «Комсомольская правда» (1939—24.05.1941).

ликациями статей, затрагивающих внешнеполитические вопросы, исключая всякую возможность повторения подобных ошибок в газетах». Проект постановления был внесен на рассмотрение Политбюро ЦК ВКП (б), которое утвердило его 24 мая 1941 г.¹⁰²

Публикация Баканова, по сути, дезавуировала политико-идеологическую кампанию под лозунгом наступательной войны, развернувшуюся в СССР в сложнейшей международной обстановке. Следует обратить внимание на то, что после рассмотрения «дела «Комсомольской правды»» на Секретариате и Политбюро ЦК ВКП (б) серьезные взыскания получили лишь сотрудники газеты, а сам автор на шумевшей статье остался в стороне. Однако трудно себе представить, чтобы полковой комиссар передал в редколлегию газеты текст своей публикации без предварительного указания «сверху».

Работавшие в Москве журналисты — представители крупнейших информационных агентств и газет западных стран — повседневно испытывали большие затруднения в получении информации об СССР. Во многом это обуславливалось действиями советской цензуры. В данной связи несомненный интерес представляет запись от 15 февраля 1941 г., сделанная в служебном дневнике Н.Г. Пальгунова. В тот день к нему с жалобой пришел корреспондент американского информационного агентства Юнайтед Пресс И.Г. Шапиро. Он изложил претензии, касавшиеся доступа иностранных репортеров к информации, и заявил, что теперь у них нет возможности «комментировать в желательном духе события и акты советской внешней и внутренней политики». Упрек западного журналиста конкретно сводился к тому, что Народный комиссариат иностранных дел, отдел печати внешнеполитического ведомства «почему-то не желают использовать иностранных корреспондентов из числа тех, которые благосклонно относятся к Советскому Союзу, симпатизируют ему». Цензура, по словам Шапиро, столь же внимательна к благожелательным по своему содержанию сообщениям из Москвы о жизни в СССР, «как и ко всем остальным телеграммам»¹⁰³.

5 марта 1941 г. Пальгунов сообщил Молотову о том, что представитель американской компании Нейшнл Бродкастинг Г. Габихт просил разрешить ему передать для американских радиослушателей короткий политический репортаж о жизни в Советском Союзе. В обоснование просьбы Габихт сослался на исключительный интерес, который

¹⁰² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 117. Д. 278. Л. 2; Оп. 121. Д. 117. Л. 6—10.

¹⁰³ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3 АВТО. П. 6. Д. 58. Л. 27.

проявляли в США к СССР. «В Америке, — утверждал он, — хотели бы слышать из уст находящегося в Москве американца объективную информацию о положении и политике Советского Союза». Габихт даже пообещал, что если ему будет разрешено подобное выступление по радио, он не произнесет «ни одного слова» сверх того, что ему разрешит советская цензура. Однако, несмотря на неоднократные обращения в отдел печати НКВД, эта просьба была отклонена¹⁰⁴.

О затруднениях в своей журналистской деятельности вновь говорил Шапиро в беседе с Пальгуновым, состоявшейся вечером 17 апреля 1941 г. Репортер Юнайтед Пресс констатировал, что в последнее время его работа «несколько улучшилась» в том смысле, что цензоры «не задерживают так долго, как это имело место ранее, тех телеграфных сообщений иностранных корреспондентов, которые сделаны или на основании официальных советских материалов, или же по материалам, опубликованным в советской печати». Однако не допускались к публикации практически никакие комментарии, а также всевозможные «частные сведения» и слухи, поступавшие к иностранным журналистам зачастую «из абсолютно достоверных источников». Шапиро указывал и на определенные действия советской цензуры, которые он обозначил как «случаи придиричivosti». Так, цензоры разрешили передать американскому репортеру сведения о работе и итоговых решениях XVIII-й конференции ВКП (б), предварительно опубликованные в советской печати, но «без малейших комментариев и дополнений»¹⁰⁵.

Советская цензура строго следила и за тем, какого рода материалы, содержавшие информацию об СССР, появлялись на страницах специализированных изданий, выходивших в Москве на русском и английском языках. В первую очередь, ее внимание привлек журнал «Интернациональная литература».

Особенно усложнилось положение членов редколлегии этого издания в связи с резко изменившейся политической ситуацией, связанной с началом сближения Советского Союза и нацистской Германии после пакта Риббентропа — Молотова и с усилением антибританской пропаганды в СССР. С осени 1939 г. исполнявший обязанности ответственного редактора русскоязычной версии «Интернациональной литературы» Т.А. Рокотов неоднократно обращался к руководству УПА ЦК ВКП (б) с просьбой уточнить и конкретизировать задачи издательской политики, возникшие «в связи с новой международной обстанов-

¹⁰⁴ Там же. Л. 42, 44, 69, 71; П. 6. Д. 57. Л. 62.

¹⁰⁵ Там же. П. 6. Д. 58. Л. 82.

кой»¹⁰⁶. Однако он так и не дождался ответа на свои послания. Вместо необходимых разъяснений последовала всесторонняя проверка содержания материалов журнала со стороны партийных органов. В конце декабря 1940 г. после ревизии деятельности по распространению печатной продукции был сделан вывод о том, что ни ЦК ВКП (б), ни Секретариат Исполнительного Комитета Интернационала, ни НКВД ни разу не обсудили вопроса о том, как именно работает «Интернациональная литература», печатает ли она то, что «требуют задачи нашей пропаганды для заграницы»¹⁰⁷. УПА ЦК партии создал специальную комиссию для обследования работы редколлегии этого издания.

После начала Второй мировой войны, как отмечалось в итоговом документе по результатам работы упомянутой комиссии (март 1941 г.), журнал «вынужден был резко изменить ориентацию» (т.е. отказаться от своей прежней антифашистской направленности) и в итоге «потерял связь с крупнейшими европейскими и американскими мастерами культуры, почти перестал <...> печатать значительные новинки современной иностранной литературы, восполняя образовавшийся пробел обильными публикациями историко-литературного характера»¹⁰⁸. «С одной стороны, — отмечалось в документе, — развитие военных событий вывело временно из строя ряд стран и соответствующих национальных литератур. Единый фронт писателей, в его прежнем виде перестал существовать. С другой стороны, неизмеримо вырос международный авторитет Советского Союза и интерес к нему со стороны трудящихся масс и интеллигенции зарубежных стран, наконец, возник целый ряд препятствий цензурного характера для распространения такой литературы, которая имела в предшествующую эпоху сравнительно свободное хождение в буржуазных странах». Однако руководство «Интернациональной литературы», по мнению комиссии, не учло подобных изменений и не перестроило «соответственно всей своей работы».

Между тем «новые условия повелительно диктовали» необходимость заняться, в первую очередь, «пропагандой за границей советской литературы и культуры вообще, причем делать это в умелой тактичной форме. Только в этом случае деятельность журнала могла бы оставаться плодотворной и отвечающей основным требованиям настоящего времени». Вывод итогового документа комиссии УПА ЦК ВКП(б) сводился к следующему: «Основное место в журнале должны были тем

¹⁰⁶ РГАЛИ. Ф. 1397. Оп. 5. Д. 69. Л. 8—8 об., 11—11 об.

¹⁰⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 11. Л. 122.

¹⁰⁸ Там же. Л. 108.

самым (здесь и далее подчеркнуто в документе карандашом. — *Авт.*) занять переводы лучших произведений советских авторов и информация о культурной жизни народов СССР. Этой необходимой перестройки работы с учетом происходящих международных событий редакция «И[нтернациональной] Л[итературы]» не произвела. Она продолжала придерживаться старого понимания своих целей, хотя выполнение этих целей стало невозможно. Поэтому журнал в сущности потерял всякую ориентацию на читателя и превратился в эклектический орган, не пропагандирующий ни советской, ни мировой литературы. Эта полная дезориентированность журнала сказывается и в его политической линии: крикливая политическая фразеология не только является бестактной в журнале, рассчитанном на иностранного читателя, но и прикрывает, в сущности, аполитичность журнала, неумение и нежелание поставить правильный акцент на крупнейших явлениях советской жизни и культуры». Среди прочих было зафиксировано и следующее замечание: в «Интернациональной литературе» отсутствовали статьи «о современных иностранных писателях, между тем как в ряде писем писатели Америки и Англии настойчиво просят редакцию дать оценку их творчеству и творчеству советских писателей»¹⁰⁹.

Указанные недостатки, по мнению членов проверочной комиссии УПА ЦК ВКП (б), возникли и из-за низкого уровня компетентности исполнявшего обязанности редактора английского издания этого журнала Рокотова, который не владел английским языком. Помимо этого, обложка англоязычного издания «Интернациональной литературы», как считали проверяющие, была оформлена безвкусно и годилась лишь «для дешевого бульварного романа»¹¹⁰.

7 июня 1941 г. Пальгунов в уже упоминавшейся докладной записке «О распространении периодических изданий...» упомянул не только «Интернациональную литературу», но и кратко охарактеризовал другие выходившие в Москве журналы и газеты, предназначенные для английских и американских читателей. По мнению Пальгунова, из всех англоязычных изданий, выпускавшихся в СССР, особого внимания заслуживала богато иллюстрированная еженедельная газета «Москоу ньюс». Она редактировалась «применительно к американским стандартам» и распространялась за границей большим тиражом: в США — 10 тыс. экз., в Англии — 2 092 экз. В то же время около половины ее тиража, подчеркивал

---

¹⁰⁹ Там же. Л. 79.

¹¹⁰ Там же. Л. 80.

Пальгунов, «оседала постоянно в СССР» и предназначалась, главным образом, для учащихся технических вузов и «различных школ и институтов иностранных языков». По его словам, газета «Москоу ньюс» «живо, но не совсем удачно» откликнулась «на крупнейшие события в жизни Советского Союза».

Следующим англоязычным изданием, упоминавшимся в этом документе, был ежемесечник «Совет лэнд». Он редактировался «с бóльшей тщательностью», чем «Москоу ньюс», отличался богатством иллюстраций, выходил на хорошей бумаге. Его недостатки сводились к тому, что он являлся своего рода литературно-политическим альманахом и имел мизерный тираж. Так, в Англию направлялось 180 экз. этого ежемесечника, а в США — лишь 32 экз., значительно меньше, чем, например, в Центральный Китай, куда уходило 515 экз.

Пальгунов особо акцентировал внимание и на англоязычном издании журнала «Интернациональная литература». В полном соответствии с выводами комиссии относительно деятельности этого издания, он начал свою характеристику со следующих замечаний: «Журнал должен был поставить перед собой в качестве основной задачи пропаганду успехов советской литературы и советского искусства и лишь формы ради — незначительную часть своих страниц заполнять произведениями иностранной литературы. Однако, на практике журнал недостаточно стремится к осуществлению своей основной задачи и в итоге за текущий год в первых трех вышедших номерах <...> из произведений советской литературы мы встречаем лишь перевод пьесы “Фельдмаршал Суворов”¹¹¹, перевод нескольких рассказов Пришвина, перевод двух очерков писателей Западной Украины Гаврилюка¹¹² и Землинской, перевод рассказа украинского писателя Олекси Десняка¹¹³ и рассказа Паустовского». В то же время в издании было помещено достаточно много очерков и рассказов писателей-эмигрантов (главным образом, испанцев и немцев). Ситуация «с показом достижений Советского Союза в области искусства», писал Пальгунов, обстояла лучше. В качестве примера приводился «репортаж о событиях в литературной и художественной жизни СССР и отдельных союзных республик».

Согласно данным, полученным Пальгуновым, за границу направлялись 1 868 экз. англоязычного издания «Интернациональ-

¹¹¹ «Фельдмаршал Суворов», пьеса Л.И. Раковского.

¹¹² Гаврилюк Александр Акимович (1911—1941), украинский писатель и публицист.

¹¹³ Десняк Олекса (Алексей Игнатович Руденко) (1909—1942), украинский писатель.

ной литературы»¹¹⁴. Максимальная рассылка приходилась на Соединенные Штаты Америки (№ 3 за 1941 г. был направлен в эту страну в количестве 1 037 экз.). Англия стояла в списке получателей журнала на третьем месте после США и Китая (152 экз.)¹¹⁵.

Следующим в докладной записке Пальгунова упоминался ежемесячный журнал «СССР на стройке». В нем помещались исключительно фотографии, характеризовавшие культурное и хозяйственное строительство в СССР, сопровождавшиеся текстами на английском языке. «Бюллетень ВОКС», названный в документе «особым типом издания», на английском языке выпускался тиражом в 1 400 экз., из которых, по сведениям Пальгунова, в США направлялось 570 экз., а в Англию — 250 экз.¹¹⁶

Причинами затруднений, которые испытывала советская культурная дипломатия в связи с попытками продвижения печатных изданий на Запад, стали не только их мизерные тиражи за границей или содержащиеся в них «идеологически невыдержанные» публикации, но и осложнения, вызванные другими обстоятельствами. Например, негативную роль в развитии советско-британских культурных связей сыграла возникшая в связи с войной проблема доставки печатной продукции из Москвы в Лондон. Об этом, в частности, свидетельствует содержание двух писем, отдельно отправленных 19 мая 1941 г. в Англию представителями руководства ВОКС В.С. Кеменовым и Л.Д. Кисловой¹¹⁷. Первое из них было адресовано советскому послу И.М. Майскому, второе — В.Б. Барковскому.

Кеменов писал Майскому: «Связь с Англией сейчас так затруднена, что, к сожалению, мы не можем регулярно помогать Обществу¹¹⁸ и особенно [его] журналу посылкой нужных материалов»¹¹⁹. А Кислова в письме на имя Барковского подчеркивала: «Вы понимаете, что мы готовы посылать Вам все что нужно для работы ОКСа <....>, но во-первых, обстановка такова, что то мероприятие,

¹¹⁴ В заключительном документе комиссии УПА ЦК ВКП (б) подчеркивалось, что из общего тиража англоязычного издания «Интернациональной литературы» в 4 700 экз. за границу отправлялось лишь 1 850 экз. См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 32. Л. 100.

¹¹⁵ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3 АВТО. П. 6. Д. 57. Л. 217—219.

¹¹⁶ Там же. Л. 223.

¹¹⁷ Кислова Лидия Дмитриевна (1899—1987), заведующая Англо-американским отделом ВОКС.

¹¹⁸ Имеется в виду английское Общество культурных связей с СССР.

¹¹⁹ АВП РФ. Ф. 69. Оп. 25. П. 74. Д. 38. Рубрика «Переписка по вопросам ВОКС, 1941 год». Л. 13.

которое реально сегодня, может оказаться нереальным завтра и, во-вторых, транспортная связь наша с Англией настолько затруднена, что мы не знаем что и как до Вас доходит»¹²⁰.

Кеменов в переписке с Майским называл Барковского «наш уполномоченный»¹²¹, т.е. представитель ВОКС. На самом деле Владимир Борисович Барковский (1913—2003) в 1941—1946 гг. работал в Англии в качестве оперативного сотрудника лондонской резидентуры советской разведывательной службы под дипломатическим прикрытием (имел должность атташе посольства СССР в Лондоне). Он занимался научно-технической разведкой, приобрел ряд источников, посредством которых получил важную секретную информацию, в частности, по проблеме разработки и создания атомного оружия¹²².

Так или иначе, работа по поддержанию культурных связей с Великобританией накануне Великой Отечественной войны велась ВОКС в условиях, когда его активность целиком и полностью зависела от степени содействия, оказывавшегося сотрудниками посольства СССР в Лондоне. Ведь Кеменов и его заместители и в плане номенклатурной субординации занимали положения ниже, чем руководящий состав НКВД.

Помимо транспортных затруднений, вызванных состоянием войны между Англией и Германией, в переписке ВОКС с советским посольством в Лондоне упоминались и более серьезные обстоятельства, осложнявшие советско-британский культурный обмен. Они вытекали из различий (чаще всего — коренных) в политических взглядах партнеров, осуществлявших этот обмен.

В упомянутом письме на имя И.М. Майского председатель правления ВОКС Кеменов, в частности, привел следующий факт. В одном из номеров журнала, издававшегося ОКС, была помещена рецензия на IV книгу романа М.А. Шолохова «Тихий Дон». Кеменов соглашался с тем, что автор рецензии К. Маршал имел право «высказывать свои суждения о художественных и стилистических недостатках романа». Однако возражение со стороны председателя правления ВОКС вызвало то, что рецензент английского издания книги Шолохова «представляет Донское казачество страдальцами, находящимися между белыми, “которые хотят их эксплуатировать” и красными <...> хотя навязать им интернациональную политическую систему»». «Та-

---

¹²⁰ Там же. Л. 12.

¹²¹ Там же. Л. 13.

¹²² Антонов В.С. Служба внешней разведки. История, люди, факты. М., 2013. С. 125—126.

кого рода обобщения, — рассуждал Кеменов, — могли быть напечатаны в буржуазной прессе, но в журнале ОКСа такое утверждение будет дезориентировать близких нам читателей не по вопросу о стилистике, а по существу истории гражданской войны». По его мнению, целесообразнее было опубликовать в очередном номере упомянутого журнала еще одну рецензию (но написанную другим автором), «правильно (выделено нами. — Авт.) освещающую этот вопрос»¹²³.

Помимо публикации «Тихого Дона» английское ОКС выступило с инициативой издать в Великобритании мемуары А.А. Игнатъева. На это указал Ф.Т. Гусев¹²⁴ в письме к Н.Г. Пальгунову от 1 февраля 1941 г., ссылаясь на сообщение Майского. Гусев считал, что «дальнейшее продвижение этого вопроса для доклада» Вышинскому мог бы взять на себя отдел печати НКВД. 25 февраля последовала докладная записка Пальгунова и Гусева на имя Вышинского. Оба заведующих отделами НКВД сообщили заместителю наркома свое солидарное мнение: инициативу английского ОКС по изданию мемуаров Игнатъева поддерживать не следует, поскольку «ряд содержащихся в книге глав могут дать повод для всевозможных кривотолков и выпадов в буржуазной печати». В этих воспоминаниях, по мнению Гусева и Пальгунова, содержались «подчеркнуто претенциозные заявления о российской политике накануне войны 1877 года на Балканах, мрачными красками живописуется командный состав российской армии, имеется немало выпадов против Англии и т.д.»¹²⁵.

В Соединенных Штатах Америки, как и в Великобритании, советская культурная дипломатия в конце 1930-х гг. сталкивалась в своей деятельности, прежде всего, с проблемами политического и идеологического характера. Позднее, уже в период Великой Отечественной войны представители руководства, сотрудники НКВД и ВОКС неоднократно излагали постфактум те обстоятельства, которые привели к свертыванию культурных связей с США в предвоенный период. Об этом говорилось, например, в справке, подготовленной 2 апреля 1943 г. сотрудниками советского дипломатического представительства в США и посвященной деятельности Американско-русских институтов (АРИ) — общественных организаций, члены которых в целом симпатизировали советскому строю. В документе отмечалась боль-

¹²³ АВП РФ. Ф. 69. Оп. 25. П. 74. Д. 38. Л. 14.

¹²⁴ Гусев Фёдор Тарасович (1905—1987), дипломат; заведующий 2-м европейским отделом НКВД; посол СССР в Канаде (1942—1943) и в Великобритании (1943—1946).

¹²⁵ АВП РФ. Ф. 69. Оп. 25. П. 74. Д. 39. Рубрика «Издание “50 лет в строю” Игнатъева в Англии». Л. 2.

шая роль АРИ в деле «информации американской интеллигенции и общественности о Советском Союзе и по установлению культурных связей». Однако, по мнению его авторов, эти общественные организации демонстрировали и аполитичность «в моменты, кризисные для американской интеллигенции в ее отношении к СССР (1937 г., война в Финляндии)», что, в конечном счете, приводило к враждебным выпадам против него. «В 1938 г., — сообщалось в справке, — после процессов антисоветских центров в Москве, большая часть зарубежной интеллигенции отвернулась от СССР». В тот период правление нью-йоркского АРИ сочло возможным приобрести изданные за границей книги, враждебные Советскому Союзу. Попытка советского посольства в США «очистить библиотеку от подобных книг не увенчалась успехом»¹²⁶. В справке говорилось также, что в 1938—1939 гг. произошел определенный перелом к худшему в отношении зарубежной общественности (особенно интеллигенции) к СССР. Это, в частности, привело к фактическому распаду чикагского АРИ¹²⁷.

В другом документе Всесоюзного общества культурной связи с заграницей, составленном в 1943 г., констатировалось: «До 1937 г. у нас было две аудитории на Западе — интеллигентов и рабоче-крестьянская <...>. С 1937 по 1941 гг. мы потеряли обе: интеллигентов из-за процессов (Московских открытых судебных процессов 1936—1938 гг. — *Авт.*), массы из-за финской войны»¹²⁸.

Даже в победные майские дни 1945 г. американский журнал «Трансатлантик» напомнил, что «благодаря советско-нацистскому пакту в Америке, в Англии и во Франции уважение к России было подорвано. Период <...> советско-финской войны 1939—1940 гг. был периодом наиболее отрицательного мнения о России. В это время большинство друзей, с трудом завоеванных Советским Союзом, было потеряно»¹²⁹.

Принимая во внимание подобные объяснения причин фактического свертывания сотрудничества ВОКС и АРИ в предвоенные годы, следует учитывать и следующие обстоятельства. Сами Америка-но-русские институты не прекратили работать. Об этом сообщалось в сопроводительной записке К.А. Уманского¹³⁰ к «Обзору дружественных организаций в США в январе—мае 1941 года», направленной

¹²⁶ ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 14. Д. 292. Л. 167.

¹²⁷ Там же. Л. 173.

¹²⁸ Там же. Д. 86. Л. 112.

¹²⁹ Там же. Д. 292. Л. 152 об.

¹³⁰ Уманский Константин Александрович (1902—1945), дипломат; посол СССР в США (9.05.1941—5.11.1941); член коллегии НКВД (1941—1943).

им 31 мая 1941 г. на имя Г.Н. Зарубина¹³¹. В основу «Обзора...» были положены в числе других отчетные материалы Американско-русских институтов, в частности, — нью-йоркского АРИ. В записке Уманский указал, что, несмотря на резкое ухудшение условий работы в США, небольшие, но активные группы «прогрессивной интеллигенции», тяготеющей к СССР, с помощью его дипломатических представителей, не только продолжали свою прежнюю деятельность, но и частично вводили ее новые формы. В конечном счете, усилия американских «дружественных организаций», как подчеркивал Уманский, имели целью культурное сближение с Советской страной, популяризацию ее внешней и национальной политики.

Посол СССР в Соединенных Штатах Америки доверительно сообщал в НКВД: помимо АРИ в этой стране функционировало «наше относительно юное детище — ему фактически не больше двух лет — т.н. “Совет по советско-американским отношениям”, окрепший с момента его слияния с некоторыми аналогичными органами, находившимися в сфере влияния наших ам[ериканских] друзей и перешедших сейчас на иные рельсы работы». По словам Уманского, Совет занимался «той политической работой, для которой Русско-Американские институты, целиком посвященные работе *воксовского типа* (выделено нами. — Авт.), путающиеся “политики”, да и не всегда способные ею заниматься, не подходят»¹³².

Советский посол в США оставлял на усмотрение своего «шефа» Зарубина деликатный вопрос, в какой форме тот будет знакомить председателя ВОКС с «Обзором работы дружественных организаций в США в январе—мае 1941 года». Однако, считал Уманский, Кеменову «не мешало бы» познакомиться с этим документом¹³³. Данная формулировка может свидетельствовать о том, что накануне Великой Отечественной войны Всесоюзное общество культурной связи с заграницей, подобно тому, как это было в Англии, слабо контролировало деятельность «дружественных организаций» в США. Эффективность деятельности ВОКС в обеих странах в тот период целиком и полностью зависела от позиции руководства НКВД и находилась на очень низком уровне.

В целом на состояние советско-американских культурных связей негативно повлияли как изменение отношения к СССР со стороны некоторых представителей левой интеллигенции США, так и

¹³¹ Зарубин Григорий Николаевич (1900—1958), дипломат; заведующий отделом стран Латинской Америки НКВД (1941—1944).

¹³² АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3 АВТО. Д. 279. Л. 20.

¹³³ Там же. Л. 21.

носившие антисоветский характер действия официальных властей этой страны. Они, например, препятствовали распространению печатных материалов, которые присылали из СССР. В уже упоминавшемся «Обзоре...» Уманского, в частности, приводилась фраза секретаря нью-йоркского АРИ Г. Мур, которая сетовала на ««ауто да-фе»¹³⁴, производимое в настоящее время американским почтовым ведомством в отношении советских изданий»¹³⁵.

Более подробные сведения об этом «ауто да-фе» можно обнаружить в отправленном 9 июня 1941 г. письме Г.Н. Зарубина С.А. Лозовскому. В нем отмечалось, что американские власти «продолжают проводить в жизнь политику недопуска и уничтожения периодических изданий и литературы, поступающих в США из СССР». Зарубин констатировал: ноты протеста по этому поводу, направленные НКВД посольству США в Москве, остались без ответа. В данной связи, вплоть до «окончательного определения позиции правительства США в этом вопросе», он рекомендовал акционерному обществу «Международная книга» и другим советским заинтересованным организациям воздержаться «от посылки почтой больших партий советской литературы и периодических изданий» в Соединенные Штаты Америки¹³⁶.

По всей вероятности, упомянутое письмо было подготовлено по запросу Лозовского, который за три дня до этого, 5 июня, в беседе с американским послом в Москве Л.А. Штейнгардтом заявил: «В Соединенных Штатах Америки сжигаются тонны советских газет и книг, и эти явно дискриминационные мероприятия продолжаются по сей день, несмотря на обещания Государственного департамента положить конец этим, ничем не оправданным, действиям почтовых и административных органов Соединенных Штатов»¹³⁷.

10 июня подробная справка «Об уничтожении американскими властями советских почтовых отправок в США» была направлена Зарубиным теперь уже на имя заместителя народного комиссара иностранных дел Вышинского. Из официальных уведомлений руководства почтового ведомства США следовало, что с конца 1940 г. многократно уничтожались присланные из СССР печатные издания. Это были, во-первых, периодические издания (журналы «Интернациональная литература», «Крокодил», «Смена», «Совет лэнд», «СССР

¹³⁴ Аутолафе — процедура приведения в действие приговора инквизиции в Средние века, чаще всего публичное сожжение на костре.

¹³⁵ АВР РФ. Ф. 06. Оп. 3 АВТО. Д. 279. Л. 24.

¹³⁶ Там же. Ф. 129. Оп. 25. П. 142. Д. 36. Л. 2—3.

¹³⁷ ДВП. Т. XXIII. Кн. 2(2). С. 723. Док. № 855.

на стройке»; газеты «Известия», «Правда», «Комсомольская правда», «Пионерская правда», «Москоу ньюс» и др.), во-вторых, произведения В.И. Ленина и И.В. Сталина, а также разнообразные сборники, посвященные советским вождям («Сталин и Красная армия», «Сталин о Ленине», «Мы встретили Ленина»). Туда же попали сборник выступлений В.М. Молотова «Внешняя политика Советского Союза», «Краткий курс истории ВКП (б)», «Спутник агитатора», а также издание под претенциозным названием «Антисоветский блок правых и троцкистов». Наконец, «не были допущены к рассылке подписчикам и уничтожены» печатные издания, посвященные науке, литературе и искусству в СССР («К вершинам науки», «Московский академический театр», «Советские фильмы», «Искусство и кино»)¹³⁸.

В данном случае действия американских чиновников объяснялись их неприятием большевистской идеологии. Они предпринимали шаги для того, чтобы воспрепятствовать проникновению на территорию США враждебной, с их точки зрения, пропагандистской литературы, например, апологетических изданий о советских вождях, «Краткого курса истории ВКП (б)» или пресловутой брошюры «Антисоветский блок правых и троцкистов».

В то же время представители руководства НКВД рассматривали уничтожение направленной в США советской печатной продукции как акцию, носившую «явно дискриминационный характер в отношении СССР, поскольку к почтовым отправлениям подавляющего большинства других стран» подобный режим цензуры не применялся¹³⁹.

Имея в виду американские печатные издания, пересылавшиеся из Соединенных Штатов, Зарубин указывал, что они проходили по линии ряда наркоматов, отдельных государственных учреждений и через Академию наук СССР. В данной связи он считал нецелесообразным «предпринимать какие-либо контрмеры, аналогичные американским»¹⁴⁰.

Знаменательной представляется сделанная от руки резолюция, которую оставил Вышинский на первом листе упомянутой справки от 19 июня 1941 г.: «т. Лозовскому. Надо прекратить отправление н[ашей] литературы в США, так как нас ждет неизбежно ее уничтожение. Это не имеет никакого смысла»¹⁴¹.

Москва по-своему отреагировала на чинимые американской стороной препятствия распространению в США печатной продук-

¹³⁸ АВП РФ. Ф. 129. Оп. 25. П. 142. Д. 36. Л. 5—6.

¹³⁹ Там же. Л. 6.

¹⁴⁰ Там же. Л. 8.

¹⁴¹ Там же. Л. 5.

ции, присланной из СССР. Руководство НКВД выступило с инициативой высылки из Советского Союза Дж. Скотта¹⁴². Поводом для осуществления подобной акции (неоднозначно воспринятой американской стороной) послужили его публикации в английской газете «Ньюс Кроникл», носившие антисоветский характер. Пальгунов в докладной записке на имя Молотова от 27 мая 1941 г. сообщил, что накануне эта газета поместила на своих полосах статью Скотта «Сталин-умиротворитель». Это было его «не первое антисоветское выступление»: несколькими днями ранее, сообщил Пальгунов, в «Ньюс Кроникл» появился «развязный фельетон» Скотта, в котором приводились некоторые откровенные высказывания Сталина после подписания договора о нейтралитете с Японией (13 апреля 1941 г.).

Как оказалось, находясь в отпуске в Турции и Иране, американский журналист в марте 1941 г. напечатал в этой газете три статьи. В одной из них в частности, утверждалось, что выступления делегатов XVIII-й Всесоюзной конференции ВКП (б) (15—20 февраля 1941 г.) «вскрыли и показали катастрофическую дезорганизацию советской промышленности и транспорта, а также серьезные недостатки в системе распределения». Однако подобная «осведомленность» Скотта основывалась не на сведениях, полученных от делегатов большевистского форума, а на его собственных измышлениях. Например, журналист утверждал: проработав в течение ряда лет в Советской России, он хорошо «знает, что подразумевали выступавшие на конференции ораторы»¹⁴³.

Заключительная часть докладной записки Пальгунова носила рекомендательный характер: «Считаясь с тем, что антисоветские выступления Скотта носят хронический характер, вношу предложение (подчеркнуто в документе. — *Авт.*): Джона Скотта, американского гражданина, московского корреспондента газеты «Ньюс Кроникл» за систематическое распространение клеветнических утверждений о Советском Союзе — выслать из СССР»¹⁴⁴.

Таким образом, помещенные в английской газете антисоветские статьи американского подданного были замечены цензурой НКВД

¹⁴² Скотт Джон (1912—1976), американский репортер; после прибытия в СССР работал в Магнитогорске аппаратчиком в бензоловом отделении химического завода (1932—1937); московский корреспондент английской газеты «Ньюс Кроникл» (23.09.1940—05.06.1941).

¹⁴³ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3 АВТО. П. 6. Д. 57. Л. 197.

¹⁴⁴ Там же. Л. 198.

еще в марте 1941 г. и по распоряжению Пальгунова немедленно приобщены к личному делу журналиста¹⁴⁵. Однако с инициативой высылки Скотта хорошо осведомленный (но весьма осторожный) руководитель отдела печати внешнеполитического ведомства СССР выступил лишь в конце мая. Как представляется, Пальгунов довольно точно, если не сказать удачно, угадал время для осуществления подобной акции. Ведь это был момент, когда в СССР начала разворачиваться политико-идеологическая кампания под лозунгом наступательной войны. В подобных условиях встречавшиеся в публикациях Скотта утверждения о пассивности Сталина в проведении политики относительно Германии явно диссонировали с новыми пропагандистскими установками. Не случайно особое возмущение Пальгунова, непосредственно причастного к организации упомянутой кампании, вызвала статья американца от 26 мая 1941 г., которая не только была «выдержана в отвратительном антисоветском тоне», но и наносила «ущерб достоинству» СССР. «Все внешнеполитические акции Советского Союза, совершенные в последнее время, — пояснял исполняющий обязанности заведующего отделом печати НКВД, — статья Скотта истолковывает как капитуляцию <...> перед Германией». Более того, журналист оскорбительно отозвался о Красной армии, сославшись на некий «авторитетный источник», который подтверждал «уверенность германского генерального штаба» в том, что вермахт может нанести поражение РККА «в Одесской области и оккупировать Украину и Кавказ в течение 3—6 недель»¹⁴⁶. Масла в огонь подлила очередная (майская) статья Скотта, в которой утверждалось, «что Сталин начал проводить политику умиротворения и, возможно, решил пойти на все уступки, которые не затрагивают независимости и территориальной целостности Советского Союза»¹⁴⁷.

4 июня 1941 г. московский корреспондент газеты «Ньюс Кроникл» был принят Пальгуновым. Скотту было заявлено, что решением правительства ему предложено покинуть пределы СССР «за систематическую антисоветскую клеветническую кампанию», которую он проводил на страницах своей газеты. Скотт, хотя и был явно ошеломлен подобным резким заявлением Пальгунова, однако не стал оспаривать выдвинутое обвинение. Журналист лишь

---

¹⁴⁵ Об этом свидетельствуют карандашные пометки Н.Г. Пальгунова по тексту информации, изложенной в служебных выпусках бюллетеней ТАСС от 18 марта и 26 мая 1941 г. См.: Там же. Л. 201, 202, 204.

¹⁴⁶ Там же. Л. 196.

¹⁴⁷ Там же. Л. 207.

просил уточнить, какой именно срок будет предоставлен «на ликвидацию его личных дел в Москве»¹⁴⁸.

На следующий день появилось официальное сообщение о том, что Дж. Скотту предложено покинуть Москву в трехдневный срок¹⁴⁹. Вечером С.А. Лозовский имел беседу с американским послом в СССР Л.А. Штейнгардтом, в ходе которой был затронут и вопрос о высылке Скотта из Советского Союза. Штейнгард заявил, что не читал его статей и поэтому «не может сказать ничего по существу», однако отнюдь «не отрицает за советским правительством права признать нежелательным пребывание того или иного иностранного корреспондента в СССР». Сожаление у Штейнгардта вызвало не то, что Скотт являлся автором недружественных по отношению к СССР статей, а определенный Москвой, совершенно неприемлемый, по мнению посла США, трехдневный срок, по истечении которого журналист должен был выехать из страны пребывания.

Лозовский умело парировал выпады американского дипломата, касавшиеся Скотта: иностранный корреспондент «должен прежде всего проявлять вежливость по отношению к стране, в которой он находится». Если этого нет, разъяснял Лозовский, то он не видит, «почему органы советской власти должны проявлять какую-то особую вежливость <...> к этому иностранному корреспонденту». В конечном счете, идя навстречу пожеланиям американцев, Скотту предоставили не три дня, а семь «на устройство его личных дел» в Москве¹⁵⁰.

В целом начальный период Второй мировой войны, характеризовавшийся ухудшением политических отношений с Западом, привел к свертыванию советско-американских и советско-английских культурных связей. В результате руководство ВОКС практически потеряло контроль над деятельностью общественных организаций в Англии и США, считавшихся дружественными СССР. Ситуация осложнилась тем, что американские власти через свое почтовое ведомство не просто подвергали цензурному контролю печатную продукцию, поступавшую из Советского Союза, но и, несмотря на протесты со стороны НКВД, практиковали уничтожение ее без всякого объяснения причин. Со своей стороны, Москва инициировала высылку из СССР в недельный срок журналиста Дж. Скотта, подданного США, которому инкриминировали участие в проводившейся на Западе антисоветской газетной кампании.

---

¹⁴⁸ Там же. Л. 119.

¹⁴⁹ Известия. 1941. 5 июня.

¹⁵⁰ ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (2). С. 722, 724, 728. Док. № 855.

Глава 4

Межсоюзнические отношения и советская культурная дипломатия (1941 – 1945 гг.)

§ 1. Перестройка органов культурной пропаганды в военных условиях

Нападение Германии на СССР 22 июня 1941 г. привело не только к коренным изменениям в сфере международных отношений, но и к трансформации его имиджа в глазах англичан и американцев. Красная армия и гражданское население Советского Союза приняли на себя чудовищный удар агрессоров. С первых дней после начала боевых действий, развернувшихся на Восточном фронте, начала складываться антигитлеровская коалиция, во главе которой оказались СССР, Великобритания и США. Это предопределило переориентацию общественного мнения западных союзных держав в пользу жертвы германской агрессии. Вооруженная борьба на фронтах, напряженный труд советских людей в тылу вызывали сочувствие и даже восхищение у англичан и американцев. Развитие межсоюзнических отношений создало основу для активизации культурного обмена с Великобританией и США в рамках антигитлеровской коалиции.

Процесс оформления военно-политического союза против Германии и ее сателлитов начался летом 1941 г. и завершился к середине 1942 г. Основой создания антигитлеровской коалиции стали советско-английские договоры (12 июля 1941 г., 26 мая 1942 г.)¹, советско-американское (11 июня 1942 г.)² и англо-американское (14 августа 1941 г.)³ соглашения, а также решения первой Московской конференции представителей великих держав (29 сентября —

¹ ДВП. Т. XXIV. Тула, 2010. Док. № 102; Т. XXV. 1942: В 2 кн. Кн. 1. Январь—июнь. Док. № 195; Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945. Документы и материалы: В 2 т. Т. 1. 1941—1943. М., 1983. С. 83—84.

² ДВП. Т. XXV. Кн. 1. Док. № 226.

³ Советско-английские отношения... Т. 1. С. 131.

1 октября 1941 г.)⁴, Вашингтонская декларация Объединенных Наций (1 января 1942 г.)⁵.

В период Великой Отечественной войны Всесоюзному обществу культурной связи с границей принадлежала важная роль в осуществлении межкультурной коммуникации с главными союзниками по антигитлеровской коалиции — Великобританией и США. В октябре 1941 г. в составе ВОКС имелись четыре территориальных (Английский, Ближневосточный, Дальнего Востока, Американских стран) и четыре функциональных отдела (культуры, протокольного, печати, книгообмена), общая и секретная канцелярии, Литературное агентство и редакция внутреннего бюллетеня Общества. В 1942—1945 гг. структура ВОКС претерпела изменения. Поскольку его руководство уделяло много внимания подготовке разного рода фотовыставок для зарубежной аудитории (за годы Великой Отечественной войны была подготовлена 21 экспозиция⁶), потребовалось создать 30 апреля 1942 г. отдел выставок, на который возлагалась работа по их организации и транспортировке за рубеж.

Результаты работы в Англии во многом зависели от деятельности уполномоченного Общества В.Б. Барковского, исполнявшего одновременно, как уже отмечалось ранее, ответственное задание по линии советской внешней разведки. На деле Барковский не имел реальной возможности адекватно реагировать на просьбы о расширении культурного обмена с «дружественными организациями» в Англии, которые регулярно направлялись ему Кеменовым и Кисловой. По всей вероятности, оба они не знали об особом задании Барковского.

В конечном счете, 1 июля 1942 г. Кеменов направил письмо на имя Вышинского с изложением тех претензий, которые накопились у руководства ВОКС к уполномоченному в Англии. По словам Кеменова, Барковский игнорировал указания руководства Общества, не присылал требуемых информационных материалов и не подтверждал получения таковых из СССР. Претензии Кеменова затрагивали и вопрос о финансовой стороне деятельности Барковского, не только не отчитывавшегося о пересылаемых ему денежных сред-

⁴ ДВП. Т. XXIV. Кн. 1. Док. № 227—234.

⁵ Советско-американские отношения в годы Великой Отечественной войны 1941—1945. Документы и материалы: В 2 т. Т. 1. 1941—1943. М., 1984. С. 146—147.

⁶ Гракина Э.И. Научные и культурные связи СССР с зарубежными странами в годы Великой Отечественной войны // История СССР. 1985. № 4. С. 84—96.

ствах, но и требовавшего дополнительных ассигнований. Наконец, уполномоченный ВОКС в Англии, по мнению Кеменова, поверхностно излагал факты о деятельности ОКС, упоминая в отчетах о создании 20 новых его отделений, но не сообщая их адресов.

Перечислив все недостатки, которые, по его мнению, имелись в деятельности Барковского, Кеменов констатировал: «При таком положении ВОКС не может отвечать за работу в Англии». Одновременно он просил возложить обязанности уполномоченного Общества в Англии на К.Е. Зинченко⁷.

По распоряжению заместителя народного комиссара иностранных дел Ф.Т. Гусев запросил на сей счет мнение посла И.М. Майского. В результате было принято следующее решение, изложенное Гусевым 7 июля 1942 г.: «Предложение тов. Майского утвердить т. Зонова⁸ уполномоченным ВОКСа придется принять, так как среди наличного состава дипл[оматических] работ[ников] в Лондоне нет более подходящего работника для этой цели». Вышинский подтвердил данное назначение⁹.

15 июля заместитель народного комиссара иностранных дел направил ответное письмо Кеменову, в котором сообщал, что внешнеполитическое ведомство выразило согласие с выводами «о необходимости освободить тов. Барковского от обязанностей уполномоченного ВОКСа в Англии». В связи с тем, что К.Е. Зинченко, кандидатуру которого предложил Кеменов взамен Барковского, был «крайне перегружен основной работой» в посольстве СССР в Лондоне, Молотов не возражал «против возложения обязанностей уполномоченного» Общества на В.М. Зонова¹⁰.

24 июня 1941 г. возникло Советское информационное бюро (Совинформбюро), ставшее для ВОКС вышестоящей структурой. Главная задача Совинформбюро состояла в освещении в периодической печати и по радио военных событий, а также повседневной жизни сражающихся против германской агрессии народов СССР.

В составе Совинформбюро функционировал военный отдел. По штатному расписанию он состоял из четырех сотрудников: заведующего отделом, двух редакторов и одного секретаря. При столь

⁷ АВП РФ. Ф. 69. Оп. 31. П. 109. Д. 37. Л. 50. Зинченко Константин Емельянович (1909—?), 2-й, 1-й секретарь (1940—1942), советник (1942—1944) посольства СССР в Англии.

⁸ Зонов Василий Матвеевич, 2-й секретарь посольства СССР в Англии.

⁹ АВП РФ. Ф. 69. Оп. 31. П. 109. Д. 37. Л. 49.

¹⁰ Там же. Л. 46.

малочисленном составе данное структурное подразделение Совинформбюро выполняло большой объем работы: осуществляло предварительный просмотр всех печатавшихся в центральных советских газетах и журналах материалов о ходе боевых действий, а также статей по данной тематике, посылавшихся за границу другими отделами. В функции этого отдела также входили ежедневный цензурный контроль и визирование всех военных корреспонденций ТАСС, Радиокомитета и ВОКС.

Общество традиционно действовало в тесном взаимодействии с Народным комиссариатом иностранных дел СССР, а также с творческими объединениями (Союз советских писателей, Союз советских композиторов и др.). В структуре НКИД функционировали отделы, которые курировали деятельность соответствующих структурных подразделений ВОКС (в частности, отвечавших за работу в Великобритании и США). По долгу службы советские послы (М.М. Литвинов, А.А. Громыко, работавшие в Соединенных Штатах Америки; И.М. Майский, Ф.Т. Гусев, представлявшие СССР в Великобритании) участвовали в мероприятиях по налаживанию культурного обмена с этими державами.

Председатель правления ВОКС и его ближайшие заместители были в курсе основных директивных указаний, поступавших от Совинформбюро и НКИД. Информация, которой они располагали, являлась преимущественно закрытой для большинства сотрудников Общества. Эти деловые контакты с главным идеологическим подразделением большевистской партии, а также с высоким начальством наркомата иностранных дел давали возможность его руководству хорошо ориентироваться в политической обстановке, быть в курсе текущих задач.

Силами сотрудников ВОКС готовился специальный печатный орган — внутренний бюллетень Общества¹¹. В нем освещались следующие вопросы: настроения и взгляды заграничных читателей, специфика английской и американской пропаганды, жизнь творческой интеллигенции Запада, эффективность распространения печатных материалов за границей. По словам А.В. Караганова¹², внутренний бюллетень имел целью «помогать референтам и редакторам ориентироваться, выбирать правильное направление

¹¹ Не следует путать его с упоминавшимся в гл. 3 «Бюллетенем ВОКС», который предназначался для советских и зарубежных читателей.

¹² Караганов Александр Васильевич (1915—2007), заместитель председателя правления ВОКС (1944—1947).

наших пропагандистских материалов». Издание использовалось и «как первоначальное пособие для изучения специфики воксовской работы за границей, аудитории, на которую работает ВОКС», для определения направленности советской культурной пропаганды. Перед сотрудниками, готовившими внутренний бюллетень, стояла, согласно формулировке Караганова, одна задача — немедленно откликнуться на все ее «важнейшие явления»¹³. Во всей делопроизводственной документации Общества периода Великой Отечественной войны (в стенограммах совещаний, переписке) красной нитью проходила идея о том, что культурные связи с главными союзными странами являются важным каналом советской пропаганды¹⁴.

Наставляя руководителей структурных подразделений по поводу подбора и содержания печатных и иных материалов, предназначавшихся для пересылки в союзные страны, Кеменов призывал помнить «о пропагандистской цели и отбирать то, что является важным»¹⁵. Звучавшая на совещаниях правления критика по поводу неудовлетворительной деятельности отделов ВОКС заставляла его руководство подбирать сотрудников, обладавших особыми навыками. «Человек, работающий на пропагандистском участке, должен уметь хорошо делать все, что может потребоваться: интервью, фото-подборки, выставки и т.д.», — сказал Кеменов в одном из выступлений — 19 октября 1943 г.¹⁶

Аналогичным образом представляли себе характер деятельности ВОКС заместители Кеменова — Зотов и Караганов. Зотов в письме от 6 июня 1942 г. из Куйбышева, где с октября 1941 г. пребывала в эвакуации основная часть сотрудников Общества, особо подчеркивал «отсутствие единой и строго продуманной системы использования сложившейся благоприятной обстановки <...> в интересах пропаганды сов[етской] музыки»¹⁷.

Научиться тому, что могло потребоваться на «ответственном пропагандистском участке», помогал вышеупомянутый внутренний бюллетень ВОКС. Кеменов указывал, что его «нужно строить более строго, применительно к теме и содержанию работы, сделать

¹³ АВР РФ. Ф. 69. Оп. 31. П. 109. Л. 49. Д. 37. Л. 129.

¹⁴ ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 1. Д. 397. Л. 34—36 об.; Д. 398. Л. 19, 26 об.; Оп. 14. Д. 99. Л. 34—34 об.; Д. 292. Л. 176, 177.

¹⁵ Там же. Оп. 1. Д. 397. Л. 3 об.

¹⁶ Там же. Л. 38 об.

¹⁷ Там же. Оп. 14. Д. 99. Л. 127.

бюллетень, связанный с вопросами культурной пропаганды <...> Читая бюллетень, наши работники должны ясно видеть условия, в которых проводится наша пропаганда за границей»¹⁸. А Караганов, вслед за Кеменовым, вновь и вновь ставил перед сотрудниками, готовившими издание, задачу немедленного отклика «на все важнейшие явления пропаганды сейчас же»¹⁹.

Не только руководящий состав, но и референты, рядовые сотрудники Общества в полной мере отдавали себе отчет о необходимости строго придерживаться пропагандистского характера при осуществлении культурных связей с Великобританией и США. В письме на имя Кеменова сотрудники ВОКС, пребывавшие в Куйбышеве, ставили риторический вопрос: «Кто нам позволит (и простит) уменьшить нашу пропагандистскую работу за границей?»²⁰. Скорее всего, на них подействовали наставления руководства по данному вопросу.

19 августа 1944 г. в ходе обсуждения проекта готовившегося силами ВОКС справочника «Советская культура» присутствовавшие на совещании высказали собственные мнения о характере того материала, который должен быть в нем представлен. Референт М.В. Локшина прямо заявила: «Не стоит бояться, что нас будут обвинять в пропаганде. Другие страны, например, Англия этого не боятся»²¹.

Отсутствие пропагандистского характера в работе структурных подразделений Общества подвергалось резкой критике. 21 сентября 1943 г. состоялось совещание у Кеменова. На повестке дня стоял вопрос, связанный с подведением итогов работы комиссии по проверке деятельности отдела книгообмена. Председатель проверочной комиссии Ю. Левинсон вкратце изложил мнения ее членов, сводившиеся к следующему. Отдел имел две различные задачи: «пропаганда путем рассылки литературы» и «получение советскими учреждениями иностранной литературы без затраты валюты». По мнению Левинсона, это структурное подразделение должно было пересмотреть все списки предназначавшейся для отправки за рубеж литературы и скорректировать план ее рассылки «не на основании сложившихся связей отдела книгообмена, а на основании потребности нашей пропаганды на сегодняшний день».

Заведующий отделом книгообмена Л.Л. Миликовский пытался возражать оппоненту, утверждая, что перед руководимым им

---

¹⁸ Там же. Л. 14 об.

¹⁹ Там же. Л. 129.

²⁰ Там же. Л. 95.

²¹ Там же. Оп. 1. Д. 398. Л. 19.

структурным подразделением стоит, помимо двух названных Левинсоном задач, и еще одна: поддержание культурных связей с заграницей. В качестве весомого аргумента он привел факты получения благодарственных писем от зарубежных адресатов, которые приобретали книги посредством книгообмена ВОКС. «Значит то, что мы посылаем (за границу. — *Авт.*), — полезно», — резюмировал Миликовский. Однако это заявление не только не убедило оппонентов, а, наоборот, вызвало нарекания в его адрес. Так, Р.Д. Либерзон (Орлова) заявила, что отдел книгообмена превратился в «экспедицию для отсылки за границу литературы». Она подчеркнула, что перед ним, как и перед всеми структурными подразделениями Общества, «стоят совсем иные цели — цели пропагандистского характера».

Завершая дискуссию, Кеменов выразил свое отрицательное отношение к результатам деятельности отдела книгообмена. Его сотрудники, сказал председатель правления ВОКС, действовали «эмпирически, самотеком, в погоне за голыми количественными показателями, без надлежащего контроля и без политической направленности»²². По итогам работы проверочной комиссии и после соответствующего обсуждения на заседании правления 21 октября 1943 г. руководство Общества приняло решение ликвидировать отдел книгообмена. В феврале 1944 г. он прекратил работу.

4 июня 1942 г. в Куйбышеве прошло совещание сотрудников ВОКС и членов Союза композиторов СССР на тему «О задачах советской музыкальной пропаганды за границей». На этом совещании в числе других выступил А.С. Оголевец²³, категорически заявив: «Необходимо отобрать у частных иностранных фирм возможность пропагандировать сов[етскую] музыкальную культуру и забрать дело муз[ыкальной] пропаганды в свои руки. Чувство нового нельзя передавать бурж[азному] коммерсанту. Пропаганда предполагает и завоевание потребителя». Оголевец отметил также и важность расширения «масштабных задач советской музыкальной пропаганды» в связи с изменением к лучшему конъюнктуры на Западе. «Статейная пропаганда, — подчеркивал он, — должна осуществляться по двум линиям: с помощью культуры вообще и посылаемого за границу музыкального произведения, в частности»²⁴.

²² Там же. Д. 397. Л. 34—34 об.

²³ Оголевец Алексей Степанович (1894—1957), музыковед.

²⁴ ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 14. Д. 99. Л. 128 об.—129.

В уже упоминавшейся справке «Американо-русские институты» от 2 апреля 1943 г. указывалось, что их необходимо ориентировать на «серьезную и углубленную пропаганду советской культуры в кругах интеллигенции». Высокий научный и культурный уровень АРИ давал «возможность подбирать материалы, освещающие и пропагандирующие вопросы теории и практики советского строя, советской науки и искусства». Авторы документа заключали, что АРИ «должны явиться центрами ВОКСовской пропаганды в США в форме углубленной научно-просветительской информации о Советском Союзе»²⁵. Примечательно, что Либерзон впоследствии прямо писала о характере работы Общества: «Мы занимались пропагандой»²⁶.

Понимание необходимости пропагандистской деятельности было присуще не только советской стороне, но и западным партнерам. Например, в меморандуме американского Комитета помощи России в войне от 23 ноября 1942 г., направленном руководству ВОКС, в качестве одного из недостатков отмечался следующий: в США присылали такой материал, который для СССР не играл «никакой пропагандистско-информационной роли»²⁷.

Следует сказать и о направленности советской культурной дипломатии в военный период. Сотрудники ВОКС составили записку «Британская пропаганда в США», в которой кратко изложили особенности методов действий в этой области главных союзников СССР по антигитлеровской коалиции. В документе особо отмечалось, что британское правительство установило систему соответствующего контроля, которая «сужает круг клиентов, но расширяет производственные возможности и делает пропаганду не культурной, а политической (подчеркнуто в документе. — *Авт.*)»²⁸.

Думается, составители упомянутой записки сознательно акцентировали внимание на политическом характере британской пропаганды в США. Этот принцип применительно к культурным связям, осуществлявшимся при посредничестве ВОКС, означал, что они должны были иметь именно политическую направленность. Действительно, на заседаниях и совещаниях у председателя его правления данный вопрос рассматривался именно в таком ракурсе. Например, на проходившем 25 марта 1944 г. совещании Кеменов еще раз повторил задачи, стоявшие перед начальниками структурных отделов: «Каждый член

²⁵ Там же. Д. 292. Л. 176—177.

²⁶ Цит. по: Орлова Р.Д. Указ. соч. С. 127.

²⁷ ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 14. Д. 103. Л. 33.

²⁸ Там же. Д. 86. Л. 15.

Правления должен присутствовать на заседании секции, руководить не только с точки зрения ее организационных вопросов, но и отвечать за политическую направленность в ее работе»²⁹.

Большую роль в реализации культурных связей с Советским Союзом в годы Великой Отечественной войны играли созданные в ее ходе либо ранее существовавшие зарубежные общественные организации, члены которых с симпатией относились к СССР. В их число входили уже упоминавшиеся Американско-русские институты, Комитет помощи России в войне (возник в 1941 г.), Национальный совет американско-советской дружбы (существовал с 1943 г.). В Великобритании активную работу по культурному обмену вели Общество культурных связей с СССР, Национальный совет британско-советской дружбы. Именно с этими и некоторыми другими организациями удалось наладить плодотворное сотрудничество. В конечном счете, они способствовали активизации советской культурной дипломатии.

В своей повседневной работе руководство ВОКС опиралось на рекомендации, которые следовали от руководителей структурных подразделений НКВД, сотрудников советских посольств в Лондоне и Вашингтоне. Не только в переписке между Обществом и наркоматом иностранных дел, но и в устных беседах сотрудников обоих ведомств открыто говорилось о намерениях прямого вмешательства в деятельность общественных организаций, относившихся к разряду «дружественных».

Так, Зарубин в разговоре с Либерзон (в 1943 г.) кратко изложил содержание телеграммы, посланной наркоматом иностранных дел советскому послу в США Литвинову. В этой телеграмме, судя по записи Либерзон, были следующие пункты: «Дано указание проверить библиотеку АРИ, изъять ненужную литературу; просили т. Литвинова сообщить, какими книгами и разделами следует библиотеку пополнить, чтобы это была действительно солидная библиотека». И далее: «Предложено просмотреть состав руководящих работников АРИ и на месте решить вопрос о привлечении новых людей. В Вашингтон сообщено, что здесь [в Москве] не удовлетворены работой наших товарищей по руководству АРИ». Либерзон также отметила, что Зарубин просил прислать разработанный «план мероприятий по изменению работы АРИ»³⁰.

²⁹ Там же. Оп. 1. Д. 398. Л. 11.

³⁰ Там же. Оп. 15. Д. 53. Л. 13.

Следовательно, наряду с прозрачными намеками на необходимость оказания влияния ВОКС на характер деятельности Американо-русских институтов (упомянутых, например, в справке от 2 апреля 1943 г.), НКВД ставил перед ним прямые и недвусмысленно сформулированные задачи по практической реализации подобных замыслов. Таким образом, архивные документы позволяют дополнить свидетельство Либерзон о характере деятельности Общества в 1941—1945 гг.: «Значительная часть работы была обыденной и просто скучной. Мы посылали в разные страны выставки, книги, фотоальбомы, статьи. Снабжали пропагандистскими материалами общества дружбы в СССР. В США <...> они назывались “Американо-русские институты”, сокращенно АРИ»³¹.

В целом с первых дней Великой Отечественной войны началась перестройка органов советской культурной пропаганды на военный лад. Расширилась сфера деятельности ВОКС, было создано Совинформбюро. Общество продолжало придерживаться тактики, которая ориентировала на поддержание контактов с «дружественными» (так их называли в официальной переписке) общественными организациями союзных держав — Великобритании и США. Их число после нападения Германии на СССР значительно расширилось. В своей повседневной работе ВОКС в еще большей степени, чем это было в предвоенный период, опиралось на рекомендации и указания, получаемые от руководителей Совинформбюро, структурных подразделений внешнеполитического ведомства и советских дипломатов, работавших в Лондоне и Вашингтоне. В этот период культурные связи со странами Запада носили ярко выраженный пропагандистский характер и имели политическую направленность.

§ 2. Активизация культурных связей СССР с главными союзниками по антигитлеровской коалиции

Заключение англо-советского соглашения о совместных действиях в войне против нацистской Германии (12 июля 1941 г.) создало определенные условия для оживления культурных связей с Великобританией, практически свернувшихся к началу Великой Отечественной войны. В Англии возникали новые общественные ор-

³¹ Цит. по: Орлова Р.Д. Указ. соч. С. 124.

ганизации, фонды помощи СССР, члены которых стремились к установлению контактов с новым союзником³².

Совинформбюро сотрудничало с рядом известных писателей и публицистов. Среди них были те, чьи печатные материалы пересылались в Великобританию и США и вызывали там большой интерес: О.И. Курганов, Е.Г. Кригер, П.А. Лидов, Е.П. Петров, А.П. Платонов, А.А. Сурков, К.М. Симонов, А.Н. Толстой, М.А. Шолохов и И.Г. Эренбург³³.

На совещаниях руководства Совинформбюро со своими сотрудниками, подобно тому, как это практиковалось в ВОКС, неоднократно подчеркивалась необходимость ответственного подхода к подбору материалов, предназначенных для распространения в странах-союзницах. Так, на совещании, проходившем 14 марта 1942 г., заместитель начальника Совинформбюро С.А. Лозовский заметил: «Мы получили такую мировую аудиторию, при которой от каждого из нас требуется взвешивать каждую фразу, каждое слово. От этого зависит воздействие, влияние, правильная информация о Советском Союзе <...> Если исходить из того, что подготовку хороших статей, очерков считать политическим делом, то каждый должен считать заказ Информбюро боевым заданием»³⁴.

На этом совещании на повестку дня был поставлен актуальный вопрос — об учете интересов иностранного читателя при подготовке статей для зарубежных стран. Эренбург высказал мнение о важности налаживания советскими писателями и журналистами связей с коллективами газет и информационных агентств союзных государств³⁵.

Совинформбюро по роду своей деятельности контактировало с корреспондентами из Великобритании и США, прибывшими в Москву после нападения Германии на СССР. Для них устраивались пресс-конференции, которые проводил Лозовский. Эти пресс-конференции проходили вначале в Москве, а затем в Куйбышеве (28 июня 1941 г. — 23 апреля 1942 г.). Однако западные репортеры не были удовлетворены тем, как на этих брифингах освещался ход боевых действий на советско-германском фронте. Это неоднократно подчеркивали, в частности, британские журна-

³² Гракина Э.И. Указ. соч. С. 86.

³³ От Советского Информбюро... 1941—1945: Публицистика и очерки военных лет: В 2 т. 2-е изд. Т. 2. М., 1984. С. 458, 464, 466.

³⁴ Там же. С. 470.

³⁵ Там же. С. 458.

листы А. Верт³⁶ и Ф. Джордан, в целом сочувственно относившиеся к СССР и высоко оценивавшие его военные усилия. Так, Джордан охарактеризовал пресс-конференции Лозовского как довольно скучные и бесполезные мероприятия, так как заместитель начальника Совинформбюро монотонно читал подготовленные для него тексты на русском языке (понятном лишь одному или двум западным журналистам), а их содержание почти не отражало реальное положение на фронте. Даже Р. Паркер, один из наиболее просоветски настроенных британских корреспондентов (он представлял газету «Таймс»), считал, что Лозовский был, «вероятно, наиболее некомпетентным и уклончивым созданием в мире»³⁷.

Заведующий телеграфным агентством Коминтерна Ф. Глаубауф в письме от 10 апреля 1942 г., адресованном заместителю начальника Совинформбюро, также отметил: «Пресс-конференции не могут подменить живого контакта с рядовыми советскими людьми, потому что вопросы, касающиеся внутренней жизни страны, на пресс-конференциях не могут фигурировать»³⁸.

Иностранные журналисты, работавшие в годы войны в Москве и Куйбышеве, по цензурным соображениям были ограничены в доступе к информации вообще и в получении более полных сведений о Советском Союзе в частности. Порой даже ходатайства в пользу определенного улучшения их положения, обращенные к высшему политическому руководству таким осторожным человеком, как начальник отдела печати НКВД Н.Г. Пальгунов, не имели успеха. Например, 31 января 1942 г. репортеры английских газет «Дейли Экспресс», «Дели Мэйл» и американского издания «Нью Йорк Геральд Трибюн» обратились к нему с просьбой направить их на два месяца в уральские города с тем, чтобы «тщательно изучить советский промышленный потенциал». В письме на имя Молотова Пальгунов указал: подобную просьбу «можно было бы удовлетворить при условии, однако, чтобы продолжительность пребывания указанных иностранных корреспондентов в Челябинске, Магнитогорске и Свердловске была ограничена 10—12 днями». Резолюция

³⁶ Верт Александр (1901—1969), британский журналист. Родился и до 1917 г. жил в России, откуда выехал в Англию вместе с отцом-англичанином; корреспондент газеты «Санди таймс» и радиокompании Би-Би-Си в СССР (1941—1946).

³⁷ *Cockett R.B.* "In wartime every objective reporter should be shot": The Experience of British Press Correspondents in Moscow, 1941—1945 // *Journal of contemporary history*. Vol. 23. L., 1988. P. 518—519.

³⁸ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 4. П. 11. Д. 109. Л. 101.

Молотова на тексте этого письма была однозначной: «Лучше отложить поездку»³⁹.

Два дня спустя Пальгунов вновь обратился к Молотову. На сей раз суть дела заключалась в следующем. Корреспондент американской газеты «Чикаго Дейли Ньюс» А. Стил хотел получить данные, «характеризующие использование в СССР заменителей импортных товаров и мобилизацию внутренних ресурсов». По мнению Пальгунова, появление статьи в американской газете по названной теме, «соответствующим образом инспирированной и не приводящей каких-либо суммарных данных, могло бы стать полезным для нашей страны». «Основную канву» для подачи подобного материала, разъяснял он свою позицию в очередном письме на имя Молотова, следовало подготовить «в виде специальной записки одним из работников Госплана». После утверждения текста этой записки, содержание ее можно было бы изложить Стилу «в форме личной беседы» с кем-либо из госплановских работников. И в этот раз последовала однозначная реакция наркома иностранных дел на обращение Пальгунова: «Нецелесообразно»⁴⁰.

Подобного рода отказы в доступе к информации о военных усилиях СССР, естественно, вызывали неодобрение у журналистов стран-союзниц. Однако настоящее недовольство работавшие в Москве и Куйбышеве представители западных СМИ проявляли по поводу тех неудобств, которые, по их мнению, создавались советской стороной и препятствовали полноценной репортерской деятельности. Об этом, к примеру, свидетельствует упомянутое обращение (от 10 апреля 1942 г.) заведующего телеграфным агентством Коминтерна Глаубауфа на имя Лозовского⁴¹.

Глаубауф отмечал, что за два с половиной месяца пребывания иностранных корреспондентов в Москве были организованы более 20 выездов на фронт и другие разного рода мероприятия. Однако, подчеркивал он, результаты проделанной работы оказались неудовлетворительными. Так, поездка нескольких западных репортеров в только что освобожденный от немцев Можайск и в Уварово, хотя и вызвала у них интерес, но, на взгляд Глаубауфа, «не могла быть полностью использована с журналистской точки зрения» по следующей причине. За три дня до прибытия в Можайск представителей СМИ союзных стран материал, который они могли полу-

---

³⁹ Там же. Л. 17.

⁴⁰ Там же. Л. 19.

⁴¹ Там же. Л. 98—101.

чить на месте (интервью с командующим 5-й армией генерал-лейтенантом артиллерии Л.А. Говоровым, осмотр заранее выбранного участка фронта), уже был отослан за границу корреспондентом «Нью-Йорк Геральд Трибюн Сервис». «Только полное незнание журналистских обычаев буржуазной печати могло привести организаторов этой поездки к подобной ошибке», — сетовал раздосадованный коминтерновский журналист.

Помимо прочего, Глаубауф указал на метод общения с иностранными репортерами, характерный для опекавших их советских чиновников: время, проведенное в застолье, «значительно превысило время продуктивной работы корреспондентов». При этом у них вызвало негативную реакцию следующее обстоятельство: пока западные репортеры и сопровождавшие их офицеры Красной армии «долго сидели за вином», перед домом, где происходила трапеза, «на тридцатиградусном морозе стояла длинная очередь командиров в ожидании возможности пообедать». По этому поводу Глаубауф язвительно заметил: «пристрастие к угощениям» организаторов упомянутой поездки не только производило отрицательное впечатление на репортеров, поскольку каждый из них думал, «что его хотят напоить для того, чтобы он ничего не видел», но и выставляло «в неблагоприятном свете и тех людей, которые, будучи навеселе, принимают иностранного корреспондента». Имея в виду другое «угощение», имевшее место во время посещения зенитной батареи, стоявшей под Москвой, Глаубауф привел слова одного из западных журналистов: «Нас спаивают, чтобы дискредитировать <...> в глазах красноармейцев». Вообще, представителям СМИ союзных держав было непонятно «слишком щедрое гостеприимство», проявленное к ним, например, при посещении Малоярославца, «продовольственное положение которого «было весьма трудным».

В письме, адресованном Лозовскому, Глаубауф затронул еще один аспект, связанный с условиями работы иностранных корреспондентов в Москве. Многие из них просили предоставить возможность присутствовать на вечерах, организованных для широкой публики: в честь Дня Красной армии, встречи московских учителей с партизанами, слета тимуровцев и по случаю возобновления занятий в МГУ. Однако никто из репортеров союзных держав там так и не побывал. Один из цензоров отдела печати НКВД заявил Глаубауфу, что водить их на такие мероприятия нельзя, поскольку «никогда не известно, не скажет ли какой-нибудь оратор что-нибудь некстати».

Между тем, по словам автора письма, помимо сотрудников упомянутого отдела и собственных секретарей, иностранные журналисты не имели возможности видеть советских людей. Глаубауф не без сарказма заметил: «Остальное знакомство корреспондентов в Москве составляли главным образом проститутки в гостинице “Метрополь”». Далее он перешел к прямой критике методов работы с зарубежными репортерами, которые были присущи заведующему отделом печати НКВД, заявлявшему своим иностранным подопечным, что любой корреспондент может встречаться с советскими людьми не только во время официально разрешенных мероприятий, но и когда он просто «этого желает». Но на деле, отмечал Глаубауф, пресекая любые контакты репортеров с гражданами СССР, по существу Пальгунов не давал им возможности плодотворно работать, «потерял всякий авторитет» у иностранных журналистов, считавших его «главным препятствием» в их деятельности. «Его боязнь взять на себя ответственность за малейший самостоятельный шаг, — пояснял свою мысль Глаубауф, — его очевидное неумение самостоятельно решать простейшие вопросы и, не в последнюю очередь, абсолютное отсутствие инициативы в организации работы корреспондентов показывает его как представителя советских органов в повседневном контакте с корреспондентами в чрезвычайно неблагоприятном свете».

В этом письме был поставлен существенный и, по выражению Глаубауфа, «принципиальный вопрос». Отдел печати НКВД, а также советская цензура нацеливали иностранных корреспондентов, работавших в Москве, преимущественно на «показ положительных сторон» и замалчивание «трудностей и жертв». В итоге их деятельность направлялась не на изображение «действительного положения в Советском Союзе и на мобилизацию всех сил в странах союзников на поддержку Красной Армии и для создания второго фронта, а скорее, в сторону успокоения и демобилизации». Глаубауф расценивал это как «коренную политическую ошибку». В то же время он не сомневался, что в СССР есть много людей, которые не только умеют общаться с иностранцами, но и смогут показать им «действительную жизнь, помочь завоевать любовь и симпатии даже реакционно настроенных читателей к борьбе советского народа». Требовалось только, считал Глаубауф, чтобы руководство работой зарубежных корреспондентов было сосредоточено «в руках человека, знающего и любящего это дело». По его мнению, такой человек должен был действовать, как «организатор общественного

мнения за рубежом, а не как “собака на сене”, которая сама не ест и другим не дает».

11 апреля 1942 г. Лозовский переслал письмо Глаубауфа Молотову и секретарю ЦК ВКП (б) Щербакову. Спустя две недели, 24 апреля, Пальгунову было сообщено их мнение по содержанию этого обращения: «Надо дать инкорам встречаться с советскими людьми (напр[имер], делегациями рабочих на фронт, на предприятия и в воинских частях, пускать на некоторые собрания + прекратить выпивки во время поездок). Можно писать и о трудностях в СССР»⁴².

В упомянутом обращении Глаубауфа в качестве положительно-го примера плодотворных контактов с иностранными корреспондентами приводились усилия Совинформбюро по снабжению иностранных читателей информацией об СССР⁴³. Оно первоначально воздерживалось от отсылки за границу статей военно-политического и военно-пропагандистского характера, а также военных обзоров. Между тем в странах-союзницах спрос на такие материалы возрастал, и с 1 марта 1942 г. их начали регулярно отправлять за рубеж. С расширением сферы деятельности военного отдела Совинформбюро этому направлению стали уделять такое же внимание, как и цензурному контролю над советской прессой: «Военный отдел впервые развернул систематическую военную пропаганду за границей». Подготовленные под его непосредственным контролем статьи направлялись через посольства СССР в Англию и США при посредничестве Британской радиовещательной корпорации (Би-Би-Си). Этот отдел сумел установить непосредственную связь с профильными изданиями в США. Военно-теоретические статьи были посланы и приняты к печати американскими журналами «Инфантри Джорнэл», «Кавальри Джорнэл», «Фильд Артиллерии Джорнал» и «Авиэйшен»⁴⁴. С 1 апреля по 30 июня 1942 г. его сотрудники направили за границу 114 статей. При этом подавляющее число материалов (78 названий) предназначалось для Англии и США. Некоторые из них получили положительные отклики.

Вместе с тем в деле заказа и написания статей для заграницы это структурное подразделение Совинформбюро встретилось и с объективными, и субъективными трудностями. Прежде всего, далеко не все командиры Красной армии, которым оно заказывало

---

⁴² Там же. Л. 97.

⁴³ Там же. Л. 101.

⁴⁴ Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны: «коммуникация убеждения» и мобилизационные механизмы. М., 2007. Док. № 92.

материал об участии различных родов войск в войне против Германии, имели литературный опыт. Поэтому некоторые из поступавших в военный отдел статей просто забраковывались. Всего за указанный период ему пришлось отказаться от пересылки за границу 49 статей (22% от числа поступивших)⁴⁵.

Активную роль в осуществлении межкультурной коммуникации с главными союзниками СССР по антигитлеровской коалиции в годы Великой Отечественной войны играло Телеграфное агентство СССР. В отчете о его работе за первые полгода войны (февраль 1942 г.) это учреждение было названо «большим, непрерывно действующим предприятием, изо дня в день, из часа в час выпускающим идеологическую продукцию, радиально — по эфиру, проводам, почте», в виде телеграфной информации и пропагандистских статей⁴⁶.

После начала войны штат центрального аппарата ТАСС на второе полугодие 1941 г. был увеличен на 174 единицы. При этом численность отдела прослушивания заграничного радиовещания возросла на 50 человек, среди которых были семь референтов по прослушиванию английского радиовещания. В состав редакции информации для заграничного ТАСС входили 26 сотрудников, справочной иностранной — 12 человек⁴⁷.

Через иностранные агентства и свои корреспондентские пункты ТАСС снабжало фотоиллюстрациями заграничную печать союзных стран, в первую очередь Великобритании и США. Для отправки снимков использовалась дипломатическая почта. Телеграфное Агентство Советского Союза оказывало содействие Всесоюзному обществу культурной связи с заграницей в его повседневной деятельности, «предоставляя и размножая лучшие снимки для организуемых им выставок»⁴⁸.

9 июня 1943 г. заместитель ответственного руководителя ТАСС А.А. Красных направил в ЦК ВКП (б) докладную записку о подготовке кадров. В этом документе Красных, подчеркивал, что его ведомство всегда имело «острую нужду в образованных, квалифицированных кадрах журналистов». «Такую же острую нужду, несомненно, испытывали и, по вполне понятным причинам, испытывают сейчас газеты и журналы», — констатировал он. В связи с

---

⁴⁵ Там же. Док. № 48.

⁴⁶ Там же. Док. № 37.

⁴⁷ Там же. Док. № 21.

⁴⁸ Там же. Док. № 37.

этим ставился вопрос о необходимости подготовки «образованных журналистов-литераторов», поскольку укомплектование «кадрами центрального аппарата ТАСС и заграничной сети» являлось «самым трудно решаемым делом». Для организации профессиональной подготовки журналистов в СССР Красных предложил учесть опыт Великобритании и США — английские и американские кадры готовились главным образом университетами, колледжами и высшими школами. Его конкретное предложение сводилось к тому, чтобы «подготовку всесторонне образованных журналистов поставить на университетскую ногу»⁴⁹.

Для информирования союзников о ходе военных действий на советско-германском фронте, о состоянии экономики, духовной жизни в СССР в условиях войны решили силами сотрудников советских дипломатических миссий выпускать в свет печатные издания. В Англии таковыми стали ежедневные «Советские военные новости», созданные при активном участии И.М. Майского и Э. Генри⁵⁰. Их выпуск начался после одобрения советской стороной предложения посла Великобритании в Москве Ст. Криппса — подробнее информировать англичан о военных усилиях СССР, что в целом отражало их стремление больше узнать о союзной стране. На сей счет НКВД направил соответствующую циркулярную телеграмму в Лондон. В ней, в частности, предлагалось «приступить к распространению информационных материалов среди членов парламента, дипломатического корпуса и местных журналистов». Кроме того, были организованы специальные передачи информации ТАСС для снабжения ею бюллетеней дипломатов, работавших в союзных странах. В Англии в соответствии с упомянутым циркуляром и был организован выпуск «Советских военных новостей»⁵¹.

Первый номер этого ежедневного бюллетеня (редактор Э. Генри; штат редколлегии — три человека; объем издания — четыре полосы) вышел в свет 11 июля 1941 г. Если вначале издание содержало материал только о ходе военных действий на советско-германском фронте, то вскоре его тематические рамки расширились. Все чаще в нем стали появляться сведения о жизни в советском

---

⁴⁹ Там же. Док. № 78.

⁵⁰ Эрнст Генри (Леонид (Лейб) Абрамович Хентов, Семён Николаевич Ростовский) (1904—1990), писатель, журналист; в 1934—1946 гг. проживал в Англии; как представитель Совинформбюро в Англии, организовал при посольстве СССР в Лондоне бюро пропаганды.

⁵¹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 4. П. 11. Д. 109. Л. 8.

тылу, о переводе народного хозяйства СССР на военные рельсы, а также о науке, культуре, литературе и искусстве⁵².

Англичане проявили большой интерес к Советскому Союзу. В результате в Великобритании, где ранее в течение длительного времени превалировала антисоветская печать, в годы войны значительно вырос спрос на политическую литературу и художественные произведения о союзнике⁵³.

В начале 1942 г. в Лондоне стал выходить (на английском языке) новый еженедельник, созданный Генри. Ему удалось быстро выполнить срочное поручение Майского: в течение недели наладить выпуск этого издания. Английская сторона во всех вопросах шла навстречу. Оперативно была достигнута договоренность о сотрудничестве с типографией — «простым телефонным разговором с ее управляющим». Майский, со своей стороны, согласовал с британским правительством вопрос об издании нового советского еженедельника. Его персонал был укомплектован за несколько дней. Помещение для редакции располагалось в удобном месте — на Трафальгарской площади; рядом находилась редакция «Советских военных новостей». Материалы для нового издания, получившего название «Еженедельник советской войны», присылались телеграфом по линии Совинформбюро⁵⁴.

Если «Советские военные новости» рассылались бесплатно видным политическим, общественным, военным, профсоюзным и партийным деятелям Великобритании (общий тираж издания был от 2 до 11 тыс. экз.), то «Еженедельник советской войны» реализовывался через обычную книготорговую сеть тиражом порядка 50 тыс. экз.

Помимо выпуска бюллетеня и еженедельника советского посольства в Лондоне Майскому удалось наладить контакт с крупнейшим британским издательством «Макмиллан» и подготовить к печати (на английском языке) эпопею Л.Н. Толстого «Война и мир». В 1942 г. в книжных магазинах Англии появился вместивший целиком текст романа великого русского писателя солидный фолиант объемом в 1 352 страницы, в котором имелись карты и приложения.

Значительно усилило свои позиции на Западе в период Великой Отечественной войны советское кино. Новые возможности ему обеспечило политическое и военное сближение, а затем и много-

⁵² Генри Э. Заметки публициста. М., 1988. С. 247.

⁵³ ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 15. Д. 38. Л. 13.

⁵⁴ Генри Э. Указ. соч. С. 236—237.

стороннее сотрудничество СССР с США и Англией. И.Г. Большаков уделял пристальное внимание данному направлению деятельности, вникая в самые мелкие вопросы и детали⁵⁵. Он решительно сменил кадровый состав «Союзинторгкино», организации, непосредственно занимавшейся распространением советских кинофильмов за рубежом. Большаков выдвигал на руководящие должности в этой организации в основном людей из кинематографической среды. Так, работу в «Союзинторгкино» возглавил А.Н. Андриевский⁵⁶. На ответственную должность был назначен М.К. Калатозов⁵⁷.

Одним из существенных результатов активизации культурных связей между СССР и западными союзниками стало изменение к лучшему общественного мнения англичан и американцев в отношении Советской страны. Некоторые из них видели в Красной армии и советском народе реальную силу, способную противостоять гитлеровской агрессии. Образ врага, навеянный такими кинокартинами, как «Ниночка» (с Г. Гарбо в главной роли), отходили на второй план. В американском кинематографе военных лет «русская тема» совершенно иначе отражена в лентах, которые выходили за традиционные рамки представлений о «далекой и экзотической стране».

К разряду подобного рода кинолент относится «Битва за Россию» Ф. Капры, созданная при участии А.М. Литвака⁵⁸ и Д.З. Тёмкина⁵⁹. Режиссер фильма Литвак служил добровольцем в американской армии, участвовал в десантных операциях в Северной Африке

---

⁵⁵ Кино на войне. Документы и свидетельства. М., 2005. С. 556—557. Большаков Иван Григорьевич (1902—1980), председатель Комитета по делам кинематографии при СНК СССР (1939—1946).

⁵⁶ Андриевский Александр Николаевич (1899—1983), кинорежиссер; управляющий «Союзинторгкино» Комитета по делам кинематографии при СНК СССР (1942—1944); директор, художественный руководитель лаборатории «Стереokino» (1944—1949).

⁵⁷ Калатозов (Калатозишвили) Михаил Константинович (1903—1973), кинорежиссер; уполномоченный представитель Комитета по делам кинематографии при СНК СССР в США (1943—1945). Подробно о деятельности Калатозова в США см.: «Секс... выдохся и вконец состарился»: Михаил Калатозов: письма из Америки // Киноведческие записки. 2003. № 65. С. 196—216.

⁵⁸ Литвак Анатолий Михайлович (1902—1974), кинорежиссер; до 1925 г. проживал в СССР, затем уехал во Францию; в начале 1941 г. принял американское гражданство.

⁵⁹ Тёмкин Дмитрий Зиновьевич (1894—1979), композитор; до 1921 г. проживал в Советской России, затем эмигрировал в Германию, жил во Франции и США; в 1937 г. принял американское гражданство.

и Нормандии, был ранен, дослужился до чина полковника. Вместе с Капррой он работал над документально-пропагандистским кино-сериалом, состоявшим из 12 картин, под общим заголовком «Почему мы сражаемся?». Лучшей из кинолент этой серии — «Нацисты наступают», «Разделяй и властвуй» (1943 г.); «Битва за Китай» (1944 г.); «Война пришла в Америку» (1945 г.) — была признана «Битва за Россию» (1943 г.). Посредством комбинации отрывков из советских историко-патриотических художественных фильмов («Александр Невский», «Петр Первый» и др.) и документальных кадров Литвак сумел эмоционально и фактически достоверно показать всю тяжесть испытаний, выпавших на долю советского народа, продемонстрировал его стойкость и мужество в борьбе с гитлеровской Германией. Для съемок фильма он выезжал на фронт, какое-то время провел в Полтаве, откуда советские и американские самолеты вылетали на запад бомбить немцев. В «Битве за Россию» активно использовалась кинохроника, отснятая советскими операторами. Сталин, посмотрев картину, распорядился произвести 500 ее копий для широкой демонстрации в СССР⁶⁰.

В 1943 г. создали еще несколько лент, где упоминался советский союзник. Наиболее зрелой из них оказалась картина «Конвой» режиссера Л. Бэкона с Х. Боггардом в главной роли. Хотя сама Советская Россия и не появлялась на экране (не считая нескольких эпизодов, относившихся к Мурманску), фильм рассказывал о подвиге английских и американских моряков, которые северным морским путем вели суда с военным снаряжением для помощи СССР.

Кинозрители в США узнали о «таинственной и экзотической» союзной стране еще и благодаря появлению на киноэкранах «Северной звезды» Л. Майлстоуна (1943 г.) и «Песни о России» Г.В. Ратова (1944 г.)⁶¹. Однако на американском экране российская действительность выглядела именно так, как представляли ее люди, привыкшие к голливудским стандартам. Колхоз в картинах Майлстоуна и Ратова ничем не отличался от фермы на Среднем Западе Соединенных Штатов. Партизаны, боровшиеся против оккупантов, очень напоминали героев американских вестернов⁶².

Тем не менее после состоявшегося на киносекции ВОКС просмотра «Северной звезды» и «Песни о России», на котором при-

⁶⁰ Теплиц Е. История киноискусства. 1939—1945. М., 1974. С. 86—87.

⁶¹ Ратов Григорий Васильевич (1897—1960), кинорежиссер; до 1917 г. жил в России, затем эмигрировал во Францию; работал в США.

⁶² Теплиц Е. Указ. соч. С. 86—87, 97—98.

существовали видные советские кинематографисты Вс.И. Пудовкин, А.П. Довженко, С.М. Эйзенштейн, Д. Вертов, В.А. Шнейдеров и др., прозвучали приветствия в адрес их американских коллег. Пудовкин, например, не раз отмечал и в письмах, отправленных в США, и в личных беседах, и в своих выступлениях, с какими трудностями столкнулись создатели «Северной звезды», «Битвы за Россию» и «Песни о России». Но несмотря ни на что, они сняли свои фильмы о воюющей Советской стране с большой симпатией. Имея в виду «Песню о России», Пудовкин писал: «Этот фильм стал для нас как бы дружеским рукопожатием американских друзей, вместе с нами участвующих в общей борьбе за будущее человечества <...> Отдельные недостатки и неправильные детали русского быта, имеющиеся в картине, не являются существенными»⁶³.

В целом в период существования антигитлеровской коалиции американский кинематограф, по сравнению с английским, более широко освещал рассматриваемую тематику (за исключением экранизации книги бывшего посла Соединенных Штатов Америки в СССР Дж. Дэвиса «Миссия в Москву», о которой речь пойдет далее). Вероятно, единственным художественным фильмом, посвященным советско-английскому сотрудничеству, оказался «Полурай» с Л. Оливье в главной роли. Он повествовал о сооружении на британской верфи предназначенного для СССР судна под символическим названием «Дружба»⁶⁴.

Вслед за публикацией на английском языке романа Л.Н. Толстого «Война и мир» режиссер А. Корда решил приступить к экранизации этой эпопеи. Он вел переписку с Эйзенштейном по поводу реализации своего творческого замысла через посредство ВОКС. Его сотрудники оказали Корде посильную консультационную помощь во время подготовки к съемкам картины. Однако, к сожалению, этот проект английскому продюсеру реализовать не удалось⁶⁵.

Важное место в организации культурного обмена между СССР и США отводилось регулярному информированию американцев о борьбе советского народа против агрессоров. С этой целью намечалось открытие в Вашингтоне специального радиоприемного пункта, с помощью которого можно было бы получать информа-

⁶³ Цит. по: *Караганов А.В.* Всеволод Пудовкин. М., 1983. С. 222.

⁶⁴ *Олдридж Дж.* Англичане и Советский Союз // *Иностранная литература.* 1987. № 11. С. 163.

⁶⁵ *Караганов А.В.* Указ. соч. С. 220—221.

цию из Москвы и использовать ее для издания бюллетеня посольства СССР в США. Однако из-за трудностей чисто технического порядка (невозможности получать в полном объеме радиосигналы из СССР) данный замысел не реализовался. Зимой 1941/42 г. советские инженеры, работавшие в Вашингтоне, имели возможность получать лишь 10% от всего объема радиопередач, транслировавшихся из Москвы⁶⁶.

Согласно планам, принятым на совещаниях правления ВОКС 27 декабря 1941 г. и 20 апреля 1942 г., предполагалось распространить в главных союзных странах ограниченное количество печатных изданий (сборников, альбомов, буклетов). Хотя в эту работу включился отдел международного книгообмена, объем полученных и отосланных через него материалов оказался небольшим. Так, в период с 16 декабря 1941 г. по 7 мая 1942 г. из США было получено 1 629 экз. книг, из Великобритании — 289 экз. В апреле 1942 г. в союзные страны сотрудники Общества отправили соответственно 144 и 78 экз. книг⁶⁷.

В своей работе по реализации планов советской культурной дипломатии руководство Совинформбюро (как и правление ВОКС) ориентировалось на снабжение главных союзников информацией о Советском Союзе. Его сотрудники готовили и направляли в Великобританию и США статьи, очерки, репортажи о борьбе советского народа и военных усилиях СССР. Снабжало оно и советские посольства в Лондоне и Вашингтоне, которые на основании полученной информации готовили собственные печатные издания, упоминавшиеся выше.

Для газетного объединения «Норд Америкэн Ньюспейпер Алайэнс» (НАНА) посылал свои заметки Е.П. Петров. Его статьи вызывали у американцев большой интерес. В направленных ему телеграммах от 3 и 5 сентября 1941 г. американские читатели просили присылать новые фронтовые корреспонденции. Петров оперативно откликнулся на такие просьбы. Так, 29 ноября 1941 г. из действующей армии он передал для названного газетного объединения сообщение о ходе боев под Москвой⁶⁸.

Несмотря на создавшиеся после образования антигитлеровской коалиции благоприятные условия для активизации культурных связей СССР с Великобританией и США, помехой для их дальней-

⁶⁶ ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 14. Д. 74. Л. 1—20.

⁶⁷ Там же. Оп. 15. Д. 53. Л. 35.

⁶⁸ От Советского Информбюро... Т. 2. С. 456.

шего развития оставались, как и в предвоенный период, некоторые недружественные действия со стороны официальных властей союзных стран.

5 июня 1941 г. Л.А. Штейнгардт в беседе с Л.А. Лозовским заявил, что «в Соединенных Штатах прекратили уничтожение прибывающих туда советских изданий, советское посольство может теперь вновь свободно получать их»⁶⁹. Однако недружественные акции со стороны Вашингтона происходили даже после создания антигитлеровской коалиции.

4 марта 1943 г. посол СССР в США М.М. Литвинов вручил заместителю государственного секретаря США С. Уоллесу меморандум (документ датирован 3 марта), в котором сообщалось, что неоднократно имели место случаи недоставки, уничтожения и возврата американской стороной полученной из СССР печатной продукции: газет, журналов и книг. При этом Литвинов подчеркивал, что подобного рода материалы обозначались специальной отметкой: «Пропаганда, не одобряемая американским правительством». Он указал на недопустимость подобных акций, препятствовавших распространению в США печатных произведений, содержащих благоприятную оценку Советской страны⁷⁰.

7 мая 1943 г. Литвинов отправил в НКВД телеграмму, сообщая об очередной встрече с государственным секретарем К. Хэллом. В ходе этого визита Литвинов напомнил главе американского внешнеполитического ведомства о меморандуме, врученном ему ранее и касавшемся вопроса о препятствиях на пути распространения в Соединенных Штатах сведений о Советском Союзе⁷¹.

10 мая, наконец, последовал ответ на советский демарш. Хэлл разъяснял, что поскольку Литвинов обратил внимание на вопросы, затрагивавшие деятельность ряда департаментов правительства США, ему пришлось обратиться с просьбой о тщательном расследовании всех обстоятельств дела к Верховному судье Ф. Биддлу и главному почтмейстеру Ф.К. Уолкеру. Согласно заявлению Биддла, в отношении СССР не предпринимались никакие дискриминационные меры. Наоборот, уверял он, американские законы отправлялись с учетом «важности поддержания удовлетворительных культурных и других связей» между Соединенными Штатами и Советским Сою-

⁶⁹ ДВП. Т. XXIII. Кн. 2 (2). С. 725. Док. № 855.

⁷⁰ Foreign relations of the United States. Diplomatic Papers, 1943. Vol. III. The British Commonwealth, Eastern Europe, the Far East. Washington, 1963. P. 830—832.

⁷¹ Советско-американские отношения... Т. 1. С. 318.

зом. Верховный судья также напомнил, что согласно специальному закону, принятому еще в 1938 г., нельзя ограничивать «деятельность иностранных агентств» и создавать препятствия «распространению информации или пропаганды на основании внешнеполитических принципов» того или иного государства. Как указано в одной из поправок к данному закону, пропагандистские материалы зарубежных стран подлежали регистрации в Департаменте юстиции США, но это никоим образом не влияло на их содержание. По предложению президента Ф.Д. Рузвельта статьи упомянутого закона дополнились условием, что государства, дружественные США, вообще освобождались от контроля со стороны американских властей в вопросах распространения собственной пропаганды.

Запутанная казуистическая фразеология, связанная с интерпретацией юридических норм Соединенных Штатов, к которой прибегнул Хэлл, скорее всего, была призвана отвести обвинения, выдвинутые послом Литвиновым. Более важно другое: если вопрос о воспрепятствовании распространению на американской территории печатной продукции, полученной из дружественной союзной державы, был поднят на таком высоком уровне, то это лишний раз свидетельствует о тесном взаимодействии внешнеполитического курса СССР и осуществлявшейся им культурной пропаганды.

В целом героические усилия советского народа в вооруженном противоборстве с гитлеровской Германией уже на начальном этапе Великой Отечественной войны (1941—1942 гг.) привели к повышению уровня его позитивного восприятия общественностью Запада. Там стремились лучше узнать и попытаться понять источники народного духа в противоборстве с общим врагом. Этот закономерный интерес, который возрастал в условиях перелома в войне (1943—1944 гг.) и на ее завершающем этапе во многом удовлетворялся благодаря развитию советско-английских и советско-американских культурных связей. Их активизации способствовало и то, что в Кремле сумели верно определить тенденцию общественного мнения Запада, стремившегося в условиях войны получить информацию об СССР из первых рук.

В то же время стороны, осуществлявшие культурные связи в рамках антигитлеровской коалиции, направленные главным образом на расширение информации об их военных усилиях, порой выказывали недовольство тем, как осуществлялся этот процесс на практике. Западные журналисты, например, негативно оценивали деятельность советских функционеров, которые выступали в роли их кура-

торов (в первую очередь, критике подвергся Пальгунов, заведующий отделом печати НКВД). Корреспонденты, представлявшие Англию и США в Москве, периодически заявляли о том, что они ограничены в общении с советскими людьми и не получают необходимых им сведений о жизни в СССР в условиях войны. А советские дипломаты, как и в предвоенный период, выражали протест в ответ на дискриминационные меры американских чиновников, не пропускавших в США печатные материалы, присланные из СССР.

§ 3. Механизм формирования позитивного имиджа СССР

Начальный этап Великой Отечественной войны (1941—1942 гг.) оказался драматичным для СССР, советского народа и Красной армии. Она вынуждена была отступать в глубь страны, оставляя врагу стратегически важные промышленные и сельскохозяйственные районы (Украина, Белоруссия и Прибалтика). Помимо необходимости восполнения потерь в живой силе и технике партийно-государственному руководству в спешном порядке приходилось организовывать эвакуацию промышленных предприятий из прифронтовой полосы на восток и налаживать там выпуск необходимой фронту военной техники и вооружения в условиях острой нехватки рабочей силы.

В тот период перед советской пропагандой встала важная политическая задача — показать размах военных усилий страны. Объективная информация об этом могла послужить для правительств и общественности Великобритании и США решающим аргументом в пользу оказания союзниками по антигитлеровской коалиции реальной помощи СССР, принявшему на себя основной удар вермахта.

При организации культурных связей с союзными странами много внимания уделялось разоблачению перед западным обществом человеконенавистнической сущности нацистского оккупационного режима, тех жертв и разрушений, которые он принес. Однако партнеры по межкультурной коммуникации порой указывали своему союзнику, что при этом недостаточно хорошо освещались такие актуальные темы, как героизм бойцов и командиров Красной армии на фронте, повседневные трудности, которые испытывали люди в тылу. Данное обстоятельство со всей прямотой было отмечено, например, в меморандуме американского Комитета помощи России в войне (23 ноября 1942 г.).

В этом документе не без сожаления констатировалось, что ни одна из полученных от Совинформбюро и ВОКС телеграмм за июль—ноябрь 1942 г. не содержала никакой информации «о тех жертвах, которые приносит советский народ в Ленинграде, Сибири, в Центральной Азии, в Москве». Тем самым, по словам авторов меморандума, игнорировался «действительно героический аспект советской борьбы» против нацистской Германии. В то же время контрагенты из СССР сообщали «о покое и комфорте для раненых красноармейцев, о хороших медсестрах, которые приходят и поют им, о том, как раненые организуют любительские хоровые кружки в госпиталях, о том, как женщины приносят им розы и пишут для них письма и т.д. и т.п. Но ни слова о настоящем героизме и тех трудностях, которые донесли бы до американцев <...> славу советских военных усилий».

В меморандуме содержался вполне обоснованный призыв — подчеркивать в информационных материалах, предназначенных для американских читателей, «героизм советского человека». Его авторы отмечали: каждый может производить вооружение в мирных условиях, будучи сытым и находясь в отапливаемом помещении. Что же касается советских людей, то они героически делали это, «получая продукты по карточкам, при недостаточном количестве топлива», когда вокруг падали снаряды. Если бы военные усилия СССР были «легким делом», поясняли авторы документа, то не потребовалось бы создания Американского комитета помощи России в войне. В создавшейся ситуации, наоборот, следовало бы организовать в СССР подобного рода комитет, но для помощи... американцам. В конечном счете, констатировалось в меморандуме, отсутствие объективной информации имеет негативные последствия. В частности, могли укрепиться позиции тех кругов в США, которые являлись противниками оказания содействия СССР в его военных усилиях и заявляли о необходимости заставить русских содействовать американцам в их боях, например, на Тихом океане⁷².

Британский журналист А. Верт писал, что летом 1942 г., когда вермахт вел наступление на Сталинград, возникло убеждение: именно здесь и «произойдет поистине решающее сражение. Овеянный легендами со времен гражданской войны, этот город имел некое символическое (и, следовательно, политическое) значение»⁷³. Неслучайно, используя подобную символику, руководство ВОКС стремилось

⁷² ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 14. Д. 103. Л. 78.

⁷³ Верт А. Россия в войне 1941—1945. М., 1967. С. 333.

к ее идеологически выверенному осмыслению. В мае 1943 г. на совещании у председателя правления Общества обсуждались материалы предназначавшейся для пересылки за рубеж фотовыставки под названием «Ленинград — Сталинград». Кеменов заявил: «Каждый из городов является символом — первый носит имя Ленина — символ начала, другой — имя Сталина — символ дальнейшего строительства социализма в СССР». В конечном счете, на совещании было принято следующее решение: «Добавить материалы, показывающие, что Ленинград — город Ленина (выступление Ленина на Финляндском вокзале, кабинет Ленина в Смольном); Сталинград — город, который возник при советской власти, из старого городка возник гигант; Сталин во время обороны Царицына»⁷⁴.

Таким образом, в пропагандистских материалах, готовившихся для заграницы, темы «Ленин» и «Сталин» тесно связывались между собой. Ведь с их именами в общественном мнении Запада ассоциировался советский политический строй, который уже в 1941—1942 гг., вопреки тяжелым поражениям на фронте, сумел противостоять нацистской агрессии.

Для формирования позитивного имиджа СССР использовались не только каналы культурной связи с союзниками, но и визиты их высокопоставленных лиц. Такого рода визиты в статусе личных представителей президента США Ф.Д. Рузвельта нанесли У. Уилки⁷⁵ и Дж. Дэвис⁷⁶.

Непосредственным поводом к посещению Советского Союза Уилки стал его разговор с американскими корреспондентами в Куйбышеве (туда временно эвакуировалось советское правительство в октябре 1941 г.). Они предложили Уилки приехать в СССР с миссией доброй воли, а тот, в свою очередь, обратился к Рузвельту и нашел у него полную поддержку и помощь не только в организации самой поездки, но и в оформлении своего официального статуса. Уилки отправился в Москву как личный представитель президента США, предоставившего ему определенную свободу рук. Уилки обеспечили специальным самолетом, экипажем и советниками. Управление военной информации выделило ему двух ква-

⁷⁴ ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 1. Д. 397. Л. 17 об.

⁷⁵ Уилки Уэнделл (1887—1944), американский политик; сотрудник администрации президента США Ф.Д. Рузвельта.

⁷⁶ Дэвис Джозеф (1876—1958), американский дипломат; посол США в СССР (1936—1938); сотрудник администрации президента США Ф.Д. Рузвельта; почетный председатель Национального комитета американско-советской дружбы.

лифицированных пропагандистов, являвшихся высокопоставленными сотрудниками этого ведомства, — журналиста Дж. Барнса и крупного издателя Г. Коулса. Барнс, работавший московским корреспондентом газеты «Нью-Йорк геральд трибюн» в 1930-е гг., хорошо знал русский язык и выступал в роли переводчика⁷⁷.

9 августа 1942 г. Сталин получил личное послание от Рузвельта, в котором, в частности, сообщалось о цели предстоящей поездки Уилки в СССР: «Помимо того, что он сам увидит бессмертное единодушие в отражении захватчика и великие жертвы, которые Вы все приносите, он хочет побольше узнать об удивительном прогрессе, достигнутом русским народом». Рузвельт уверял, что хотя Уилки и был его соперником на недавних президентских выборах 1940 г., однако полностью разделяет внешнеполитическую линию американской администрации, заключающуюся «в сопротивлении нацизму и в действительной дружбе» с советским правительством. В своем письме Рузвельт выразил надежду на то, что поездка его личного представителя будет «хорошим делом», а также заранее высказал благодарность на случай, если Сталин «конфиденциально и искренне» сообщит, будет ли он приветствовать этот «очень краткий визит»⁷⁸.

По просьбе Сталина и поручению Молотова в НКВД составили проект ответа на послание президента США «в положительном духе». 12 августа советский лидер сообщил своему партнеру по антигитлеровской коалиции: «Я могу сообщить, что Советское Правительство относится положительно к приезду в СССР господина Уэнделла Уилки и ему будет оказано самое искреннее гостеприимство»⁷⁹.

Программу пребывания Уилки составляли и согласовывали на самом высоком уровне. При этом советская сторона исходила из традиционных для церемонии приема заграничных гостей «мест показа» (колхозы, совхозы, передовые предприятия и учреждения культуры), а американская — «нажимала на неформальные общественные контакты и запретные для иностранцев места»⁸⁰.

Для личного представителя президента США на время его пребывания в СССР (17—28 сентября 1942 г.) была составлена обширная культурная программа. Из Кремля поступила соответствующая

⁷⁷ Печатнов В.О. Сталин, Рузвельт, Трумэн: СССР и США в 1940-х гг.: Документальные очерки. М., 2006. С. 70.

⁷⁸ Печатнов В.О. Магадеев И.Э. Переписка И.В. Сталина с Ф.Д. Рузвельтом и У. Черчиллем в годы Великой Отечественной войны. Документальное исследование. Т. 1. М., 2015. С. 214—215. Док. № 98.

⁷⁹ Там же. С. 215. Док. № 99.

⁸⁰ Печатнов В.О. Указ. соч. С. 74.

шая команда госаппарату, представители которого стали активно готовиться к приезду высокого гостя. 12 сентября эту программу Ф.Ф. Молочков⁸¹ направил Вышинскому и Лозовскому. В ней был запланирован осмотр Москвы и метро. Слева на полях напротив этих пунктов Молотов оставил резолюцию: «Пока не решать. Узнать прежде, чего хочет Уилки»⁸².

Согласно «Сводному отчету о пребывании У. Уилки в СССР», направленному Молочковым на имя наркома иностранных дел и его заместителей, прилетевший специальным самолетом в Куйбышев 17 сентября 1942 г. личный представитель президента США успел осмотреть в этом городе оборонный авиазавод № 1, побывать в совхозе им. С.Т. Разина в Куйбышевской области, а также на спектакле «Лебединое озеро» в исполнении артистов Большого театра СССР⁸³. Между тем Уилки ожидали не только классические театральные постановки — гостеприимные хозяева подготовили для высокого гостя собственные постановочные сцены. Например, сельчане всерьез озаботились тем, чтобы произвести на него впечатление. Курсантов летного училища, размещавшихся в Куйбышевской области, переодели в вышитые рубахи, вручили им косы и направили с песнями навстречу делегации. На вопрос, почему такие крепкие ребята не на фронте, последовал ответ, что «время еще не пришло»⁸⁴. Заметим: к тому времени германские войска уже заняли Северный Кавказ и вели бои в Сталинграде.

21 сентября Уилки прилетел в Москву. В первый день пребывания в советской столице он, помимо приема у Молотова, осмотрел метро, посетил Московскую консерваторию, где исполнялась 7-я симфония Д.Д. Шостаковича. На второй день, 22 сентября, почетному американскому гостю была предоставлена возможность побывать во Всесоюзной библиотеке им. В.И. Ленина, Центральном доме Красной армии, а также на концерте Л.О. Утёсова. 23 сентября Уилки осмотрел завод № 70, побывал в расположении зенитной батареи ПВО г. Москвы, а вечером имел беседу со Сталиным. Ко всему, что было ему показано в Москве, по словам сопровождавших его лиц, Уилки отнесся безразлично, хотя концерт джаза Утёсова ему понравился⁸⁵.

⁸¹ Молочков Фёдор Фёдорович (1906—1986), дипломат; заведующий протокольным отделом НКВД (с 1946 г. — МИД) СССР (1941—1950).

⁸² АВП РФ. Ф. 06. Оп. 4. П. 22. Д. 239. Л. 53.

⁸³ Там же. Л. 40.

⁸⁴ Печатнов В.О. Указ. соч. С. 77.

⁸⁵ Там же. С. 79.

В беседе с главой советского правительства личный представитель президента США, отдав дань уважения увиденным учреждениям культуры, в первую очередь, главному книгохранилищу страны, добавил в шутку: «Если вы, господин Сталин, и дальше будете так просвещать русский народ, то скоро окажетесь без работы». Этот выраженный в шуточной форме комплимент вызывал смех у советского лидера⁸⁶.

24 сентября Уилки направился на фронт, под Ржев, где происходило ожесточенное сражение частей Красной армии с противником. Когда высокий американский гость спросил генерал-майора Д.Д. Лелюшенко, командующего 30-й армией, в распоряжение которой он прибыл, сколько километров фронта тот обороняет, последовал ответ: «Я не обороняюсь, сэр. Я наступаю». Позднее Уилки вспоминал: «После моей поездки на фронт подо Ржевом, я понял ясно как никогда, что выражение “народная война” в России исполнено глубокого смысла»⁸⁷.

День 25 сентября был для личного представителя американского президента особенно насыщенным: он посетил военный госпиталь в Боткинской больнице, присутствовал на опере «Евгений Онегин» в филиале Большого театра, побывал в школе № 545, на кондитерской фабрике «Красный Октябрь» и даже совершил визит к митрополиту Николаю. Вечером его ждал прием (банкет), который был устроен Сталиным в честь высокого гостя в Екатерининском зале Большого Кремлевского дворца⁸⁸. На этом приеме присутствовали почти все члены Политбюро, послы ведущих союзных держав, американская делегация в полном составе (Уилки и его сопровождающие). Стол был полон яств, в ходе банкета прозвучало 53 тоста «до дна»⁸⁹.

На следующий день личный представитель президента США покинул Москву. То ли Уилки был тронут теплым приемом, то ли сыграло свою роль пышное сталинское застолье в Кремле, но впоследствии он не раз демонстрировал доброжелательное отношение к СССР. Советские писатели и журналисты представлялись ему людьми хорошо информированными, любознательными, критичными, но не антагонистичными. Чиновники государственных структур показались образованными, интересующимися внешним миром

---

⁸⁶ Там же. С. 80.

⁸⁷ Там же. С. 84.

⁸⁸ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 4. П. 22. Д. 239. Л. 40—41.

⁸⁹ Печатнов В.О. Указ. соч. С. 88.

и совершенно не похожими своими манерами, обликом и речами «на диких, неотесанных большевиков», которые изображались на американских карикатурах. Наконец, среди положительных качеств простых людей, которых он видел во время кратковременного пребывания в СССР, Уилки впечатлили патриотизм, самопожертвование и решимость сражаться против врага до полной победы.

Еще находясь в Москве, он сделал официальное заявление, имевшее сенсационный характер. Уилки затронул больной вопрос для американских и британских руководителей, медливших с открытием второго фронта. Американцам, заявил он, легко сидеть в комфортабельных условиях в то время, как русские «ведут беспрецедентную борьбу под Сталинградом» и гибнут, чтобы защитить этот город. По мнению Уилки, для того, чтобы быстрее выиграть войну и помочь героическому русскому народу, Англии и США следовало открыть, наконец, «подлинный второй фронт в Европе и в наиболее кратчайшие сроки, которые одобряют наши военные».

Эти слова вызвали неоднозначную реакцию в Вашингтоне и Лондоне. Зато демарш личного представителя президента США импонировал Кремлю. Советская пресса публиковала многочисленные отклики на заявление Уилки, а пропагандисты распространяли его содержание⁹⁰.

Спустя восемь месяцев после завершения визита Уилки в СССР президент США направил в союзную страну другого личного представителя, Дж. Дэвиса. Формальным поводом для этой поездки послужило заявление, сделанное 8 марта 1943 г. американским послом в Советском Союзе У. Стэндли на пресс-конференции в Москве. Он заверял, что советскому народу якобы не давалась исчерпывающая информация о размерах военной помощи, которую Соединенные Штаты оказывали СССР. Это заявление оставило неприятный осадок в советско-американских отношениях. Однако гораздо важнее было то, что Стэндли принадлежал к числу тех американских дипломатов, противников дальнейшего сближения с Москвой, которые пытались предупредить Рузвельта об имевшейся в Европе угрозе советской экспансии и призывали к заблаговременному военному и политическому противодействию ей. Президент США стремился не поддаваться этому давлению, рассчитывая на компромисс между интересами безопасности СССР и сохранением сотрудничества с Москвой. Уже наметившийся тогда перелом

---

⁹⁰ Там же. С. 86—87.

на советско-германском фронте в пользу Красной армии на фоне осложнения отношений с Советским Союзом давал Рузвельту шанс установить личный контакт со Сталиным — в обход У. Черчилля.

Задача была столь деликатной, что Рузвельт вновь прибегнул к использованию доверенного личного представителя. В этой роли выступил Дэвис, который не только пользовался доверием американского президента, но и имел хорошую репутацию у советского вождя. Миссию Дэвиса начали готовить в строгой тайне уже с середины марта 1943 г., а Сталин узнал о ней ровно через месяц⁹¹.

В Москву Дэвис должен был доставить не только личное послание Рузвельта, адресованное Сталину⁹², но и несколько копий художественной киноленты, созданной по сценарию бывшего американского посла в СССР. После нападения Гитлера на Советский Союз при помощи писателей С. Уильямса и С. Ричардсона он написал книгу «Моя миссия в Москву». Она основывалась на конфиденциальных дипломатических документах (за его подписью), официальной и частной переписке, дневниковых записях, заметках и комментариях, хронологически доведенных до октября 1941 г. Эта книга вышла в свет в США двумя изданиями (в 1941 и 1943 гг.), после опубликования первого из них Дэвис принял решение экранизировать свой бестселлер. В июле 1942 г. было заключено соответствующее соглашение об этом с известной киностудией «Уорнер бразерз»⁹³.

По ходу работы над фильмом Дэвис, получивший абсолютное право вмешиваться в подготовку сценария (авторы — П. Коч и Дж. Лейда), внес целый ряд поправок. Так, он настоял на том, чтобы в текст одного из диалогов была введена фраза о том, что СССР не напал первым на Финляндию в 1939 г., а лишь принял ответные военные меры. Вопреки протестам продюсера Р. Бакнера он добился того, чтобы миллионы американцев увидели в лице подсудимых на Московских политических процессах 1937—1938 гг. «предателей» и «троцкистов».

10 февраля 1943 г. начальник Технического управления Комитета по делам кинематографии при СНК СССР Г.Л. Ирский (возглавлял делегацию советских инженеров в США и возвратился из командировки еще в декабре 1942 г.) в беседе с представителями ВОКС

⁹¹ Печатнов В.О., Магдеев И.Э. Указ. соч. С. 451—452.

⁹² Там же. С. 452—453. Док. № 236.

⁹³ Комов Ю. Миссия в Москву. Об одном «просоветском американском фильме», который понравился И.В. Сталину // В мире книг. 1988. № 10. С. 66—71.

сообщил некоторые подробности работы американских кинематографистов над фильмом «Миссия в Москву», первой голливудской ленты об СССР. До Ирского дошли «косвенные сведения о том, что в фильме возможны антисоветские выпады». Литвинова тут же известили — «для возможного дипломатического вмешательства», однако делать этого он не стал. Наоборот, посол СССР в США «дал указание советским работникам держаться подальше от всех дел, с этим фильмом связанных». В итоге Ирскому удалось раздобыть и привезти в Москву вариант первой половины сценария, знакомство с которым заставило его не на шутку встревожиться. Он опасался, что «отсутствие контроля со стороны советских людей» могло привести к появлению в фильме «ряда сцен, искажающих историческую действительность». В качестве примера приводился факт, что по ходу картины М.И. Калинин курил американские папиросы⁹⁴.

В марте 1943 г. работа над кинокартиной была завершена, а 21 апреля состоялась ее премьера. Именитым гостям, приглашенным на нее (их число достигало 4 тыс. человек), фильм понравился. Но как только картина вышла на широкий экран, в американском обществе раздались голоса протеста. 9 мая в газете «Нью-Йорк Таймс» было опубликовано письмо философа Дж. Дьюи, который утверждал, что фильм «Миссия в Москву» — первый в США случай «тоталитарной пропаганды, рассчитанной на массовое потребление, пропаганды, которая фальсифицирует историю, искажая ее, опуская действительно имевшее место и вводя надуманное».

Публикация Дьюи вызвала полемику по поводу содержания фильма. В ходе развернувшейся дискуссии, в частности, высказывалось мнение о необходимости поддерживать «единство фронта союзных сил», утверждалось, что кинолента подкупает правдивостью. В то же время некоторые ее участники отмечали: кинобоевик «Миссия в Москву» в перспективе могут просмотреть 50 млн американцев, но ведь «история в нем подтасовывается, а диктаторский режим превозносится».

Критики фильма в США сходились в одном: его создатели прославляли Сталина, и ложь в нем выдавалась за правду. Массовый американский зритель находил «Миссию в Москву» скучной; в списке из 95 кассовых лент она оказалась... на 84-м месте⁹⁵.

⁹⁴ Кино на войне... С. 564—565. Док. № 262.

⁹⁵ *Данн Д.* Между Рузвельтом и Сталиным. Американские послы в Москве. М., 2004. С. 283—284.

Между тем А.М. Уорнер, глава кинокомпании «Уорнер бразерс», считал необходимым передать с Дэвисом лично для Сталина экземпляр этого фильма. В сопроводительном письме от 1 мая 1943 г. Уорнер уверял советского вождя: «Когда Вы увидите эту картину, я уверен, что Вы согласитесь, что она представляет собой первую попытку иностранца представить на экране дальновидность и мудрость государственных деятелей СССР в отношении нацистской опасности. Теперь ясно, что без реалистического подхода России к нацистской проблеме и без ее долгих приготовлений в области людских и хозяйственных ресурсов, свобода мира могла бы быть потеряна на целые поколения». Уорнер также высказывал в своем письме надежду, что если его кинокартина «хотя бы в небольшой степени рассеет неправильное представление о России и неправильное ее понимание, которые существовали столь длительное время», то его усилия «тысячекратно вознаградятся». В заключение глава голливудской кинокомпании высказал Сталину «великое восхищение волнующей борьбой», которую вели Красная армия и советский народ для уничтожения общего врага⁹⁶.

12 мая 1943 г. Молочков направил Вышинскому программу пребывания Дэвиса в Москве. В ней, в частности, содержался и такой пункт: в случае, если от Дэвиса последует просьба об организации экскурсии, можно показать ему один из институтов Академии наук и какую-нибудь школу. Молочков рекомендовал пригласить Дэвиса и сопровождавших его лиц вместе с представителями американского посольства в филиал Большого театра на оперу «Иван Сусанин», на один из концертов в зале им. П.И. Чайковского, а также показать киножурналы и фильмы⁹⁷.

17 мая Дэвис на самолете прибыл в Куйбышев. Сославшись на переутомление от долгого авиаперелета, он отказался от предложения посетить авиационный завод № 1. 18 мая американский гость был уже в Сталинграде. В спецсообщении народного комиссара государственной безопасности В.Н. Меркулова на имя И.В. Сталина говорилось, что в Сталинграде Дж. Дэвис посетил братскую могилу бойцов Красной армии, павших в сражении на город, и возложил цветы. Затем он произнес пламенную речь, суть которой сводилась к следующему: он возлагает цветы в память о павших героях «от имени президента США» Рузвельта и всех американцев, выражая уверенность в том, что народы трех союзных стран — СССР, Вели-

⁹⁶ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5. П. 29. Д. 337. Л. 27.

⁹⁷ Там же. Л. 48.

кобритании и Соединенных Штатов Америки — «сумеют разгромить Гитлера под руководством своих вождей».

Судя по всему, уже с первых дней пребывания личного посланника американского президента на советской земле Сталин внимательно следил за ходом его визита. Об этом, в частности, свидетельствует резолюция главы советского правительства на тексте донесения Меркулова: «Почему это дело не публикуется? Где корреспонденты наших газет?»⁹⁸.

19 мая Дэвис прибыл в Москву, а уже вечером 20 мая его принял Сталин. В ходе состоявшейся беседы с ним и Молотовым личный представитель президента США заявил, что облик СССР на Западе можно было бы значительно улучшить. Для этого, по мнению Дэвиса, следовало, прежде всего, распустить Коминтерн. В разговоре с Вышинским, состоявшимся в день, когда было опубликовано постановление о роспуске Коминтерна⁹⁹, американский гость заявил, «что считает его абсолютно правильным», поскольку эта организация «выполнила свою задачу в борьбе за мир». Развивая свою мысль, он констатировал: «Реакционеры как Америки, так и Англии старались использовать деятельность Коминтерна для дискредитации мирной политики СССР, для провокационных выступлений на тему об СССР и мировой революции. Теперь они не имеют больше повода для своих выступлений»¹⁰⁰.

Сталин устроил пышный прием в честь нового личного представителя американского президента. На банкете 23 мая 1943 г. в Екатерининском зале Большого Кремлевского дворца присутствовали: Дж. Дэвис и сопровождавшие его лица, сотрудники посольств США и Великобритании в Москве, члены Политбюро ЦК ВКП (б) и советского правительства, представители высшего командного состава Красной армии, руководящий состав НКВД во главе с Молотовым¹⁰¹. Как отмечал американский историк Д. Данн, предложенная гостям еда «была впечатляющей для военного времени, и, как обычно, обед постоянно прерывала череда тостов»¹⁰². В разгар банкета хо-

⁹⁸ Лубянка. Сталин и НКВД—НКГБ—ГУКГБ «Смерш». 1939 — март 1946. М., 2006. С. 376. Док. № 236.

⁹⁹ Правда. 1943. 22 мая.

¹⁰⁰ Советско-американские отношения. 1939—1945. М., 2004. С. 352. Док. № 160.

¹⁰¹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5. П. 29. Д. 337. Л. 60.

¹⁰² Данн Д. Указ. соч. С. 283. Меню приема в Кремле в честь Дж. Дэвиса см.: *Невежин В. А.* Церемониймейстер Сталин. Дипломатические приемы в Кремле как часть внешнеполитической игры // Живая история. Нет ничего современного истории. 2015. №3 (3). С. 23.

зьяин предложил гостю перейти в кремлевский кинозал и посмотреть кинофильм «Миссия в Москву»¹⁰³ (еще 21 мая 1943 г. экземпляр ленты был передан Дэвисом Молотову вместе с сопроводительным письмом от главы фирмы «Уорнер бразерс» на имя Сталина)¹⁰⁴.

Визит Дэвиса имел большое значение для создания положительного имиджа СССР среди союзных держав. Не случайно личный представитель президента США и члены его семьи были щедро вознаграждены. Список подарков, врученных Дэвису с разрешения Сталина, выглядел впечатляюще. От имени советского вождя ему презентовали пистолет-пулемет ППШ и трофейный немецкий ручной пулемет, а также экземпляр художественного фильма «Она защищает Родину», от имени Молотова — полотно А.М. Соловьёва «Атака разведчиков» и золотой портсигар. Не остались без внимания жена и дочь американского посланника. Супруга Молотова П.С. Жемчужина передала им палехские шкатулки, наряды из лисицы и горностая¹⁰⁵.

В ряду прочих приемов пропагандистского воздействия, наиболее распространенных в воюющих странах в период Второй мировой войны, была и апелляция к позитивным символам, характерным для конкретной культуры и данного социума (например, «взывание к классовому и имущественному равенству»). Использовались также обращения к чувству патриотизма, национальным традициям и святыням¹⁰⁶.

Руководство ВОКС, отправляя в Великобританию и США свои печатные материалы, фотовыставки и кинофильмы, стремилось доказать общественности союзных стран справедливость социальной системы, существовавшей в СССР, а также указать на преимущества социалистического общества¹⁰⁷. Поэтому ВОКС считало неприемлемым получение из союзных стран информационных материалов антисоветского характера. Так, на этапе формирования антигитлеровской коалиции на Западе вновь вспомнили о внешнеполитических акциях Сталина (пакт Риббентропа — Молотова, «Зимняя война»), которые являлись своеобразным камнем преткновения для поддержания в общественном мнении негативного имиджа советского руководства. 13 октября 1942 г. Литвинов сооб-

¹⁰³ *Данн Д.* Указ. соч. С. 283.

¹⁰⁴ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5. П. 29. Д. 337. Л. 28.

¹⁰⁵ Там же. Л. 68.

¹⁰⁶ Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны... С. 7.

¹⁰⁷ ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 1. Д. 395. Л. 12, 29; Д. 398. Л. 10.

шал в письме, направленном в НКВД, о наличии в американской печати «статей и писем в редакцию, в которых вновь стали перечислять многие грехи Советского правительства в прошлом, изображая дело так, будто речь идет не об общем деле Объединенных Наций, а об оказании помощи попавшей в беду Советской стране, которая этой помощи не заслуживает-де ввиду заключения советско-германского пакта и т.п.»¹⁰⁸.

Сложной и ответственной оказалась работа по продвижению советских фильмов за границей в непродолжительный период существования антигитлеровской коалиции. Все началось, по мнению киноведа В.И. Фомина, с обманчивого и недолгого сближения¹⁰⁹: с 22 июня 1941 г. по 22 февраля 1942 г. из СССР в США были отправлены 8 художественных и 46 хроникальных и документальных фильмов, в Англию — соответственно 27 и 65¹¹⁰, затем в деле продвижения советских кинолент за рубеж последовал «резкий и мгновенный перелом» (1943 г.)¹¹¹.

10 февраля 1943 г. во время проходившей в ВОКС беседы Ирский ознакомил присутствовавших «с возможностями пропаганды советской культуры в США, в частности, в Голливуде, средствами и кинематографии, и с реальным положением в этой области». По его словам, успех в США имели даже второстепенные фильмы («В тылу врага», «Танкисты»), присланные из СССР. Однако отсутствие в Соединенных Штатах советских творческих работников в области кинематографии, слабая заинтересованность сотрудников советских консульств в Сан-Франциско и Лос-Анджелесе помешали использовать изменившееся отношение к СССР. Именно этим Ирский объяснял то обстоятельство, что в Лос-Анджелесе не удалось создать Американско-русский институт. По его словам, интерес к СССР проявлялся благодаря двум факторам — демонстрации в Соединенных Штатах советских кинолент и созданию в Голливуде фильмов «на русскую тему».

Ирский утверждал, что интерес к процессу распространения в США советской кинопродукции удовлетворялся «недопустимо слабо». В январе 1942 г. в СССР на экраны вышел хроникально-документальный фильм «Разгром немецких войск под Москвой». Предварительно было распространено сообщение о том, что ко-

¹⁰⁸ Советско-американские отношения... Т. 1. С. 252.

¹⁰⁹ Кино на войне... С. 557.

¹¹⁰ Там же. С. 558. Док. № 257.

¹¹¹ Там же. С. 557.

пия этой ленты (в двух экземплярах¹¹²) направлена в Соединенные Штаты Америки. Крупнейшая американская кинокомпания «Коламбия пикчерз» решила организовать прокат этого фильма в лучших кинотеатрах. Она обязалась взять на себя все расходы, выставив со своей стороны лишь одно условие: получить копию ленты не позднее февраля. Однако по вине представителя «Арткино», занимавшегося распространением советских фильмов в США, некоего Н. Наполи (по словам Ирского, это был «мелкий делец, совершенно не пользующийся авторитетом», наносящий ущерб советской пропаганде), премьера «Разгрома немецких войск под Москвой» состоялась лишь... 15 августа 1942 г. По этому поводу Ирский заметил: «Зимний фильм пришел летом и вследствие этого прошел на второстепенных экранах, потеряв, таким образом, миллионы возможных зрителей».

Из рассказа Ирского следовало, что Голливуд готовил еще несколько кинокартин по «советской тематике». Так, по сценарию Л. Хелман предполагалась постановка фильма «Россия». Кроме того, намечались съемки киноленты «Русская девушка», «Сожженная земля» и «Партизаны». Однако, считал Ирский, к работе над кинолентами (чтобы они стали «пропагандистски полезными») требовалось привлечь советских консультантов. В американских сценариях русский язык был исковеркан, присутствовала откровенная «клякwa» (самовары, бороды и т.п.). В одном из американских сценариев, например, председатель сельсовета перед приходом германских солдат в русскую деревню разделил ее жителей на две части: одним приказал идти в партизаны, а другим — «оставаться под немцами». Помимо этого, сценаристы фильма «Русская девушка», отмечал Ирский, преувеличивали военные усилия Соединенных Штатов Америки: главным героем был американский летчик, «затмевающий своими подвигами советских воинов». А героиня картины «Русская земля», трактористка и «талантливая музыкантша», по ходу дела влюблялась в... американского дирижера, находившегося на гастролях в СССР, а затем отправлялась с ним в США¹¹³. Понятно, что вся эта голливудская кинопродукция была далека от объективного освещения военных усилий союзника.

Существенное влияние на характер межкультурной коммуникации с Великобританией и США, на решение во время войны

¹¹² Там же. С. 559. Док. № 257.

¹¹³ Там же. С. 563—565. Док. № 262.

задачи создания на Западе позитивного имиджа СССР оказывали и взаимоотношения главных союзников по антигитлеровской коалиции. Условия для их активизации создавала общность целей в борьбе против нацизма. Превалирующим стало стремление лучше узнать и попытаться понять источники духовной силы советского народа в жестоком противоборстве с коварным врагом. Этот закономерный интерес, который возрастал в условиях перелома в Великой Отечественной войне (1943—1944 гг.) и на ее завершающем этапе, во многом удовлетворялся благодаря развитию советско-английских и советско-американских культурных связей. Руководство СССР сумело верно определить тенденцию общественного мнения Запада в условиях войны. Оно ориентировалось на ту часть западной интеллектуальной элиты, которая симпатизировала народам Советской страны, что, несомненно, способствовало созданию ее позитивного образа в глазах англичан и американцев.

Однако наряду с этим все активнее давали о себе знать и совершенно иные тенденции, которые препятствовали межкультурной коммуникации. Возраставшая подозрительность Сталина и его соратников к союзникам, которые, вопреки своим широковетательным заявлениям 1942 г., затянули открытие второго фронта в Европе до лета 1944 г., идеологическая пропасть между советским режимом и западными демократиями, в конечном счете, сводили на нет предпринимавшиеся усилия по расширению культурных связей.

В октябре 1944 г. была опубликована статья А.В. Солодовникова¹¹⁴. В ней автор, в частности, предупреждал о недопущении «преклонения» перед западным искусством, сведения развития русской культуры к сплошному подражанию зарубежным образцам. Естественно, в этой статье излагалось не личное мнение Солодовникова — в сжатом виде давалась интерпретация действий высшего советского руководства, которое сигнализировало об определенных переменах в отношении к западным союзникам, что не могло не сказаться на характере культурных связей СССР, Великобритании и США. Несомненно, эти новые веяния были замечены в ВОКС. 2 ноября 1944 г., выступая на совещании правления, Кеменов заявил о необходимости «опередить англичан и американцев», пред-

¹¹⁴ Солодовников А.В. За высокую идейность советского искусства // Большевик. 1944. № 19—20. Октябрь. С. 52—64. Солодовников Александр Васильевич (1904—1990), журналист, общественный деятель; заместитель председателя Комитета по делам искусств при СНК СССР (1939—1945).

ложив самим устроить в СССР полезные для советской стороны выставки. Далее он сформулировал совершенно новую задачу: в деле культурных обменов с Великобританией и США «перейти к наступательной тактике», не ожидая, пока партнеры по антигитлеровской коалиции навяжут собственные «пропагандистские темы». По мнению Кеменова, следовало также самим приглашать в СССР симпатизировавших советскому строю западных общественных деятелей, а не «ждать пока Министерство информации [Великобритании] пошлет своих официозных чиновников»¹¹⁵.

О том, как на практике осуществлялась эта инициатива ВОКС, свидетельствуют его делопроизводственные материалы. В частности, 7 апреля 1945 г. на настоятеля Кентерберийского собора Х. Джонсона, составили досье на основе британского справочного издания «Кто есть кто», публикаций печатного органа английских коммунистов газеты «Дейли Уоркер», материалов ТАСС и передач британского радио. Были привлечены и биографические сведения о Джонсоне, содержащиеся в его книге «Советская власть». Из этого досье следовало, что настоятель всегда высказывался о Советском Союзе положительно, несмотря на сложившееся на Западе негативное отношение к нему, связанное с репрессиями 1937—1938 гг., «Зимней войной» и антирелигиозной кампанией. Авторы упомянутого документа констатировали: «Как настоятель Кентерберийского собора Джонсон является приближенным архиепископа Кентерберийского — главы Англиканской церкви и поэтому оказывает влияние не только на Кентерберийскую паству, но и на всю англиканскую церковь»¹¹⁶. Все закончилось тем, что Джонсон, приглашенный ВОКС в СССР, встретился в Кремле со Сталиным¹¹⁷.

Сдвоенный номер бюллетеня Общества (1944. № 11/12; для служебного пользования) был посвящен критическому анализу еженедельника «Британский союзник», который издавался на русском языке посольством Великобритании в Куйбышеве, а затем в Москве (1942—1950 гг.). В бюллетене отмечалось, что в целом это периодическое издание пользовалось успехом у советских читателей. Сотрудникам ВОКС явно импонировали специфические пропагандистские методы работы членов редколлегии «Британского

¹¹⁵ ГА РФ. Ф. 5283. Оп. 1. Д. 398. Л. 27—27 об.

¹¹⁶ Там же. Л. 14 об.

¹¹⁷ На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И.В. Сталиным (1924—1953 гг.). Справочник. М., 2008. С. 458.

союзника». Они максимально приближали формы подачи материала к тем, что были понятны и близки читательской аудитории в СССР, а публикации еженедельника акцентировали внимание на схожести народов союзных стран в целом, хотя англичане и в материальном плане, и в смысле соблюдения демократических свобод жили лучше, чем граждане СССР¹¹⁸.

В то же время в арсенале «Британского союзника», по мнению руководства Общества, имелись методы, которые приводили к «усыплению бдительности советского читателя, протаскиванию пропагандистской информации». Это относилось к использованию ими фраз и оборотов, заимствованных из советской прессы, например, заголовков типа «Рабочая копейка рубль бережет», «Увеличим поголовье скота», «Труд по способностям», материалы под шапкой «Не забудем, не простим», специальный раздел «В тылу, как на фронте»¹¹⁹.

На исходе 1944 г. союзники зафиксировали, по словам В.О. Печатнова, тревожный симптом в советской политике — линию на свертывание культурных информационных обменов с Западом. Серьезные затруднения возникли «на самом оживленном направлении» этих связей — в области книгообмена. Кроме того, советская сторона резко сократила заказы на американские и английский фильмы, отказалась от ранее согласованных планов создания специального кинотеатра для их просмотра и от проведения фестиваля британского кино¹²⁰.

Таким образом, параллельно с определенными достижениями по улучшению имиджа СССР в глазах общественности союзных стран возникли и негативные тенденции.

В этих условиях советская культурная дипломатия, игнорируя подобного рода действия союзников, приобрела наступательный характер.

---

¹¹⁸ Быстрова И.В. Поцелуй через океан: «Большая тройка»: в свете личных контактов (1941—1945 гг.). М., 2011. С. 30.

¹¹⁹ Там же. С. 31.

¹²⁰ Печатнов В.О. Указ. соч. С. 171—172.

Заключение

Культурная дипломатия являлась частью огромного комплекса идей, методов, учреждений, которые составляли невиданный в истории пропагандистский механизм, созданный в СССР. Советское государство уделяло пропаганде больше внимания, чем какое-либо другое, существовавшее до него.

После Октябрьской революции и Гражданской войны культурные связи России оказались прерванными. В этих условиях на первый план была выдвинута задача налаживания почти с нуля и дальнейшего развития культурных контактов с внешним миром.

В начале 1920-х гг. главную роль в культурных связях играли общественные организации, а также личные контакты представителей российской культуры и науки. Участие государственных структур, в основном, сводилось к самым примитивным разрешительно-запретительным формам. Однако в этот период готовилась почва для дальнейшего развития культурных контактов. О «культурной дипломатии» со стороны государства речь еще не шла, но отдельные ее элементы уже были налицо.

В первое время в СССР особым вниманием пользовались представители «прогрессивной» (т.е. левой) интеллигенции. Однако после неудачной попытки разжигания новой революции в Германии (1923 г.) ситуация изменилась, и иностранные компартии перестали быть определяющими в советской внешней политике. Изменилась и ориентация всей советской культурной дипломатии. Главным объектом ее стали интеллектуальная и художественная элиты, составляющие часть истеблишмента. Именно на эти круги ориентировалось Всесоюзное общество культурной связи с заграницей.

Таким образом, была создана организация, которая должна была заниматься вопросами культурных связей с заграницей и координировать эту работу в масштабе всего Советского государства.

В документах ВОКС, как показано в представленном исследовании, достаточно откровенно декларировалась задача переориентации в капиталистических странах общественного мнения в пользу Советского Союза. С этой целью ВОКС основывал за рубежом Общества культурной связи с СССР. Подобные организации были

призваны создавать благоприятную общественную обстановку для поддержки политической линии советских полпредств, влиять соответствующим образом на интеллигенцию капиталистических стран.

В данном исследовании выделяются два основных этапа, характеризующих генезис советской культурной дипломатии предвоенного периода.

Первый этап (эпоха становления) приходится на 1920-е гг. Изучение процесса становления советской культурной дипломатии позволило сделать вывод о том, что ее основными направлениями были не только получение доступа к использованию достижений передовых стран в области науки и техники и передача опыта строительства социализма. Главная задача состояла в распространении за рубежом во многом приукрашенной информации об СССР — с целью создания его позитивного имиджа в глазах Запада. В этот период СССР наиболее активно осуществлял культурные связи с Веймарской республикой (Германией). Менее интенсивным, но постепенно набравшим обороты являлся культурный обмен с Великобританией, США, Францией и другими европейскими странами.

Второй этап (1930-е гг.) — это «звездный час» советской культурной дипломатии, когда проявились как ее плюсы, так и минусы. Для этого времени были характерны всеобъемлющая роль государства и «закрытость» общества, что позволяло эффективно ограждать большинство иностранных гостей от нежелательной информации о реальной жизни советских людей. При этом демонстрировалось именно то, что выбирали гостеприимные хозяева. Вместе с тем финансовые и организационные структуры Советского государства были ограничены, и подобная практика показывала эффективность лишь в условиях незначительных по своим масштабам культурных контактов.

Подписание советско-германского договора о ненападении и Советско-финляндская («Зимняя») война означали не только поворот во внешней политике СССР, но и в значительной мере — конец эпохи в истории советской культурной дипломатии.

До подписания пакта Риббентропа — Молотова основным ее содержанием была демонстрация антифашистского имиджа СССР. Буквально с первого дня действия этого пакта в Советском Союзе развернулась новая политико-идеологическая кампания, содержание которой стало совершенно иным. Вразрез прежним антифашистским и антигерманским идеологическим установкам совет-

ские политико-пропагандистские структуры стремились внедрить в общественное сознание мысль о том, что СССР перестал быть потенциальным военным противником Германии. Внимание акцентировалось на дружественной позиции в отношении Берлина.

Официальные установки, которые периодически «озвучивались» в речах советских лидеров в 1939—1941 гг., нацеливали пропаганду на культивирование дружественных отношений с Третьим рейхом после нескольких лет интенсивной антинацистской кампании, которую возглавляла Москва. Все это происходило на фоне усиливавшейся агрессивности гитлеровской Германии в Европе, что вызывало недоумение и раздражение советского общества.

Литературные произведения, периодическая печать, театральные постановки, кинопрокат были «освобождены» от антифашистской тематики. В советской культурной дипломатии наблюдался перекося в сторону обеспечения лозунга о «расцвете дружбы» с Германией. Это вводило Запад в заблуждение и воспринималось им как своеобразное «отклонение» от прежнего антифашистского имиджа СССР.

22 июня 1941 г., с нападением нацистской Германии на СССР, внешнеполитическое положение последнего коренным образом изменилось. В годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг., когда вместе с Великобританией и США Советский Союз возглавил антигитлеровскую коалицию, к нему на Западе стали проявлять симпатию. В этот период сложились в целом благоприятные условия для активизации советской культурной дипломатии. Однако новые насущные задачи идеологического характера, вставшие перед Советским государством в военный период, обусловили своеобразие проведения этой дипломатии. Культурные связи с главными союзниками по антигитлеровской коалиции носили ярко выраженный пропагандистский характер и имели политическую направленность. Этот канал сотрудничества с крупнейшими западными демократиями активно использовался Москвой для создания в глазах союзников благоприятного образа советской действительности, существовавшего в СССР социально-политического строя.

Культурный обмен в рамках антигитлеровской коалиции был тесно связан с решением задач идеологического противоборства с демократиями Запада. На первый план выдвигались узкоклассовые интересы, порой в ущерб развитию духовных контактов. С советской стороны налицо было стремление оправдать политический

режим, во многом дискредитировавший себя на Западе в конце 1930-х гг. Из идеологического потенциала прежних лет советская культурная дипломатия брала на вооружение уже испытанные средства, прежде всего — умолчание о негативных фактах, событиях и явлениях.

Существенное влияние на характер и продвижение советской культурной дипломатии в Великобритании и США в 1941—1945 гг. оказали и взаимоотношения СССР с союзниками. Общность целей в борьбе против нацизма создала условия для развития культурных связей. Решающий вклад советского народа в противоборство с гитлеровской Германией способствовал положительному восприятию СССР на Западе. Превалирующим там стало стремление лучше узнать и попытаться понять источники народного духа в противоборстве с коварным фашизмом. Этот возросший интерес удовлетворялся по мере развития советско-английских и советско-американских культурных связей в рамках антигитлеровской коалиции.

Ведущая роль в организации и проведении советской культурной дипломатии в период Великой Отечественной войны, как показало наше исследование, принадлежала Советскому информационному бюро, Народному комиссариату иностранных дел СССР, Телеграфному агентству Советского Союза, Всесоюзному обществу культурной связи с заграницей. Наиболее результативной формой подачи визуальной информации о советских военных усилиях в войне стали фотовыставки. Ширился книгообмен с Великобританией и США, предпринимались плодотворные попытки наладить сотрудничество в области кино, переводились на английский язык произведения русской и советской классики. Активизировался обмен информацией в области периодической печати. Советская сторона наладила выпуск собственных газет и информационных бюллетеней на английском языке в Лондоне и Вашингтоне.

В своей культурной дипломатии она ориентировалась на ту часть западной интеллектуальной элиты, которая симпатизировала СССР. Социальная база для развития советско-американских и советско-английских культурных связей, которая была во многом подорвана на исходе 1930-х гг., постепенно восстанавливалась за счет количественного роста как самих западных общественных организаций, учреждений и фондов помощи СССР неправительственного характера, так и входивших в них членов.

В процессе культурных связей постепенно изживался пропагандистский «образ врага», созданный в предвоенные годы в от-

ношении Запада, и даже порой как бы отступал на второй план «классовый подход». И.В. Сталин предпринял практические шаги в этом направлении. На Западе с пониманием восприняли его волевое решение о роспуске Коммунистического Интернационала, совпавшее по времени с визитом в Москву Дж. Дэвиса, специального представителя Ф.Д. Рузвельта. Подобные шаги вызвали позитивную реакцию и среди тех представителей советской интеллигенции, которые были вовлечены в процесс культурных связей с Западом.

Однако одновременно все активнее давали о себе знать и совершенно иные тенденции, которые лишь препятствовали решению задач советской культурной дипломатии в годы войны. Неослабевающая подозрительность Сталина к союзникам, которые, вопреки своим широкообещательным заявлениям, затянули открытие второго фронта в Европе до лета 1944 г., углубляющаяся идеологическая пропасть между советским режимом и западными демократиями, в конечном счете, свели на нет предпринимавшиеся усилия по расширению культурных связей в рамках антигитлеровской коалиции. Тем не менее на исходе войны развернулось открытое советское культурное наступление.

К 1945 г. международный авторитет СССР достиг небывалой высоты, но после войны советская культурная дипломатия так и не смогла достичь уровня эффективности предвоенного и военного периодов.

Список использованных источников и литературы

Источники

Архивные материалы

Российский государственный архив

социально-политической истории (РГАСПИ)

- Ф. 17 (ЦК ВКП (б)). Оп. 85. Д. 16, 84, 171, 288, 321, 345, 373, 444, 551; Оп. 86. Д. 446; Оп. 87. Д. 180—182, 189, 195—199; Оп. 116. Д. 83; Оп. 117. Д. 278, 283; Оп. 121. Д. 115, 117, 128; Оп. 125. Д. 3, 11, 32, 60, 63; Оп. 162. Д. 27.
- Ф. 77 (А.А. Жданов). Оп. 1. Д. 817.
- Ф. 78 (М.И. Калинин). Оп. 1. Д. 284, 508, 669. Бл. 20.
- Ф. 88 (А.С. Щербаков). Оп. 1. Д. 515, 562, 588.

Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ)

Ф. 1235 (ВЦИК). Оп. 141. Д. 1883.

- Ф. 5006 (Советско-германское общество «Культура и техника»). Оп. 1. Д. 92, 96, 155, 166.
- Ф. 5283 (Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (ВОКС)). Оп. 1. Д. 100, 142, 207, 278, 328, 353, 356, 357, 382, 397, 398; Оп. 1-а. Д. 218, 276, 300, 330; Оп. 2. Д. 61, 311; Оп. 3. Д. 602, 725, 728, 738, 740, 749, 1071; Оп. 14. Д. 86, 99, 103, 292; Оп. 19. Д. 327; Оп. 15. Д. 53.

Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ)

Ф. 631 (Союз писателей СССР (СП СССР)). Оп. 14. Д. 3.

Ф. 1038 (В.В. Вишневский). Оп. 1. Д. 2076, 2079.

Ф. 1397 (Редакция журнала «Интернациональная литература»). Оп. 5. Д. 69.

Российский государственный архив экономики (РГАЭ)

Ф. 7486 (Наркомат земледелия РСФСР). Оп. 1. Д. 1377.

Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ)

Ф. 06 (Секретариат В.М. Молотова). Оп. 3 АВТО. П. 6. Д. 57; П. 6. Д. 58; П. 13. Д. 130, 160; Д. 279; Оп. 4. П. 11. Д. 109.

Ф. 69 (Референтура по Великобритании). Оп. 25. П. 74. Д. 38; П. 74. Д. 39. Рубрика «Переписка по вопросам ВОКС. 1941 год»; Оп. 31. П. 109. Д. 37.

Ф. 129 (Референтура по США). Оп. 25. Д. 36.

Центральный государственный архив Удмуртской республики

Ф. Р-195 (Облсполком УР). Оп. 6. Д. 54.

Центр документации новейшей истории Удмуртской республики

Ф. 16 (Обком ВКП (б)). Оп. 1. Д. 3350.

Центральный архив общественных движений г. Москвы (ЦАОДМ)

Ф. 3 (Московский городской комитет ВКП (б)). Оп. 11. Д. 308, 440; Оп. 49. Д. 22; Оп. 50. Д. 74, 75.

Центральный муниципальный архив г. Москвы

Ф. 528 (Московский городской отдел народного образования). Оп. 1. Д. 1530.

Центральный государственный архив г. Санкт-Петербурга (ЦГА СПб.)

Ф. 1000 (Ленинградский горисполком). Оп. 71. Д. 178.

Ф. 7384 (Ленинградский областной совет депутатов). Оп. 18. Д. 62.

Центральный государственный архив историко-политических документов г. Санкт-Петербурга

Ф. 24 (Обком ВКП (б)). Оп. 5. Д. 2714.

Вологодский архив новейшей политической истории

Ф. 1858 (Вологодский горком ВКП (б)). Оп. 2. Д. 940.

Центр документации новейшей истории Омской области

Ф. 17 (Омский обком ВКП (б)). Оп. 1. Д. 1310.

Государственный архив Свердловской области (ГА СО)

Ф. Р-579 (Свердловское областное управление по делам литературы и издательств — Облит). Оп. 2. Д. 17; Оп. 3. Д. 18.

Центр документации общественных организаций

Свердловской области (ЦДОО СО)

Ф. 4 (Обком ВКП (б)). Оп. 13. Д. 144; Ф. 161. Оп. 1. Д. 107; Оп. 6. Д. 1.

Документальные публикации

Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП (б)-ВКП (б)-КПСС. 1922—1952 / Сост. В.Д. Есаков. М.: РОССПЭН, 2000. 591 с.

Большая цензура: писатели и журналисты в Стране советов. 1917—1956 / Под общ. ред. акад. А.Н. Яковлева. М.: Материк, 2005. 752 с. (Россия. XX век. Документы).

Власть и интеллигенция в сибирской провинции. Конец 1919—1925 гг. Сб. документов / Сост.: С.А. Красильников и др. Новосибирск: ЭКОР, 1996. 367 с.

Власть и художественная интеллигенция: Док. ЦК РКП (б)-ВКП (б), ВЧК—ОГПУ—НКВД о культурной политике, 1917—1953 гг. / Сост.: А. Артизов и О. Наумов. М.: Междунар. фонд «Демократия», 2002. 868, [1] с. (Россия. XX век. Документы).

ВЧК—ОГПУ о политических настроениях северного крестьянства, 1921—1927 гг.: (По материалам информационных сводок ВЧК—ОГПУ) / Сост. Г.Ф. Доброноженко. Сыктывкар: СГУ, 1995. 192, [1] с.

Голубев А.В., Невежин В.А. ВОКС в 1930—1940-е годы // Минувшее: Исторический альманах. Т. 14. М.: СПб.: Atheneum — Феникс, 1993. С. 313—366.

Две директивы 1941 г. о пропагандистской подготовке СССР к войне / Вступ. ст., публ. и коммент. В.А. Невежина // Археографический ежегодник за 1995 год. М.: Наука, 1997. С. 191—207.

Документы внешней политики СССР. Т. X. 1 января — 31 декабря 1927 г. М.: Политиздат, 1965. 687 с.

- Документы внешней политики СССР. Т. XI. 1 января — 31 декабря 1928 г. М.: Политиздат, 1966. 692 с.
- Документы внешней политики СССР. Т. XII. 1 января — 31 декабря 1929 г. М.: Политиздат, 1967. 816 с.
- Документы внешней политики СССР. Т. XIII. 1 января — 31 декабря 1930 г. М.: Политиздат, 1967. 883 с.
- Документы внешней политики. 1939. Т. XXII: В 2 кн. Кн. 1. Январь—август. М.: Междунар. отношения, 1992. 708, [1] с.
- Документы внешней политики. 1939. Т. XXII: В 2 кн. Кн. 2. Сентябрь—декабрь. М.: Междунар. отношения, 1992. 688 с.
- Документы внешней политики. 1940 — 22 июня 1941. Т. XXIII: В 2 кн. Кн. 2 (2). 2 марта 1941 — 22 июня 1941. М.: Междунар. отношения, 1998. 448 с.
- Документы внешней политики. 22 июня 1941 — 1 января 1942. Т. XXIV. М.: Междунар. отношения, 2000. 632 с.
- Документы внешней политики. 1942. Т. XXV: В 2 кн. Кн. 1. Январь—июнь. Тула: ЗАО «Гриф и К», 2010. 524 с.
- История советской политической цензуры: документы и комментарии / Сост. Т.М. Горяева. М.: РОССПЭН, 1997. 672 с.
- КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898—1988) / Под общ. ред. А.Г. Егорова, К.М. Боголюбова. 9-е изд., доп. и испр. М., 1983—1990: В 16 т. Т. 6 (1933—1937). М., 1985. 431 с.
- КПСС о культуре, просвещении и науке / Сост. В.С. Викторов. М.: Политиздат, 1963. 552 с.
- Л. Фейхтвангер в Москве (из отчетов сотрудницы ВОКС) // Советские архивы. 1989. № 4. С. 55—63.
- Ленинский сборник. Вып. 12. 2-е изд. / Под ред. В.В. Адоратского, В.М. Молотова, М.А. Савельева. М.; Л.: Ин-т Ленина при ЦК ВКП (б), 1931. 478 с.
- Лубянка. Сталин и ВЧК—ГПУ—ОГПУ—НКВД: Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Янв. 1922 — дек. 1936 / Сост.: В.Н. Хаустов и др. М.: Демократия [и др.], 2003. 910 с., табл. (Россия. XX век. Документы).
- Лубянка. Сталин и НКВД—НКГБ—ГУКГБ «Смерш». 1939 — март 1946. М.: МФД: Материк, 2006.
- Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года // Вопросы истории. 1993. № 5. С. 3—23.
- М.Н. Покровский о русской революции. 1922 г. / Публ. А.А. Чернобаева // Исторический архив. 1994. № 5. С. 209—216.
- Общество и власть: 1930-е гг. Повествование в документах / Сост.: С.В. Журавлёв и др. М.: РОССПЭН, 1998. 348, [3] с., портр. (Социальная история России XX века). Оглашению подлежит: СССР — Германия, 1939—1941: Документы и материалы. М., 1991 / Сост. Ю.М. Фельштинский. М.: Моск. рабочий, 1991. 367 с. (Фонд Правды).
- «Основная цель его приезда...». Отчеты сотрудников ВОКСа о пребывании в СССР деятелей науки и культуры Великобритании. 1934—1936 гг. / Публ. А.В. Голубева // Исторический архив. 1996. № 3. С. 134—150.
- От Советского Информбюро... 1941—1945: Публицистика и очерки военных лет: В 2 т. 2-е изд. / Сост. С. Красильщик. М.: АПН, 1984. Т. 2. 1943—1945. 478 с.
- Партийно-политическая работа в Красной Армии: Документы: Июль 1929 г. — май 1941 г. М.: Воениздат, 1985. 535 с.
- Печатнов В.О. Магадеев И.Э. Переписка И.В. Сталина с Ф.Д. Рузвельтом и У. Черчиллем в годы Великой Отечественной войны. Документальное исследование: В 2 т. Т. 2. М.: ОЛМА Медиагруп, 2015. 656 с., ил. (Элита).

- Питерские рабочие и «диктатура пролетариата». Октябрь 1917—1929. Экономические конфликты и политический протест. Сб. документов. / Отв. ред. и сост. В.Ю. Черняев. СПб.: Рус.-Балт. информ. центр БЛИЦ, 2000. 461, [2] с., табл.
- Политбюро ЦК РКП (б)-ВКП (б) и Европа. Решения «особой папки». 1923—1939. М.: РОССПЭН, 2001. 400 с.
- «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922—1934 гг.). Т. 3. Ч. 1. 1925 г. / Сост.: Л.П. Колодникова и др. М.: ИРИ РАН, 2002. 495 с.
- «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922—1934 гг.). Т. 4. Ч. 1. 1926 г. / Сост.: Н.М. Перемышленникова и др. М.: ИРИ РАН, 2001. 703, [1] с.
- «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922—1934 гг.). Т. 6. 1928 / Сост.: Н.Е. Быстрова и др. М.: ИРИ РАН, 2002. 794, [1] с.
- Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945: Документы и материалы: В 2 т. / Редкол.: Г.А. Арбатов и др. М.: Политиздат, 1984. Т. 1. 1941—1943. 510 с.
- Советско-американские отношения. 1939—1945 / Под ред. Г.Н. Севостьянова; сост.: Б.И. Жилиев, В.И. Савченко. М.: МФД, М., 2004. 792 с. (Россия. XX век. Документы).
- Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1945—1945 гг.: Документы и материалы: В 2 т. Т. 1. 1941—1943 / Редкол.: Г.П. Кынин и др. М.: Политиздат, 1983. 542 с.
- Советское руководство. Переписка, 1928—1941 / Редкол.: А.В. Квашонкин и др. М.: РОССПЭН, 1999. 519 с. (Документы советской истории).
- СССР — Германия: 1933—1941: Сб. документов / Ред. С. Кудряшов. М., 2009. 368 с., ил. (Вестник Архива Президента Российской Федерации; Вып. 4).
- Сталин и Каганович. Переписка. 1931—1935 гг. / Сост.: О.В. Хлевнюк и др. М.: РОССПЭН, 2001. 798 с., ил.
- Сталинское Политбюро в 30-е годы: Сб. документов / Сост.: О.В. Хлевнюк и др. М.: АИРО-XX, 1995. 340 с. (Документы советской истории).
- Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927—1939. Документы и материалы: В 5 т. Т. 2. Ноябрь 1929 — декабрь 1930 / Под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М.: РОССПЭН, 2000. 927 с.
- Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927—1939. Документы и материалы: В 5 т. Т. 4. 1934—1936 / Под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М.: РОССПЭН, 2002. 1056 с.
- 1941 год: В 2 кн. Кн. 2. / Сост. Л.Е. Решин и др.; под ред. В.П. Наумова. М.: МФД, 1998. 832 с. (Россия. XX век. Документы).
- Фрезинский Б. Великая иллюзия — Париж, 1935 (Материалы к истории Международного конгресса писателей в защиту культуры) // Минувшее: Исторический альманах. Т. 24. СПб.: Atheneum — Феникс, 1998. С. 166—239.
- Цензура в Советском Союзе, 1917—1991. Документы / Сост. А.В. Блюм; коммент. В.Г. Воловникова. М.: РОССПЭН, 2004. 575 с.
- Эмиграция оренбургских немцев 1929 г. и ее итоги // Архивы Урала. 1996. № 1. С. 197—203.
- Foreign relations of the United States. Diplomatic Papers, 1943. Vol. III. The British Commonwealth, Eastern Europe. The Far East. Washington: United States Government Printing Office, 1963. 1151 p.

Интернет-ресурсы

- СССР и союзники. Документы Архива МИД России о внешней политике и дипломатии ведущих держав антигитлеровской коалиции». URL: agk.mid.ru.

Законодательные акты

- Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР (СУ РСФСР). 1922. № 1.
- Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР (СУ РСФСР). 1927. № 49.
- Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР (СЗ СССР). 1934. № 45.
- Собрание законов и распоряжений рабоче-крестьянского правительства СССР (СЗ СССР). 1935. № 5, 58.

Выступления, речи

- Невежин В.А.* Застольные речи Сталина. Документы и материалы. М.: АИРО-XX; СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. 544 с.

Переписка

- Вернадский В.И.* Из писем разных лет / Публ. подгот. С.Р. Микулинский // Вестник АН СССР. 1990. № 5. С. 77—125.
- «Мы, Ваши друзья, совершенно беззащитны». Пять безответных писем Романа Роллана // Источник. 1996. № 2. С. 122—129.
- Week-end в Болшево, или еще раз «вольные» письма академика В.И. Вернадского / Подгот. текста и публ. М.Ю. Сорокиной // Минувшее: Исторический альманах. № 23. СПб., 1998. С. 245—342.

Дневники

- Беньямин В.* Московский дневник / Пер. с нем. и примеч. С. Ромашко. М.: Изд. фирма «Ad Marginem», 1997. 221, [2] с., ил. (Философия по краям. Международная коллекция современной мысли: Литература. Искусство. Политика).
- Вернадский В.И.* «Коренные изменения неизбежны...». [Отрывки из дневника, 1941 г.] / Публ. подгот. И.И. Мочалов // Новый мир. 1995. № 5. С. 176—221.
- Геббельс Й.* «Наступит эра абсолютной германской гегемонии...». [Из дневника Й. Геббельса] / Пер. и прим. В.П. Бахара // Военно-исторический журнал. 1994. № 6. С. 45—56.
- Дмитриев С.С.* Из дневников Сергея Сергеевича Дмитриева // Отечественная история. 2000. № 2. С. 142—153.
- Ржевская Е.М.* Геббельс: Портрет на фоне дневника. М.: Слово/SLOVO, 1994. 384 с., ил.
- Соловьёв А.Г.* Тетради красного профессора. 1912—1941 гг. / Публ. Н. Зелова // Неизвестная Россия. XX век. Кн. IV. М.: Мосархив, 1993. С. 140—228.
- Чуковская К.И.* Дневник, 1901—1929 / Подгот. текста и коммент. Е.Ц. Чуковской. 2-е изд., испр. М.: Современ. писатель, 1997. 541, [2] с., [16] л. ил., факс.
- Шитц И.И.* Дневник «Великого перелома». Март 1928 — август 1931. Париж: YMCA-Press, 1991. 125 с.
- Эйзенштейн С.М.* Заметки к постановке «Валькирии» Рихарда Вагнера (Из дневников периода постановки «Валькирии») // Киноведческие записки. 1998. № 39. С. 151—198.

Мемуары, воспоминания, интервью

- Азабегов Г.С.* Секретный террор. М.: Терра—Кн. клуб, 1998. 334 с. (Секретные миссии).
- Баграмян И.Х.* Так начиналась война. М.: Воениздат, 1971. 511 с., 16 л. ил. (Военные мемуары).
- Бажанов Б.* Воспоминания бывшего секретаря Сталина. Б.м.: СП «Софинта»: Информ.-рекл. центр «Инфодизайн», 1990. 318, [1] с.

- Бережков В.М.* Как я стал переводчиком Сталина. М.: Рос.-фр. совмест. изд-во «ДЭМ», 1993. 397, [1] с.
- Блейк О.* Московские будни — 1937 // Коммунист. 1991. № 3. С. 92—100.
- Бубер-Нейман М.* Мировая революция и сталинский режим: записки очевидца о деятельности Коминтерна в 1920—1930-х гг. / Ред. и пер. с нем. А.Ю. Ватлина и Л.И. Ватлиной. М: АИРО-XX, 1995. 261 с. портр. (Серия «Первая публикация» / Под ред. Г.А. Бордюгова).
- Готье Ю.В.* Мои заметки. М: Изд. центр «Терра», 1997. 588, [1] с. (Тайны истории. Век XX).
- Два взгляда из-за рубежа: [Переводы]. М.: Политиздат, 1990. 272 с., ил.
- Зиновьев А.А.* Русская судьба: Исповедь отщепенца. М.: Центрполиграф, 1999. 505, [1] с., [8] л. ил.
- Краминов Д.Ф.* В орбите войны: Записки советского корреспондента за рубежом. 1939—1945 годы. М.: Сов. Россия, 1980. 416 с., ил.
- Кристи А.* Автобиография / Пер. В. Чемберджи, И. Дорониной. СПб.: Лимбус-пресс: РИК «Культура», 1997. 602, [1] с., [16] л. ил.
- Майский И.М.* Воспоминания советского дипломата (1925—1945 гг.), М.: Наука, 1961. 716 с.
- Майский И.М.* Б. Шоу и другие: Воспоминания. М.: Искусство, 1967. 201 с., 8 л. ил. На корме времени: Интервью с ленинградцами 1930-х гг. / Под общ. ред. В. Витухновской. М.: Нева, 2000. 381, [2] с., ил., портр.
- Орлова Р.Д.* Воспоминания о непростом времени. М.: СП «Слово», 1993. 400 с., ил.
- Пальгунов Н.Г.* Тридцать лет (Воспоминания журналиста и дипломата). М.: Политиздат, 1964. 351 с.
- Проезжая по Москве: (Россия XVI—XVII вв. глазами дипломатов) / Сост. и авт. коммент. Г.И. Герасимова. М.: Междунар. отношения, 1991. 365, [2] с., [8] л. ил. (Россия в мемуарах дипломатов).
- Россия победоносная. Беседа с Исааком Макбрайдом // Иностранная литература. 1987. № 11. С. 187—194.
- Серж В.* От революции к тоталитаризму: воспоминания революционера. Оренбург: Оренбург. кн., 2001. 686, [1] с., [2] л. портр.
- Симонов К.М.* Глазами человека моего поколения: Размышления о И.В. Сталине. М.: Изд-во Агентства печати Новости, 1988. 478, [1] с., ил. (ВСЛ: Время. События. Люди).
- Соловьёв Ю.Я.* Воспоминания дипломата. 1893—1922. М.: Соцэкгиз, 1959. 414 с.
- Сталин И.В.* Беседа с немецким писателем Эмилем Людвигом 13 декабря 1931 г. // *Сталин И.В.* Сочинения. Т. 13. М.: Госполитиздат, 1951. С. 104—123.
- Треппер Л.* Большая игра: Воспоминания советского разведчика: Пер. с фр. М.: Политиздат, 1990. 381, [1] с.
- «Тысячи людей видят в СССР воплощение своих надежд». Запись беседы Ромена Роллана и И.В. Сталина 28 июня 1935 г. // Источник. 1996. № 1. С. 140—152.
- Улановская Н., Улановская М.* История одной семьи. М.: Весть — ВИМО, 1994. 426, [1] с., [8] л. ил. (История инакомыслия).
- Уэллс Г.* Россия во мгле / Предисл. акад. Г. Кржижановского. М.: Госполитиздат, 1958. 104 с., ил.
- Шейнис З.С.* Перед нашествием: Из записной книжки 1939—1941 годов // Новая и новейшая история. 1990. № 1. С. 98—118.
- Эренбург И.Г.* Люди, годы, жизнь. Воспоминания: В 3 т. Изд. испр. и доп. Т. 2. Кн. 4, 5. М.: Сов. писатель, 1990. 442, [2] с.

The God that failed / André Gide, Richard Wright, Ignazio Silone, Stephen Spender, Arthur Koestler, Louis Fischer / Ed. R.H.S. Crossman. N.Y.: Bantam books, 1965. 248 p. (Series: Bantam matrix ed.).

Исследования

Монографии, книги

- Антонов В.С.* Служба внешней разведки: история, люди, факты. М.: Кучково поле, 2013. 382, [1] с., [8] л. ил. (Тайны спецслужб).
- Бердяев А.Н.* Истоки и смысл русского коммунизма. Репринт. воспр. М.: Наука, 1990. 220, [2] с.
- Блюм А.В.* За кулисами «министерства правды»: Тайная история советской цензуры, 1917—1929. СПб.: Гуманит. агентство «Акад. проект»: ТОО «Абрис», 1994. 319, [1] с.
- Великая Октябрьская социалистическая революция и становление советской культуры, 1917—1927 / Отв. ред. М.П. Ким. М.: Наука, 1985. 526 с.
- Вишневский А.Г.* Серп и рубль: Консервативная модернизация в СССР. М.: ОГИ, 1998. 429 с., ил.
- Восточная Европа между Гитлером и Сталиным. 1939—1941 гг. / Отв. ред. В.К. Волков. М.: Индрик, 1999. 530 с. (Вторая мировая война и Восточная Европа).
- Гареев М.А.* Неоднозначные страницы войны (Очерки о проблемных вопросах истории Великой Отечественной войны). М.: РФН, 1995. 320 с.
- Голубев А.В.* «...Взгляд на землю обетованную»: из истории советской культурной дипломатии, 1920—1930-х гг. М.: ИРИ РАН, 2004. 272, [2] с.
- Данн Д.* Между Рузвельтом и Сталиным. Американские послы в Москве. М.: Три квадрата, 2004. 472 с.
- Дэвид-Фокс М.* Витрины великого эксперимента: культурная дипломатия Советского Союза и его западные гости, 1921—1941 годы. М.: Новое лит. обозрение, 2015. 561 с. (Historia Rossica).
- Иванов Р.Ф.* Дипломатия Авраама Линкольна. М: Междунар. отношения, 1987. 301, [2] с.
- Иоффе А.Е.* Интернациональные, научные и культурные связи Советского Союза. 1928—1932. М.: Наука, 1969. 199 с.
- Иоффе А.Е.* Международные связи советской науки, техники и культуры. 1917—1932. М.: Наука, 1975. 429 с.
- Кен О.Н., Рупасов А.И.* Западное приграничье: Политбюро ЦК ВКП (б) и отношения СССР с западными соседними государствами, 1928—1934. М.: Алгоритм, 2014. 717, [2] с.
- Кодин Е.В.* Гарвардский проект. М.: РОССПЭН, 2003. 207 с., [4] л. ил., табл.
- Коржихина Т.П.* Извольте быть благонадежны! М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1997. 371, [2] с.
- Кострикова Е.Г.* Русская пресса и дипломатия накануне первой мировой войны, 1907—1914. М.: ИРИ РАН, 1997. 175, [1] с.
- Костырченко Г.В.* Сталин против «космополитов»: власть и еврейская интеллигенция в СССР. М.: Фонд первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2010. 415 с., 12 л. ил. (История сталинизма).
- Кузьмин М.С.* Деятельность партии и Советского государства по развитию международных научных и культурных связей СССР. 1917—1932. Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1971. 149 с.

- Куликова Г.Б.* Новый мир глазами старого. Советская Россия 1920—1930-х годов глазами западных интеллектуалов: очерки документированной истории. М.: ИРИ РАН, 2013. 368, [1] с.
- Куманёв В.А.* Деятели культуры против войны и фашизма: Исторический опыт 20—30-х гг. / Отв. ред. М.П. Ким. М.: Наука, 1987. 294, [1] с.
- Куманёв В.А.* 30-е годы в судьбах отечественной интеллигенции. М.: Наука, 1991. 295 с., [8] л. ил.
- Лакер У.* Россия и Германия. Наставники Гитлера. Вашингтон: Проблемы Восточной Европы, 1991. 485 с., [2] л. ил.
- Ломажин Н.А.* Неизвестная блокада: В 2 кн. Кн. 1. СПб.: Нева; М.: ОЛМА-пресс, 2002. 446, [1] с., [8] л. портр., факс., табл.
- Миронов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: В 2 т. СПб.: Дм. Буланин, 1999. Т. 1. 548 с.; Т. 2. 566 с.
- Невезжин В.А.* Синдром наступательной войны. Советская пропаганда в преддверии «священных боев», 1939—1941 гг. М.: АИРО-XX, 1997. 288 с. (Серия «Первая монография» / Под ред. Г.А. Бордюгова).
- Поздеева Л.В.* Лондон — Москва. Британское общественное мнение и СССР. 1939—1945. М.: ИВИ РАН, 1999. 206 с.
- Попов В.И.* Советник королевы — суперагент Кремля. М.: Новина, 1995. 303 с., ил.
- Роговин В.З.* Сталинский неонэп. Б.м., б.и., б.г. 382, [2] с.
- Романовский С.К.* Международные культурные и научные связи СССР. М.: Междунар. отношения, 1966. 240 с.
- Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века. М.: ИРИ РАН, 1998. 334 с.
- Сааков Р.Р.* Международное движение общественности за дружбу и культурные связи с СССР. М.: Знание, 1975. 64 с. (В помощь лектору).
- Саран А.Ю.* Власть и общественные организации в Центральной России. 1928—1934 гг. М.; Орел: Изд-во ОрелГАУ, 2003. 434, [1] с., ил., портр., табл.
- Советская культура в реконструктивный период, 1928—1941 / Отв. ред. М.П. Ким. М.: Наука, 1988. 603, [2] с.
- Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал: В 2 т. / Под общ. ред. Ю.Н. Афанасьева. Т. 1—2. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1997. Т. 1. От вооруженного восстания в Петрограде до второй сверхдержавы мира. 510 с.; Т. 2. Апогей и крах сталинизма. 761 с. (Россия. XX век).
- Фадеева Л.А.* Очерки истории британской интеллигенции. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1995. 194, [1] с.
- Фатеев А.В.* Образ врага в советской пропаганде: 1945—1954 гг. М.: ИРИ РАН, 1999. 261 с.
- Фокин В.И.* Международный культурный обмен и СССР в 20—30-е годы. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. 197 с.
- Фрадкин В.А.* Дело Кольцова. М.: Вагриус: Междунар. фонд «Демократия», 2002. 351 с., [8] л. ил., портр., факс.
- Фрезинский Б.Я.* Писатели и советские вожди: избранные сюжеты 1919—1960 годов. М.: Эллис Лак 2000, 2008. 668, [1] с., [24] л. ил., портр., факс.
- Хромов С.С.* Леонид Красин: Неизвестные страницы биографии, 1920—1926 гг. М.: ИРИ РАН, 2001. 208, [3] с. ил., портр.
- Шишкин В.А.* Россия в годы «великого перелома» в восприятии иностранного дипломата (1925—1931 гг.). СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. 282 с.
- Barghoorn F.C.* The Soviet Cultural Offensive: The Role of Cultural Diplomacy in Soviet Foreign Policy. Princeton: Princeton University Press, 1960. 361 p.

- Cohen St.F.* Sovieticus. American Perception & Soviet Realities. N.Y.; L.: Norton, 1985. 160 p.
- Filene P.G.* Americans and the Soviet experiment, 1917—1933: Amer. attitudes toward Russia from the February Revolution until diplomatic recognition. Cambridge (Mass.): Harvard univ. press, 1967. VIII. 389 p.
- Haslam J.* The Soviet Union & the Struggle for Collective Security in Europe, 1933—1939. L.: St. Martin's Press, 1984. 310 p.
- Hollander P.* Political Pilgrims. Travels of Western Intellectuals to the Soviet Union, China & Cuba. 1928—1978. N.Y.: Oxford: Oxford University Press, 1981. 524 p.
- Russia's Road from Peace to War: Soviet Foreign Relations, 1917—1941. N.Y.: Harper & Row, 1969. 499 p.
- Kenez P.* The birth of the propaganda state: Sov. methods of mass mobilization, 1917—1929. Cambridge: Cambridge univ. press, 1985. XI. 308 p.
- Keeble C.* Britain and the Soviet Union, 1917—1989. L.: Macmillan, 1990. XIV. 387 p.
- Lukes I.* Czechoslovakia Between Stalin and Hitler: The Diplomacy of Edward Benes in the 1930s. N.Y.: Oxford University Press, 1996. 321 p.
- Mowat Ch.L.* Britain between the wars, 1918—1940. L.: Methuen and Co, 1955. 694 p.

Статьи

- Батыгин Г.С.* Советская социология на закате сталинской эры (несколько эпизодов) // Вестник АН СССР. 1991. № 10. С. 90—107.
- Вайль Б.* Судьба Александра Улановского // Вопросы истории. 1995. № 9. С. 154—158.
- Варламова С.Ф.* К истории создания и развития спецфондов государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина // Цензура в царской России и Советском Союзе: материалы конференции (Москва, 24—27 мая 1993 г.) / Ред. Т.В. Громова. М.: Рудомино, 1995. С. 161—167.
- Высочина Т.Е.* К проблеме диалога культур и роли искусства в этом процессе // Искусство и искусствознание на пути преодоления мифов и стереотипов. По итогам междунар. конф. с участием ученых стран Вост. Европы, 12—14 июля 1988 г. / Редкол.: И.Е. Светлов (отв. ред.) и др. М.: б. и., 1990. С. 91—97.
- Голубев А.В.* Мифологизированное сознание и внешний мир // Бахтинские чтения. Философские и методологические проблемы гуманитарного познания. Орел: ОГТРК, 1994. С. 106—118.
- Голубев А.В.* Запад глазами советского руководства в 1930-е годы // Россия XXI. 1997. № 11—12. С. 114—132.
- Голубев А.В.* Интеллигенция Великобритании и «новая цивилизация» (из истории советской культурной дипломатии 1930-х гг.) // Россия и внешний мир: диалог культур. М.: ИРИ РАН, 1997. С. 258—272.
- Голубев А.В.* Интеллигенция Запада и советская культурная дипломатия в межвоенный период // Россия XXI. 1997. № 1—2. С. 112—132.
- Голубев А.В.* «Звездный час» советской культурной дипломатии: 1929—1939 годы // Россия и современный мир. 1999. № 2. 224—244.
- Голубев А.В.* Формирование образа внешнего мира в СССР. 30-е годы // Российская ментальность: методы и проблемы изучения / Редкол.: А.А. Горский (отв. ред.) и др. М.: ИРИ РАН, 1999. С. 178—208.
- Голубев А.В.* «В осажденной крепости» (к вопросу о предпосылках «холодной войны») // Советское общество: будни холодной войны: материалы «круглого стола». 29 марта 2000 г. / Под ред. В.С. Лельчука, Г.Ш. Сагателяна. М.; Арзамас: АГПИ, 2000. С. 40—56.
- Голубев А.В.* «Весь мир против нас»: Запад глазами советского общества 1930-х годов // Труды Института российской истории РАН. 1997—1998. Вып. 2. М.: Наука, 2000. С. 286—323.

- Голубев А.В.* Советская культурная дипломатия 1920—30-х гг. // Россия и мировая цивилизация / Гл. ред. А.Н. Боханов. М.: ИРИ РАН, 2000. С. 339—354.
- Голубев А.В.* «Строительство дома цензуры» (к вопросу о закрытости советского общества) // Россия и современный мир. 2000. № 3. С. 73—87.
- Голубев А.В.* «Царь Китаю не верит...». Союзники в представлении российского общества 1914—1945 гг. // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 1. М.: ИРИ РАН, 2000. С. 317—355.
- Голубев А.В.* Инфраструктура советской «культурной дипломатии» межвоенного периода (из исторического опыта информационной политики) // Российская государственность: уровни власти. Историческая динамика. Мат-лы Всероссийской научно-практической конференции. Ижевск. 24—26 апреля 2001 г. / Ред. В.В. Пузанов. Ижевск: Удмурт. ун-т, 2001. С. 282—287.
- Голубев А.В.* «Призраки войны» и реальность // Знание — сила. 2001. № 7. С. 12—22.
- Голубев А.В.* Советская Россия и Запад: динамика восприятия. Мат-лы междунар. интернет-конференции, проходившей 20 марта — 14 мая 2001 г. на информ.-образ. портале www.auditium.ru / Под общ. ред. В.В. Керова. М.: Моск. обществ. науч. фонд, 2001. С. 118—125.
- Голубев А.В.* Россия и мир глазами друг друга: из опыта изучения проблемы // Труды Института российской истории. Вып. 7. М.: ИРИ РАН, 2008. С. 400—410.
- Голубев А.В.* Становление советской культурной дипломатии (1917—1929 гг.) // Проблемы российской истории. Вып. 9. М.; Магнитогорск: МаГУ, 2009. С. 121—140.
- Голубев А.В., Яковенко И.Г.* Запад глазами русских (межвоенный период) // Россия и современный мир. 1997. № 1. С. 119—135.
- Гракина Э.И.* Научные и культурные связи СССР с зарубежными странами в годы Великой Отечественной войны // История СССР. 1985. № 4. С. 84—96.
- Дьякова Е.Г.* Интеллигенция как объект пропагандистского воздействия: насколько эффективна была советская пропагандистская машина? // Толерантность и власть: судьбы российской интеллигенции: тезисы докладов международной конференции, посвященной 80-летию «философского парохода» (4—6 октября 2002 г., Пермь — Чусовой). Пермь: Изд-во Пермского регионального института педагогических информационных технологий (ПРИПИТ), 2002. С. 48—49.
- Журавлёва В.И.* Революция 1905 года в России: размышления американцев // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. Вып. 2. М.: ИРИ РАН, 2002. С. 162—182.
- Зеленов М.В.* Главлит и историческая наука в 20—30-е годы // Вопросы истории. 1997. № 3. С. 21—35.
- Зеленов М.В.* Спецхран и историческая наука в Советской России в 1920—1930-е годы // Отечественная история. 2000. № 2. С. 129—141.
- Измозик В.С.* Первые советские инструкции по перлюстрации // Минувшее: Исторический альманах. Т. 21. М.; СПб.: Феникс, 1997. С. 155—174.
- Карр Э.* Революция в России и Запад // Свободная мысль. 1991. № 16. С. 20—25.
- Комов Ю.* Миссия в Москву. Об одном «просоветском американском фильме», который понравился И.В. Сталину // В мире книг. 1988. № 10. С. 66—71.
- Конквест Р.* Жатва скорби // Вопросы истории. 1990. № 4. С. 83—100.
- Костяшов Ю.В.* Общество друзей Новой России в Кёнигсберге (по материалам ГА РФ) // Проблемы источниковедения и историографии: Сб. науч. тр. Вып. 3. Калининград: Калинингр. ун-т, 1999. С. 76—81.
- Кудюкина М.М.* Общее и особенное в настроениях крестьянства накануне коллективизации // Бахтинские чтения. Философские и методологические проблемы гуманитарного познания. Орел: ОГТРК, 1994. С. 268—273.

- Куманёв В.А. Судьбы советской интеллигенции (30-е годы) // История СССР. 1990. № 1. С. 23—39.
- Лельчук В.С., Пивовар Е.И. Менталитет советского общества и «холодная война»: К постановке проблемы // Отечественная история. 1993. № 6. С. 63—78.
- Михутина И.В. СССР глазами польских дипломатов (1926—1931 гг.) // Вопросы истории. 1993. № 9. С. 45—58.
- Мэтьюз М. Ограничение свободы проживания и передвижения в России (до 1932 года) // Вопросы истории. 1994. № 4. С. 22—34.
- Невежин В.А. Советская политика и культурные связи с Германией (1939—1941 гг.) // Отечественная история. 1993. № 1. С. 18—34.
- Невежин В.А. Культура Третьего рейха через призму советской пропаганды // Россия и Европа в XIX—XX веках. Проблемы взаимовосприятия народов, социумов, культур. М.: ИРИ РАН, 1996. С. 129—142.
- Невежин В.А. Политико-идеологические кампании Кремля (1939—1941 гг.) // Междунар. кризис 1939—1941 гг.: от советско-германских договоров 1939 года до нападения Германии на СССР. Мат-лы междунар. конф., организ. Институтом всеобщей истории РАН, Университетом Латвии, Институтом современной истории (Мюнхен), Московским отделением Фонда им. Конрада Аденауэра, проходившей в Москве 3—4 февраля 2005 года / Сост. М.А. Липкин. М.: Изд-во «Права человека», 2006. С. 307—327.
- Павлова И.В. Становление советской системы информационной блокады // Культура и интеллигенция сибирской провинции в XX веке: теория, история, практика: материалы регион. науч. конф., 24—25 февраля 2000 г. / Редкол.: С.А. Кра-сильников (отв. ред.) и др. Новосибирск, 2000. С. 40—46.
- Сааков Р.Р. Движение общественности за дружбу между народами СССР и других стран // Вопросы истории. 1975. № 10. С. 15—28.
- Сенявская Е.С. Человек на войне: опыт историко-психологической характеристики российского комбатанта // Отечественная история. 1995. № 3. С. 7—16.
- Сергеев Е.Ю. Россия и русские в общественном мнении США (август 1914 — февраль 1917) // Россия и внешний мир: Диалог культур / Отв. ред. Ю.С. Борисов. М.: ИРИ РАН, 1997. С. 149—161.
- Старков Б.А. Запад глазами сотрудников ОГПУ // Россия и Запад / Отв. ред., сост.: А.В. Терешук, С.Л. Фирсов. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1996. С. 185—209.
- Ходнев А.С. «Великая война» в зарубежной историографии: концепция тотальной войны // Преподавание истории в школе. 2000. № 10. С. 16—20.
- Чугров С.В. Идеологемы и внешнеполитическое сознание // Мировая экономика и международные отношения. 1993. № 2. С. 38—48.
- Шафганс Б. «Валькирия» Эйзенштейна и германо-советские отношения // Киноведческие записки. 1998. № 39. С. 198—211.
- Cockett R.B. "In wartime every objective reporter should be shot". The Experience of British Press Correspondents in Moscow, 1941—1945 // Journal of contemporary history. Vol. 23. L., 1988. P. 515—530.
- Deutscher I. «The Great Change» // The Stalinist Dictatorship / Chris Ward (Ed.). L.: Arnold, 1998. P. 97—119.
- Izmozik V.S. Voices from the Twenties: Private Correspondence Intercepted by the OGPU // Russian Review. Vol. 55. N 2 (April 1996). P. 287—308.

Рецензии

- Миронов Б.Н. История СССР с социологической точки зрения: о книге А.Г. Вишневского «Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР» // Социальная история. Ежегодник. 2000. М., 2000. С. 327—342.

Справочные издания

Большая советская энциклопедия / Гл. ред. О.Ю. Шмидт. [1-е изд.]. Т. 12. Воден—Волховстрой. М.: Советская энциклопедия, 1928. 443 с.

На приеме у Сталина: тетради (журналы) записей лиц, принятых И.В. Сталиным (1924—1953) / Авт.-сост.: А.В. Коротков, А.Д. Чернев, А.А. Чернобаев. М.: Новый хронограф, 2008. 783 с.

Диссертационные исследования

Гречухин П.Б. Власть и формирование исторического сознания советского общества в 1934—1941 гг. Дис. ... канд. ист. наук. Саратов: Саратов. гос-ун-т. 1997. 202 с.

Ушакова С.Н. Идеолого-пропагандистские кампании как способ социальной мобилизации советского общества в конце 1920-х — начале 1940-х гг. (на материалах Западной Сибири). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2001. 23 с.

Указатель имен

А

- Агранов Я.С. 48
Александр Невский 131, 143, 193
Александров Г.Ф. 102
Андерсен-Нексе М. 106
Андреев А.А. 48, 141
Анриевский А.Н. 192
Арагон Л. 103, 114
Аренс И. (Ж.) Л. 105
Аристотель 44
Аросев А.Я. 89—91, 94, 98—102,
113, 118, 121, 122, 126
Асафьев Б.В. 66
Астахов Г.А. 132
Астор В. (У.) 108
Астор Н. 107, 108

Б

- Бабель И.Э. 120
Бажанов Б. 79
Баканов И. 156—158
Бакнер Р. 205
Бакст Л.С. 66
Барбюс А. 103, 106, 114, 119
Баргхорн Ф. 9, 117
Барковский В.Б. 163, 164, 174,
175
Барнс Дж. 201
Безденежных 45
Безыменский А.И. 114
Беньямин В. 86
Берг Э. 152
Берджесс Г. 124
Бердяев Н.А. 13
Бережков В.М. 55

- Биддл Ф. 196
Блант Э. 124, 125
Боггард Х. 193
Большаков И.Г. 192
Бриан А. 37, 53
Бритон Г. 110
Брюханов Н.П. 33
Бубер-Нейман М. 119
Бубнов А.С. 49
Булгаков М.А. 89
Бухарин Н.И. 122
Бэкон Л. 193

В

- Вагнер Р. 131, 135, 136
Вебб Б. 24, 34, 107, 109
Вебб С. 24, 34, 107, 109
Вернадский В.И. 34—36, 43, 44,
49, 110
Верт А. 184, 199
Вертов Д. 194
Виноградов С.И. 100
Вишневский Вс. В. 34, 129, 140,
144, 145
Волгин В.П. 49
Ворошилов К.Е. 121, 129
Вышинский А.Я. 136, 150, 152,
165, 168, 169, 174, 175, 202, 207,
208

Г

- Габихт Г. 158, 159
Гаврилюк А.А. 162
Гарбо Г. 192
Гартох О. 122

- Геббельс Й. 130, 134, 136, 139, 140, 144
 Генри Э. (Хентов Л.А, Ростовский С.Н.) 190, 191
 Георг VI 124
 Гильчевский К.Л. 85
 Гирс Н.К. 58
 Гирса Й. 36, 44, 84
 Гиршфельд А.В. 90
 Гитлер А. 15, 34, 60, 118, 127, 130, 131, 134, 136—138, 140, 144, 146, 152, 153, 205, 208
 Глазунов А.К. 66
 Глаубауф Ф. 184—188
 Говоров Л.А. 186
 Голомшток И.Н. 68, 69, 73
 Гончарова Н.С. 66
 Горбунов Н.П. 73
 Горький М. 67, 106, 110, 119
 Готье Ю.В. 66
 Гринев М.И. 124
 Громыко А.А. 176
 Гувер Г. 60
 Гусев С.И. 33
 Гусев Ф.Т. 165, 175, 176
 Гэллап Дж. 21
- Д**
 Давтян Я.Х. 70
 Данилов Н.Н. 157
 Данн Д. 208
 Деканозов В.Г. 142, 147
 Десняк О. (Руденко А.И.) 162
 Джонсон Х. 213
 Джонстон Т. 116
 Джордан Ф. 184
 Дзержинский Ф.Э. 70
 Диккенс Ч. 86
 Дмитриев С.С. 29
 Довгалевский В.С. 75, 76
 Довженко А.П. 194
- Дойчер И. 63
 Долинин 84
 Дос Пассос Д. 103
 Драйзер Т. 103, 106
 Дьюи Дж. 206
 Дьякова Е.Г. 63
 Дэвид-Фокс М. 126
 Дэвис Дж. 194, 200, 204, 205, 207—209, 219
- Е**
 Евдокимов Г.Е. 35
 Ежов Н.И. 48, 50
 Екатерина II 58
 Енукидзе А.С. 73
- Ж**
 Жданов А.А. 39, 48, 53, 103
 Жемчужина П.С. 209
 Жид А. 55, 103, 114, 115, 120—122
- З**
 Зарубин Г.Н. 167, 168, 181
 Зегерс А. 106
 Землинская 162
 Зиновьев А.А. 56
 Зиновьев Г.Е. 104
 Зинченко К.Е. 175
 Зонов В.М. 175
 Зотов И.С. 177
 Зошенко М.М. 140
- И**
 Игнатъев А.А. 165
 Иисус Христос 25
 Ильичёв Л.Ф. 141
 Ингулов С.Б. 36
 Иоффе А.Е. 85
 Ирский Г.Л. 205, 206, 210, 211
 Исаакян Л.А. 36

- К**
Каганович Л.М. 32, 33, 50, 103
Кадер Я.М. 157
Калинин М.И. 20, 28, 81, 85, 122, 123, 206
Калатозов (Калатозишвили) М.К. 192
Калиниченко 31
Каменева О.Д. 78, 79, 89, 126
Кандинский В.В. 68
Капица П.Л. 108
Капра Ф. 192, 193
Капустин А.Н. 142, 143
Караганов А.В. 176—178
Карахан Л.М. 121
Карр Э. 104
Катаев В.П. 140
Кашуба В.Н. 155, 156
Келлог Ф. 37
Кеменов В.С. 39, 163—165, 167, 174, 175, 177—180, 200, 212, 213
Кенез П. 61
Кеннан Дж. 60
Кёстлер А. 55, 115
Киров С.М. 46
Кислова Л.Д. 163, 174
Клаузевиц К. 151
Кодацкий И.Ф. 113
Коллонтай А.М. 107
Кольцов М.Е. 114, 115, 119, 120
Корда А. 194
Коровин Е.А. 87, 88
Костырченко Г.В. 148
Коулс Г. 201
Коч П. 205
Коэн Ст. 126
Краминов Д.Ф. 129
Красиков П.А. 52
Красин Л.Б. 71
Красных А.А. 189, 190
Крестинский Н.Н. 90, 113
Кригер Е.Г. 183
Криппс Ст. 190
Кристи А. 112
Куликова Г.Б. 114
Куманёв В.А. 65
Курганов О.А. 183
Курциус Ю. 90
Кюстин А.Л.Л. 58
- Л**
Лакер У. 14, 87,
Лашевич М.М. 72
Левинсон Ю. 178, 179
Лежава А.М. 71
Лейда Дж. 205
Лелюшенко Д.Д. 203
Ленин В.И. 19, 41, 50, 68, 144, 151, 156, 169, 200, 202
Либерзон (Орлова) Р.Д. 88, 179—182
Лидов П.А. 183
Линкольн А. 58
Лисицкий Л.М. 73
Литвак А.М. 192, 193
Литвинов М.М. 50, 76, 107, 118, 176, 181, 196, 197, 206, 209
Ллойд Джорж Д. 106
Лозовский С.А. 64, 134, 168, 169, 172, 183—186, 188, 196, 202
Локшина М.В. 178
Ломагин Н.А. 20
Ломоносов М.В. 132
Лотиан Ф.Г.К. 107, 108
Луначарский А.В. 51, 68—70, 73, 75,
Людвиг Э. 50, 114
- М**
Майлстоун Л. 193
Майский И.М. 57, 71, 78, 100—102, 109, 122, 124, 163—165, 175, 176, 190, 191

Макбрайд И. 50, 51
Макдональд Д.Р. 71, 116
Макмиллан Г. 104
Маленков Г.М. 39, 54
Манн Г. 103
Манн Т. 103
Мархлевский Ю.Ю. 74
Маршал К. 164
Масарик Т. 113
Маяковский В.В. 79
Межлаук В.И. 48
Менделеев Д.И. 96
Меркулов В.Н. 207, 208
Мехлис Л.З. 50, 114
Микоян А.И. 137, 141
Миликовский Л.Л. 178, 179
Милютин В.П. 73
Моват Ч. 107
Молотов В.М. 5, 32, 49, 83, 127—
129, 131—134, 136, 140—143,
148, 151, 153, 154, 156, 158, 159,
169, 170, 184, 185, 188, 201, 202,
208, 209, 216
Молочков Ф.Ф. 202, 207
Мувинкель Ю.Л. (отец) 107
Мувинкель Ю.Л. (сын) 107
Мур Г. 168
Мэйнард Дж. 109
Мюнценберг В. 68

Н

Наполи Н. 211
Неедлы Зд. 113
Нефф Т.А. 152
Николай (Б.Д. Ярушевич), мит-
рополит 203
Нобиле У. 76

О

Оголевец А.С. 179
Оливье Л. 194

Орлова В. 139, 154
Орлова Р.Д., см. Либерзон Р.Д.

П

Павлов И.П. 67, 72
Павлова И.В. 22, 47
Пальгунов Н.Г. 37, 138, 140, 141,
144, 149—152, 154, 155, 158, 159,
161—163, 165, 170, 171, 184, 185,
187, 188, 198
Паркер Р. 184
Пастернак Б.Л. 120
Патек С. 61
Паустовский К.Г. 162
Пёрцген Г.В. 144, 149, 150
Пётр Первый 193
Петен А.Ф. 137, 138
Петров Е.П. 141, 183, 195
Петров Ф.Н. 73, 89
Печатнов В.О. 214
Пильняк Б.А. 89
Платонов А.П. 183
Поздняков Н.Г. 94
Покровский М.Н. 70, 71
Поликарпов Д.А. 139
Поскребышев А.Н. 48
Притт Д.Н. 123
Пришвин М.М. 162
Прокофьев С.С. 66
Пудовкин Вс. И. 194
Пузин А.А. 152
Пэрс Б. 104, 124

Р

Раговер-Сметанич Р.Н. 91
Радин 46
Разин С.Т. 202
Раковский Л.И. 162
Ратов Г.В. 193
Рашбрук Д.Г. 106
Рерих Н.К. 66

- Риббентроп Й. 5, 127—129, 131—133, 136, 143, 148, 153, 154, 159, 209, 216
- Ричардсон С. 205
- Ровинский Л.Я. 134
- Розенберг 152
- Рокотов Т.А. 154, 159, 161
- Роллан Р. 103, 106, 113, 114, 121, 122
- Романов П.С. 140
- Ростовский С.Н., см. Генри Э.
- Руденко А.И., см. Десняк О.
- Рузвельт Ф.Д. 16, 197, 200, 201, 204—207, 219
- Рыбкин 81
- Рыков А.И. 72
- С**
- Садчиков Н.Г. 43, 154
- Салтыков-Щедрин М.Е. 41
- Самойлович Р.Л. 76
- Сапрыкина Е.С. 10
- Сапрыкина М.С. 10
- Селих Я.Г. 129
- Серж В. 122
- Симонов К.М. 129, 183
- Синклер Э. 106
- Скотт Дж. 170—172
- Сметанич С.Д. 91
- Смирнов В.Ф. 102, 121
- Сокольников Г.Я. 106
- Соловьев А.М. 209
- Сологуб Ф.К. 69
- Соловьев А.Г. 34
- Соловьев Ю.Я. 61
- Солодовников А.В. 212
- Сталин И.В. 22, 50, 55, 60, 79, 84, 94, 98, 99, 102—104, 108, 114, 118, 122, 124, 127, 129—132, 134, 135, 137, 144—149, 151, 153—156, 169, 170, 171, 193, 200—203, 205—209, 212, 213, 219
- Степанян Ц.А. 157
- Стецкий А.И. 90
- Стивенсон Д.М. 75
- Стил А. 185
- Стомоняков Б.С. 36, 95
- Стравинский И.Ф. 66
- Стэндли У. 204
- Суворов А.В. 143, 162
- Сунь Ятсен 74
- Сурков А.А. 183
- Сусанин И. 135, 207
- Т**
- Тарле Е.В. 49, 67
- Татлин В.Е. 68
- Тёмкин Д.З. 192
- Тихонова 46
- Толстой А.Н. 183
- Толстой Л.Н. 191, 194
- Томас Дж. 110
- Тотлебен Э.И. 152
- Треvelyян Ч. 117
- Треппер Л. 53
- Третлер А.А. 96
- Троцкий Л.Д. 65, 69, 104, 124
- Трояновский А.А. 75
- Трумэн Г. 201
- У**
- Уилки У. 200—204
- Уильямс С. 205
- Улановский А. 49
- Ульянова М.И. 31
- Уманский К.А. 73, 166—168
- Уншлихт И.С. 70
- Уолкер Ф.К. 196
- Уоллес С. 196
- Уорнер А.М. 207
- Утёсов Л.О. 202

Уэллс Г. 67, 105, 114, 122

Ф

- Фатеев А.В. 29
Фейхтвангер Л. 103, 114, 122, 137, 138
Филби К. 124
Филиппов И.Ф. 149
Фишер Л. 57, 76
Фокин В.И. 7
Фомин В.И. 210
Франк У. 115

Х

- Хавинсон Я.С. 144
Хаслэм Дж. 123
Хелман Л. 211
Хентов Л.А., см. Генри Э.
Хесс 96
Хиндемит П. 66
Хобард 105
Холландер П. 111, 125
Хэлл К. 196, 197

Ц

- Цвейг С. 122
Цветкович Д. 146

Ч

- Чайковский П.И. 207
Чемберлен О. 104
Чернявский Л.Н. 87, 92, 94
Черчилль У. 201, 205
Чжан Цюлин 37, 38
Чичерин Г.В. 30, 31, 51, 75
Чолдин М.Т. 42
Чуковский К.И. 65

Чухновский Б.Г. 76

Ш

- Шагал М. 66
Шапиро И.Г. 158, 159
Шафганс Б. 132, 135, 136
Шейнис З.С. 145
Шекспир В. 86
Шёнберг А. 66
Шитц И.И. 88, 116
Шишков В.Я. 140
Шнейдеров В.А. 194
Шнуре К.Ю. 137
Шолохов М.А. 164, 183
Шостакович Д.Д. 202
Шоу Б. 57, 79, 105—108, 114, 122
Штанге А.А. 76
Штарке Г. 138, 141
Штейнгард Л.А. 168, 172, 196
Штеренберг Д.П. 68
Шуберт Ф.П. 44
Шуленбург Ф.В. 136, 138, 147, 152

Щ

- Щербаков А.С. 114, 119, 150—152, 188

Э

- Эйзенштейн С.М. 131, 132, 135, 136, 144, 194
Эйнштейн А. 95
Эренбург И.Г. 79, 102, 103, 119, 120, 133, 134, 145, 146, 183

Я

- Ягода Г.Г. 32, 33, 35
Ясперс К. 13

Научное издание

**Голубев Александр Владимирович
Невежин Владимир Александрович**

**Формирование образа Советской России в окружающем мире
средствами культурной дипломатии
(1920-е – первая половина 1940-х гг.)**

Редактор: *Е. В. Добычина*

Выпускающий редактор *О. А. Пруцкова*

Макет и оформление *Ю. В. Балабанов*

Подписано к печати 22.04.16 Формат 60×90/16. Заказ № 158.
Тираж 500 экз. 15 п.л. 16,7 уч.-изд. л.

Издательский центр Института российской истории РАН
117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленного оригинал-макета
в Публичном акционерном обществе
«Т8 Издательские Технологии»
109316 Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5
Тел.: 8 (495) 221-89-80

По издательским вопросам обращаться:
«**Центр гуманитарных инициатив**»
e-mail: unikniga@yandex.ru. Руководитель центра П. В. Соснов

Комплектование библиотек, оптовая продажа в России и странах СНГ
ООО «**Университетская книга-СПб**».

«Университетская книга-СПб» предлагает книготорговым организациям, библиотекам и простым читателям широкий ассортимент книг по всему спектру гуманитарных наук – философии, филологии, лингвистики, истории, социологии и политологии. Вы можете приобрести у нас по издательским ценам продукцию ведущих научно-гуманитарных издательств России.

Контакты:

в Санкт-Петербурге: Тел. (812)640-08-71, e-mail: uknigal@westcall.net
в Москве: ООО «Университетская книга-СПб». Тел. (495)915-32-84,
e-mail: ukniga-m@libfl.ru

Книжные новинки издательства всегда представлены
в киоске Государственного института искусствознания:
Москва, Большой Козицкий переулок, д. 5 (ст. метро «Чеховская»,
выход в сторону Музыкального театра им. К. С. Станиславского
и В. И. Немировича-Данченко).

Тел./факс: (495) 692-29-39, e-mail: kiosk_gii@sias.ru

Рассылка по России:

Интернет-магазин Лабиринт.ру: <http://www.labirint.ru/>

Формирование образа Советской России в окружающем мире средствами культурной дипломатии

1920-е – первая половина 1940-х гг.

Голубев Александр Владимирович, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, руководитель Центра по изучению отечественной культуры ИРИ РАН, член Союза писателей России.

Автор свыше 250 научных работ, в том числе монографий: «Россия и Запад. Формирование внешнеполитических стереотипов в сознании российского общества первой половины XX века» (М., 1998; в соавторстве); «Взгляд на землю обетованную»: из истории советской культурной дипломатии» (М., 2004); «Если мир обрушится на нашу Республику»: советское общество и внешняя угроза в 1920-е – 1940-е годы» (М., 2008); «Образ союзника в сознании российского общества в контексте мировых войн» (М., 2012; в соавторстве)

Невежин Владимир Александрович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, специалист по истории советской культуры 1930–1940-х гг.

Автор около 200 научных публикаций, в том числе монографий: «Синдром наступательной войны: советская пропаганда в преддверии “священных боев”, 1939–1941 гг.» (М., 1997); «Если завтра в поход...»: подготовка к войне и идеологическая пропаганда в 30-х – 40-х годах» (М., 2007); «Застолья Иосифа Сталина. Кн. 1: Большие кремлевские приемы 1930-х – 1940-х гг.» (М., 2011)

